АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР

Н. Г. АПОЛЛОВА

ПРИСОЕДИНЕНИЕ КАЗАХСТАНА К РОССИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР
АЛМА-АТА 1948

АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР

Н. Г. АПОЛЛОВА

ПРИСОЕДИНЕНИЕ КАЗАХСТАНА К РОССИИ В 30-х ГОДАХ XVIII ВЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР
АЛМА-АТА 1948

Ответственный редактор
Е. Бекмаханов

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук Казахской ССР*

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка сверху	Ссылка	Напечатано	Следует читать
8	—	2	обозрение киргиз-кайсаков	обозрение земли киргиз-кайсаков
15	—	1	Фрунзе. 1944	Фрунзе. 1943
22	27	—	„Журнал" Урусова 1741 года	„Журнал" Урусова 1740 года
28	—	1	д. 8	д. 3
96	—	4	»	»
113	—	3	»	»
32	—	1	fait eu	fait en
40	—	2	XVIII века,	XVII века
45	—	2	пудов	фунтов
52	36	—	произвести	произойти
93	—	2	стр. 100.	стр. 101—102
99	—	2	Герги	Георги
99	—	5	т. 8	т. X
107	—	3	Там же	„Красный Архив", 1936, № 5 (78).
136	—	1	„Киргиз-кайсацкие дела"	„Калмыцкие дела"
172	—	3	»	»
181	—	1	»	»
230	—	2	»	»
156	—	3	стр. 65	стр. 280
178	—	3	Ак-табан-шур-бынды	Ак-табан-шубрынды
189	—	1	Попов П.	А. Попов
193	33	—	Новошенкинска	Новошешминска
194	4	—	владельцев	султанов
140	30	—	сриди	среди

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вопрос о присоединении Казахстана к России представляет для историков большой интерес. Во-первых, это один из неразработанных вопросов истории Казахстана, во-вторых, объективный смысл присоединения Казахстана к России в дореволюционной историографии затушевывался, извращался в угоду колониальной политике царизма. В некоторых работах советских историков, в частности, в первом издании «Истории Казахской ССР», также не раскрыт исторический смысл этого акта. В монографии Н. Г. Аполловой присоединение Казахстана к России рассматривается как прогрессивное явление в истории казахского народа.

Ограничивая тему 30-ми годами XVIII века, автор подробно исследует материалы о предпосылках и конкретной истории присоединения Казахстана к России. В этом плане рассматриваются как социально-экономические и внутриполитические предпосылки подданства казахских жузов России, так и предпосылки, вытекающие из внешнеполитической обстановки Казахстана 20-х годов XVIII века.

Рассматривая экономику казахских жузов, представлявшую собой систему натурального замкнутого хозяйства и пастбищно-кочевую систему скотоводства, автор приходит к выводу, что патриархальная замкнутость хозяйства казахов первой половины XVIII века консервировала отсталую технику производства, что экономика Казахстана в это время, особенно вследствие джунгарского нашествия, переживала упадок и не имела достаточных стимулов для подъема. В частности, в казахских жузах не было устойчивых торговых связей.

Существенные сдвиги в отсталой экономике Казахстана первой половины XVIII века могли произойти, с одной стороны, лишь в условиях, которые обеспечивали бы внешнеполитическую безопасность и, с другой — при помощи прочных экономических связей с соседним государством, которое должно было стоять на более высоком уровне своего экономического и культурного развития. Таким государством была Россия.

Используя обширный фактический материал архивных собраний, обычного права и нарративных источников, автор дает анализ социальных отношений в казахских жузах первой половины XVIII века и характеризует феодальные отношения, которые развивались в условиях патриархально-родового быта.

Рассматривая положение отдельных социальных групп (ханов, султанов и биев) в процессе материального производства, автор подробно останавливается на вопросе о социально-экономическом положении биев, которые сыграли крупную роль в феодальной борьбе 30-х годов XVIII века. Показывая различные формы феодальной эксплоатации, автор подчеркивает, что классовые интересы феодальной верхушки, в частности, биев, противоречили интересам общины, в силу чего они являлись представителями феодального гнета. В монографии детально рассматриваются патронатные отношения и различные формы отработок. Анализ материалов приводит к заключению, что отношения биев со скотоводческой общиной проявлялись, главным образом, в формах докапиталистической отработочной ренты, выступавшей нередко под видом родовой помощи. Эти отношения развивались по линии узурпации как средств производства (скота), так и условий производства (пастбищ). Таким образом, в процессе феодализации укреплялось социально-экономическое положение биев и усиливалась политическая роль их как представителей патриархально-феодальной знати. Это обусловило господствующее положение биев в казахском обществе первой половины XVIII века.

В главе, посвященной характеристике политического строя казахских жузов, автор дает подробное описание института биев, в частности, собраний биев, которые активно участвовали в борьбе, развернувшейся вокруг принятия казахами российского подданства.

В монографии отмечается усиление процесса феодальной раздробленности и ослабление политических связей между жузами в условиях борьбы султанских и старшинских группировок. Эта борьба подтачивала прочность казахских жузов изнутри. Серьезным препятствием к преодолению феодальной раздробленности было и неустойчивое положение ханской власти в лице Абулхаира.

Отдельная глава в книге тов. Аполловой посвящена борьбе казахского народа с Джунгарией в 20-х годах XVIII века, обострение которой, приведшее к «годам великого бедствия», явилось одной из решающих предпосылок присоединения Казахстана к России в 30-х годах XVIII века. Показывая основные черты общественно-политического строя Джунгарии, автор широко использует «Степное уложение» или «Устав взысканий» 1640 года, в частности военные статьи его, и приходит к выводу о том, что Джунгария — государ-

ство с ярко выраженными рабовладельческими тенденциями, последовательно проводившее агрессивную политику, грозило порабощением казахскому народу.

В заключительной главе монографии автор дает описание того, как политически и формально осуществлялось присоединение Казахстана к России в 30-х годах XVIII века, и показывает непосредственные результаты этого акта для казахских жузов. В этой главе подробно излагается история принятия российского подданства Младшим жузом. Анализ борьбы так называемых «ханской» и «противной» партий приводит к заключению, что в обострении ее сыграли роль, главным образом, следующие обстоятельства: 1) самый факт прибытия в ханскую ставку царского посла Тевкелева и 2) агитация калмыцких тайшей,[1] «изменников России», которые посылали в казахские жузы своих «возмутителей», выступавших против российского подданства. Автор пытается показать и настроения народных масс, подчеркивая их заинтересованность в кочевьях на территории Урала и Волги, особенно выросшую после захвата джунгарами пастбищ в Семиречье и желание «жить в миру с Россией».

Характеризуя социальное лицо «ханской» и «противной» партий, автор раскрывает политику Абулхаира, которую неправильно представляли в дореволюционной историографии и даже в первом издании «Истории Казахской ССР».

Показывая заинтересованность отдельных классов казахского общества в присоединении к России, автор доказывает, что у Абулхаира были определенные хозяйственно-политические расчеты в отношении России, вытекающие из объективной исторической обстановки Казахстана первой половины XVIII века.

Это были расчеты на военную помощь в борьбе с Джунгарией, перспективы освоения кочевий в районе Урала и Волги, возможности расширения торговых связей с русскими рынками и городскими ремесленными центрами Средней Азии.

В то же время условия подданства Абулхаира, представлявшие собой наметку правового положения Казахского ханства, являлись условиями вассалитета и совпадали с условиями подданства, предложенными Абулхаиру царской грамотой от 19 февраля 1731 года. Таким образом, феодальная верхушка в лице Абулхаира и представителей патриархально-феодальной знати (биев и батыров) явилась опорой царизма в принятии российского подданства казахскими жузами. Это укрепляло колониальную политику царизма, направленную к усилению феодального гнета, ставившую своей задачей «мирное завоевание» степи.

[1] Калмыцкие тайши в русских источниках называются владельцами.

Из монографии Н. Г. Аполловой следует вывод, что присоединение Казахстана к России в 30-х годах XVIII века было подготовлено длительными экономическими и политическими связями, возникшими еще в конце XVI века. К началу 30-х годов определились и конкретные хозяйственно-политические цели царизма в отношении Младшего жуза и среднеазиатских ханов (Бухарского и Хивинского), а именно цели расширения торговых связей и укрепления политического влияния царизма в Средней Азии путем приведения в российское подданство.

Вместе с тем к 30-м годам XVIII века назрел вопрос закрепления связей казахских жузов с Россией. В этом были заинтересованы различные классы казахского общества.

Автор монографии отмечает непосредственные результаты воздействия русской экономики на хозяйство казахов (сдвиги в скотоводческом хозяйстве, земледелии и торговле), изменения в социальных отношениях (углубление классовой дифференции), воздействие русской культуры на культуру казахского народа.

Эти сдвиги свидетельствуют о том, что присоединение Казахстана к России было крупным событием в истории Казахстана, событием, положившим начало сближения казахского и русского народов.

Актуальность темы, разработанной по многочисленным архивным источникам, и объективный анализ основных вопросов в свете методологических указаний классиков марксизма-ленинизма делают монографию Н. Аполловой безусловно ценной как для историков специалистов, так и для широкого круга читателей.

Данная работа выполнена автором в творческом содружестве с коллективом работников Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР (руководитель действ. член АН КазССР С. В. Юшков) и Сектора истории СССР до XIX в. Института истории АН СССР (руководитель чл.-корр. АН СССР С. В. Бахрушин), при непосредственном участии проф. М. П. Вяткина, Н. В. Устюгова и М. А. Морозова, которым автор выражает свою признательность.

Е. Бекмаханов.

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая работа представляет собой опыт монографического исследования вопроса о присоединении Казахстана к России в 30-х годах XVIII века, когда Младший жуз принял российское подданство.

Взятая во всем объеме, эта тема является сложной комплексной темой, ибо каждый раздел ее тесно связан с основным вопросом и в то же время может быть предметом специального исследования.

Какой материал для изучения нашей темы дают исторические работы дореволюционного времени и исследования советских историков?

Читатель найдет ответ на этот вопрос в обзоре литературы и источников, который дается нами в связи с основной проблематикой темы.

Интерес к истории Казахстана в русской литературе проявился еще в XVIII веке. Он был вызван, главным образом, необходимостью познакомиться с хозяйством, бытом и политической историей казахов Младшего и Среднего жузов, принявших российское подданство.

Одновременно с этим оживился интерес к изучению природы казахских степей.

Однако изучение Казахстана в дореволюционный период было связано, главным образом, с интересами Российской империи, и работы этого периода рассматривали казахский народ как объект колониальной политики царизма. Эта точка зрения особенно довлела над исследованиями конца XVIII и XIX вв.

Эти работы или совсем отошли от первоисточников или тенденциозно использовали их.

Но в литературе дореволюционного времени нашли свое отражение и попытки объективного изучения прошлого казахского народа с использованием архивных материалов, а также то прогрессивное направление русской культуры, которое в трудах таких исследователей, как Г. Потанин, В. Радлов и др. явилось выражением передовых идей русского народа.

Среди общих работ наиболее ценной является трехтомное исследование А. Левшина,[1] представляющее собой первый обзор истории Казахстана, не потерявший своего научного значения и в настоящее время. Ценность этой работы заключается в том, что она составлена на основании первоисточников, среди которых использованы и архивные материалы. Наиболее интересной является вторая часть исследования Левшина, посвященная истории Казахстана XVIII — начала XIX вв., где дается обзор исторического развития трех жузов. При наличии большого количества фактов, связанных с изучением архивных материалов, исследование Левшина в некоторых своих частях носит характер источника.

В средине XIX века появляется целый ряд работ, которые ставят своей задачей изучение хозяйственной, политической и правовой жизни казахов. Это изучение связано с задачами освоения Казахстана как колонии. Одной из таких работ является исследование И. Бларамберга,[2] посвященное Младшему жузу и Букеевской орде, где дается обзор хозяйства и быта казахов, родового состава Младшего жуза, топографии его и пр.

Некоторые обзоры носят статистический характер, в частности, обширное исследование М. Красовского,[3] которое было вызвано стремлением обобщить сведения, относящиеся к экономике, географии и истории Казахстана, вошедшего в состав Российской империи.

Характер статистического исследования носит и работа Л. Мейера «Киргизская степь Оренбургского ведомства», СПб, 1865. В историческом очерке ее дается краткий обзор истории казахов с первой половины XVIII до половины XIX в. Краткий очерк истории Казахстана представляет собой работа П. Румянцева «Киргизский народ в прошлом и настоящем», СПб. 1910.

Как общие обзоры эти работы лишь частично касаются темы взаимоотношений Казахстана и России в первой половине XVIII века, причем в отдельных главах, посвященных этому вопросу (даже в такой обстоятельной работе, как исследование Левшина), излагается лишь внешняя история вопроса. Это объясняется как уровнем исторического знания в тот период, так и основной направленностью работ в сторону изучения, главным образом, быта казахов и их политической

[1] А. Левшин. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей, ч. I—III. СПб. 1832.

[2] И. Бларамберг. Военно-статистическое обозрение киргиз-кайсаков Внутренней (Букеевской) и Зауральской Малой орды Оренбургского ведомства. «Военно-статистическое обозрение Российской империи». СПб. 1848, т. XIV, ч. 3.

[3] М. Красовский. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Область сибирских киргизов, т. I—III. СПб. 1868.

истории. С другой стороны, в некоторых из них, как например в работе Л. Мейера, имеет место тенденциозная, явно ошибочная точка зрения в освещении перехода казахов в российское подданство. Она обусловлена не только отрывом от первоисточников, но и общей направленностью работ середины и конца XIX века, о которой мы говорили выше.

Однако, несмотря на то, что переход казахов в российское подданство, связанный с историей ханства Абулхаира, не был предметом специального исследования, он является все же одной из узловых тем в работах и дореволюционного времени, связанных с историей Казахстана.

Что дают эти общие работы в тех частях своих, которые связаны с вопросами нашей темы?

Мейер — один из тех авторов, которые дают отрицательную характеристику Абулхаиру, подчеркивая его лживость, хитрость, корыстолюбие и неспособность приобрести прочное влияние. Подданство Абулхаира рассматривается Мейером как его личное дело. Отправив свое посольство в Уфу в 1730 году с прошением о подданстве, якобы от всего казахского народа, Абулхаир, по мнению Мейера, обманул царское правительство. Поскольку хан поступил вразрез с решением биев, поручивших ему просить лишь о военном союзе с Россией, выходит, что Абулхаир обманул и их.

Являясь одним из тех авторов, которые рассматривали историю казахского народа с точки зрения колониальной политики царизма, Мейер пытается найти «ключ к тому странному факту», что около столетия Российская империя управляла казахами только номинально. Причину этого явления он видит в том, что утверждение ханского достоинства в роде Абулхаира было прямым нарушением «коренного начала», а именно, свободы казахов в выборах хана. Этот факт и «несоответствовавшая обстоятельствам политика России», по мнению Мейера, оставили глубокий след в истории Младшего жуза.

Аналогическую точку зрения в вопросе присоединения Казахстана к России мы находим и в работе Ф. Лобысевича. Номинальное подданство, по словам этого автора, имевшее своим началом недоразумение с обеих сторон — как царского правительства, так и казахского народа—не только не содействовало безопасности русских границ и торгового движения, но, в связи с некоторыми неудачными мерами царской администрации, отдалило с лишком на целое столетие прочное утверждение царизма в казахской степи.

Подданство Абулхаира, по мнению Лобысевича, является «искательством», которое «было вызвано исключительно личными, властолюбивыми целями этого хана, рассчитывавшего найти в России поддержку своему слабому авторитету и тем устранить влияние на народ опасных себе соперников».

С утверждением в ханском достоинстве «интригана Абулхаира», положение которого было крайне неустойчиво, по мнению Лобысевича, была сделана коренная ошибка, которая привела к тому, что российское подданство казахского народа было только номинальным. «Оттого и вышло, — пишет Лобысевич, — что Абулхаир и его потомки, даже если бы желали, не могли выполнять данных правительству обещаний: охранять границы и торговые караваны в степи.., уплачивать установленный ясак».[1]

Задачи упрочения подданства трактуются и в работе А. Макшеева, по мнению которого, они не были осуществлены при выделении казахов за государственную границу. «Выделенные за границу государства киргизы (казахи), — пишет Макшеев, — оставались попрежнему независимыми, не платили податей и не несли никаких обязанностей в отношении России».[2]

В том же духе рассматривал присоединение Казахстана к России и Красовский, который писал: «Абулхаир ввиду личных выгод, которых мог достигнуть в Орде чрез признание над собою власти русского правительства, решился в 1730 году просить имп. Анну о принятии его со всем киргиз-кайсацким народом в подданство России». Признавая наличие других причин тяготения Абулхаира к подданству (обострение взаимоотношений с волжскими калмыками, башкирами, каракалпаками и хивинцами), Красовский считает, что Абулхаир мог выиграть перед враждебными ему султанами Среднего жуза путем вступления в подданство России, рассчитывая на него, как на «материальную поддержку против всех своих врагов».[3]

К работам 90-х годов, где дается краткая история Младшего жуза, принадлежит и большая монография В. Витевского,[4] в которой содержится большой фактический материал, относящийся к деятельности в Оренбурге И. Неплюева. Однако подбор этого материала говорит о тенденциозной точке зрения автора. Работа Витевского является выражением официальной точки зрения и носит апологетический характер. В своей оценке Абулхаира и его роли в принятии российского подданства он сходится с Мейером, о работе которого мы говорили выше.

В других работах переход казахов в российское подданство рассматривается как добровольное подчинение. На этой точке

---

[1] Ф. Лобысевич. Поступательное движение в Среднюю Азию в торговом и дипломатическо-военном отношениях. СПб. 1900, стр. 38—39.

[2] А. Макшеев. Исторический обзор Туркестана и наступательного движения на него русских. СПб. 1890, стр. 103.

[3] Красовский, указ. соч., т. I, стр. 58—59.

[4] В. Витевский. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 года, т. I—III. Казань. 1897.

зрения стоит Левшин.[1] Показывая, что переход Младшего жуза в российское подданство, совершившийся в трудной обстановке борьбы с Джунгарией, был одним из путей осуществления спокойствия и порядка, а также приобретения выгод в торговле, Левшин допускает и такие предпосылки этого факта, как «властолюбие начальников, предполагающих усилиться покровительством могущественной державы», имея в виду, очевидно, неустойчивое положение ханской власти Абулхаира. Наряду с этим, Левшин считает, что здесь могли иметь место и корыстные цели, в частности, расчеты на царские подарки. «Таковые-же виды, — писал он, — были одною из главнейших причин, побудивших Абулхаира и Абулмамета добровольно покориться с ордами своими имп. Анне».[2]

Как добровольное подчинение рассматривает переход казахов в российское подданство и А. Добросмыслов в своей работе «Тургайская область».[3] Следует заметить, что в этой работе имеются фактические неточности, например, в описании собрания старшин, состоявшегося 10 октября 1731 года.

Итак, переход казахов в российское подданство в литературе дореволюционного периода понимался в одних случаях как личное дело Абулхаира, как выгодная сделка, продиктованная корыстолюбивыми целями хана, где проявился и обман его (Мейер, Лобысевич), в других — как добровольное подчинение (Левшин, Добросмыслов), вызванное неустойчивым положением ханской власти и внешнеполитической опасностью (Левшин).

В некоторых работах дана отрицательная характеристика личных качеств Абулхаира, причем совсем не показаны объективные стороны в политике этого хана как в отношении казахских жузов, так и в вопросе взаимоотношений с Россией.

Вместе с тем в работах ряда авторов определенно выступает официальная точка зрения колониальной политики царизма, которая в XIX веке осуществляла так называемое «мирное завоевание степи», намереваясь ускорить «вечное подданство» казахских жузов.

Для истории ханства Абулхаира наиболее ценны те из работ дореволюционного периода, которые основаны на изучении архивных материалов. Это, прежде всего, две работы П. Рычкова: «Топография Оренбургской губернии», соч. 1762

---

[1] Левшин, указ. соч., ч. II, стр. 74, 94.

[2] Там же. ч. III, стр. 157—158.

[3] «Известия Оренбург. отд. ИРГО». 1902, вып. 15, 17, отд. изд. т. I. Тверь. 1902.

года, Оренбург, 1887 [1] и «История оренбургская» (1730—1750 гг.), СПб, 1896. [2]

Первая из этих работ отвечает выросшим потребностям в изучении края. Ознакомление с хозяйственной жизнью и бытом казахских степей было необходимо в целях закрепления экономических и политических связей. В основу работы П. Рычкова были положены материалы, собранные им во время продолжительной службы в Оренбурге.

В «Топографии Оренбургской губернии» Рычковым использованы также некоторые восточные авторы (сочинение Абуль-Гази «Родословное древо тюрков»).[3] На работу Рычкова оказали влияние и работы русских историков — «Описание Сибирского царства» В. Миллера и сочинения В. Татищева. Рычков дает ценные сведения по топографии и этнографии края, о казахах, калмыках, башкирах и каракалпаках (кочевья, положение ханской власти, краткие описания среднеазиатских владений). Небольшая часть этой работы посвящена истории Младшего жуза, но она дается очень кратко и с точки зрения колониальной политики царизма.

Другая работа П. Рычкова — «История Оренбургская», составленная на основании архивных материалов Оренбургской губернской канцелярии и опросов приезжавших в Оренбург казахских старшин, содержит документальный материал официального характера (царские грамоты и указы) о принятии российского подданства Младшим жузом (грамоты имп. Анны Иоанновны хану Абулхаиру от 10 июня 1734 года, хану Семеке о вторичном принятии его в подданство и т. д.). Поэтому «История Оренбургская» имеет значение, главным образом, как исторический источник.

В «Истории Оренбургской» Рычкова затронуты серьезные вопросы, связанные с присоединением Казахстана к России. Таков вопрос о принятии подданства Младшим жузом. Рычков здесь указывает на два момента: обострение внешнеполитической обстановки (борьба с Джунгарией и столкновения с башкирами) [4] и положение ханской власти в Младшем жузе

---

[1] См. также в кн.: Ежемесячные сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие 1762, январь—март. («О киргиз-кайсаках или киргизцах», стр. 295—322).

[2] Там же, 1759, январь—февраль.

[3] Абуль-Гази. Родословное древо тюрков. Перевод и предисловие Г. С. Саблукова. Казань. 1906. («Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете», т. XXI, вып. 5—6).

[4] О трудностях внешнеполитической обстановки П. Рычков писал: «Абулхаир хан претерпевал великие раззорения и обиды, с одной стороны, от зюнгорских калмык, которые время от времени разными, киргис-кайсацким ханам в великой Татарии принадлежащими, городами завладели и непрестанно их утесняли, а с другой стороны... башкирцы на их киргизские улусы непрестанно чинили набеги». («История Оренбургская», Оренбург. 1896., стр. 5).

(враждебные взаимоотношения Абулхаира, а позднее и Нуралы, с Батыром). Не менее ценны сведения Рычкова о том, какую роль сыграли калмыцкие тайши в противодействии принятию российского подданства, которые, по его словам, распространяли слухи, что «российские люди киргис-кайсаками так, как и башкирцами, овладеют».

Таким образом, в работе Рычкова мы находим не только наблюдения, но и первые наметки объективного разрешения вопроса о присоединении Младшего жуза к России.

Однако во всех рассмотренных работах мы имеем лишь отрывочные факты, не связанные между собой, которые могут служить сырым материалом в изучении социальных отношений. Поэтому вопрос о внутриполитической обстановке казахских жузов накануне перехода в российское подданство, а также вопрос о социально-экономических предпосылках его остаются в этих работах неразрешенными.

В других исследованиях, освещающих деятельность Оренбургской экспедиции, значительно больше внимания уделяется Кириллову, чем посольству Тевкелева. Объясняется это, повидимому, тем, что в научный оборот не были введены главные материалы Тевкелева, в частности, «Журнал» — дневник его пребывания в Младшем жузе в 1731—32 гг.

Политическому строю Казахстана в дореволюционной литературе не посвящено ни одного специального исследования, несмотря на то, что политическая история составляет одну из главных тем работ дореволюционного периода, в частности, у таких авторов, как П. Рычков, А. Левшин, А. Добросмыслов и др. Не ставились задачи изучения институтов, связанных с политической ролью биев. О деятельности собраний биев мы имеем лишь отрывочные сведения, рассеянные в различных источниках.

Недооценка вопросов и фактов социальной истории имела своим прямым следствием недостаточное внимание к ним в дореволюционной литературе. Отдельные лаконические сведения по вопросам социально-политического строя разбросаны в общих работах, например, в работе Левшина[1] и в немногочисленных исследованиях (Ф. Зобнин. «К вопросу о невольниках, рабах и тюленгутах в киргизской степи»;[2] И. Крафт. «Султаны, тарханы и бии и уничтожение рабства в киргизской степи;[3] Сейдалин. «О развитии хлебопашества по бассейну реки Тургая»[4]). В последней работе имеются сведения о социальных отношениях, сложившихся в земледельческих районах. Но эти работы не разрешают целого

[1] Левшин, указ. соч.

[2] «Памятная книжка Семипалат. обл. на 1901 год», вып. VI, стр. 1—99.

[3] И. Крафт. Уничтожение рабства в киргизской степи. В кн.: Из киргизской старины, Оренбург. 1900, стр. 94—107.

[4] «Записки Оренбург. отд. ИРГО», 1870, вып. I.

ряда сложных проблем в области изучения социальных отношений: структуры казахского общества, роли отдельных классов в процессе материального производства и пр.

Неразработанность вопросов социальных отношений, имевшая место в историографии дореволюционного периода, является результатом того, что большинство работ этого времени рассматривали историю казахского народа как историю, представляющую собой смену династий и ханов, показывая казахов, как инородцев, вошедших в состав Российской империи. Вместе с тем здесь были тенденции колониальной политики царизма, с целью оправдания которой представители буржуазной историографии старались показать хозяйство и социальный строй казахов как застывшие явления, в противовес исторической действительности, говорящей о растущем процессе классовой дифференциации.

Слабо освещена в литературе и борьба казахских жузов с Джунгарией. Между тем, это один из решающих этапов в истории казахского народа, так как в этой борьбе и определилась реальная необходимость присоединения Казахстана к России. В частности, нет специальных исследований, посвященных изучению общественно-политического строя Джунгарии. Последнее объясняется недостаточностью материалов в русских архивных фондах, в частности, в таком обширном фонде, как «Калмыцкие дела» (из собрания Государственного Архива древних актов), так и сложностью изучения китайских и монгольских источников.

Следует также заметить, что мало использованы в работах по Джунгарии некоторые изданные источники, дающие ценный материал для понимания общественно-политического строя Джунгарии (например «Степное уложение» или «Устав взысканий» 1640 года[1]) и для изучения отдельных этапов взаимоотношений с ней казахских жузов и России («Журнал» капитана Унковского 1722—1724 гг.[2]).

Не утратили своего научного значения до настоящего времени работы Иакинфа Бичурина, основанные на изучении редких китайских источников. Одна из них — «Описание Джунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии», ч. 1—2. СПб. 1829 — представляет собой, главным образом, историко-географической очерк страны. В другой «Историческое обозрение ойротов или калмыков в XV столетии». СПб. 1834, автор дает историю агрессивной политики джунгарских хун-тайджи в борьбе за создание ойротского царства. В этих работах выступает тенденция автора рассма-

---

[1] «Северный Архив», 1828, кн. 2, стр. 258—288; кн. 3, стр. 42—70.

[2] См. в кн.: Посольство к зюнгорскому хун-тайджи Цеван-Рабтану капитана И. Унковского. СПб. 1887. («Записки ИРГО по отд. этнографии», т. X, вып. 2).

тривать Джунгарию, как мощное централизованное государство, которое в лице своих владык завоевывает гегемонию в Центральной Азии. С этой точки зрения получает оценку и курултай 1640 года, где, по мнению автора, были созданы широкие завоевательные планы Батура.

Таким образом, в концепции Иакинфа не показаны те начала, которые привели к неизбежному краху это государство, а именно: ярко выраженный процесс феодальной раздробленности и глубоко реакционные, захватнические тенденции в политике джунгарских владык, направленные к порабощению покоренных народов.

Среди немногих работ по Джунгарии ценным исследованием является работа академика В. Бартольда «Очерки истории Семиречья»,[1] в которой дается краткий очерк истории Джунгарии, начиная со II века до н. э. и до 1756 года, до разгрома ее Китаем. В этой работе широко использованы китайские источники, собранные Иакинфом. Но этот очерк, по словам самого автора, должен служить лишь материалом для дальнейших исследований.

На изучении первоисточников построены и работы по истории ойротов А. Позднеева,[2] использование которых, однако, возбуждает серьезные сомнения. Оценивая научное значение работ Позднеева, Б. Владимирцов считает, что к работам этого автора «приходится подходить с большой осторожностью и проверять на каждом шагу его положения, ввиду явной его небрежности в обращении с источниками».[3]

Очерк истории ойротов представляет собой работа Н. Пальмова.[4] Но в ней дается, главным образом, история волжских калмыков, основанная на изучении документальных материалов астраханских архивов.

Однако, во всех указанных работах не разрешен основной вопрос, связанный с изучением нашей темы, а именно: что представляла собой реальная угроза Джунгарии для казахского народа, каковы были последствия «годов великого бедствия», и каковы были перспективы дальнейшего существования Казахстана, если бы не состоялось присоединение его к России.

---

[1] «Памятная книжка Семиреченского обл. стат. ком-та на 1898 год», вып. 2. Верный. 1898, стр. 74—170 и отд. изд. Фрунзе. 1944.

[2] А. Позднеев. К истории зюнгорских калмыков. Прилож. в. кн.: Посольство капитана И. Унковского к зюнгорскому хун-тайджи Цеван-Рабтану. СПб. 1887, стр. 239—264. («Записки ИРГО по отд. этнографии», т. X, вып. 2). Его же. Астраханские калмыки и их отношения к России до начала нынешнего (XIX) столетия. «Журнал Мин-ва народного просвещения» за 1886 год, март, стр. 140—170.

[3] Б. Владимирцов. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л. 1934, стр. 24.

[4] Н. Пальмов. Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. Астрахань. 1922.

Работа Чокана Валиханова «Очерки Джунгарии»[1] является выражением прогрессивных идей молодого казахского ученого, не утративших своего значения и в наше время. В другой его работе[2] даются некоторые соображения по вопросу, о том, как должно быть исторически оправдано и в какой степени закономерно тяготение казахского народа к России, а не к Джунгарии. Предусматривая возможности прохождения казахского народа через «татарский период», Валиханов писал: «Что же может ожидать свежая и восприимчивая киргизская народность от татарского просвещения, кроме мертвой схоластики, способной только тормозить развитие мысли и чувства. Мы должны во что бы то ни стало обойти татарский период, и правительство должно нам в этом помочь». Работа Валиханова о Джунгарии—это, в основном, историко-географический очерк страны, написанный на основании личных наблюдений автора, собранных им во время путешествия по Джунгарии. Не ставя задачи показать в нем историю борьбы казахов с ойротами, Валиханов затрагивает один из серьезных вопросов в этой теме, вопрос об источниках, считая, что фольклор, при умелом его использовании, может дать богатый материал для ее изучения.

В нашей советской литературе мы не имеем специальных исследований, посвященных вопросу борьбы казахских жузов с Джунгарией в 20-х годах XVIII века.

Новые моменты в изучении истории Джунгарии вносит статья С. Богоявленского «Материалы по истории калмыков первой половины XVII века»,[3] где дается представление о социально-политическом строе Джунгарии, как о «союзе пяти тайш».

Тема борьбы казахских жузов с ойротами в 20-х годах XVIII века составляет содержание небольших разделов в общих работах по истории Казахстана: в «Очерках по истории Казахской ССР» М. Вяткина, т. 1. Л. 1941, и в первом издании «Истории Казахской ССР». Алма-Ата. 1943. Но в рамках этих работ показаны лишь основные моменты борьбы, причем Вяткин приходит к выводу, что для Казахстана 20 х годов XVIII века, испытавшего на себе все последствия джунгарского нашествия, стояла альтернатива — или подданство Джунгарии, или подданство России.

Однако история взаимоотношений Казахстана с Джунгарией показывает, что в истории казахских жузов 20-х годов XVIII века не было ни экономических, ни социально-polити-

---

[1] Ч. Валиханов. Очерки Джунгарии. В кн.: Сочинения, изд. под ред. Н. Веселовского. СПб. 1904, стр. 41—78.

[2] Его же. Из черновых бумаг Чокана Валиханова. Записка № 2, В кн.: Сочинения, изд. под ред. Н. Веселовского. СПб, 1904, стр. 194—195.

[3] «Исторические записки», 1939, № 5, стр. 48—101.

ческих предпосылок для перехода казахов в подданство Джунгарии, со стороны которой была лишь угроза захвата территорий (пастбищ) и порабощения. Эта угроза, несомненно, явилась одной из ближайших предпосылок присоединения Казахстана к России.

Изучение борьбы казахских жузов с Джунгарией должно итти в дальнейшем, прежде всего, по пути выявления архивных материалов для освещения главных центров этой борьбы. Очень важно также выяснить специфические особенности социально-экономического строя Джунгарии, в условиях которого развивались тенденции агрессии, в 20-х годах XVIII века выросшие в реальную угрозу порабощения казахского народа.

Великой Октябрьской социалистической революцией были поставлены новые задачи как перед всей исторической наукой, так и перед историей народов СССР. Новые задачи были выдвинуты и в области изучения прошлого казахского народа. Оживились и выросли интересы к исследованию его социальных отношений. Но авторы работ в этой области на первых порах не учитывали методологических указаний классиков марксизма. К таким работам принадлежит исследование А. Чулошникова «Очерки по истории казак-киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен», ч. I. Оренбург. 1924. Это исследование не дает представления о классовой борьбе в процессе развития феодальных отношений. Автор рассматривает социальные отношения как отношения патриархально-родовые. В более поздней своей работе Чулошников, пришел к другим выводам о социальном строе казахов.[1]

М. Вяткин в своем исследовании «Батыр-Срым» [2] наметил основные направления историографии Казахстана, показав, во что вылилось одно из вредных влияний так называемой «школы Покровского» и как сказалось оно на развитии буржуазно-националистических течений в области изучения социальных отношений в Казахстане.

С развитием советской исторической науки была заново пересмотрена проблематика исследования социальных отношений, возник целый ряд вопросов в связи с общей проблемой кочевого феодализма, поставленной в работе Б. Владимирцова [3] и в связи с извращениями марксистской методологии «школой Покровского».

Попытку пересмотра вопросов феодализма в свете методологических и конкретно-исторических указаний классиков

[1] А. Чулошников. К истории феодальных отношений в Казахстане в XVII—XVIII вв. «Известия Академии наук СССР», 1936, № 1.
[2] М. Вяткин. Батыр-Срым. М.—Л. 1947.
[3] Владимирцов, указ. соч.

2 Зак. № 160

марксизма представляет собой сборник статей ГАИМК, объединенных общей темой «Основные проблемы генезиса и развития феодального общества».[1] Некоторые из этих статей имеют большое теоретическое значение. В работе С. Толстова «Генезис феодализма в скотоводческих обществах», являющейся обобщением фактов из области социальных отношений казахов, киргизов и др. скотоводческих народов, поставлена проблема сосуществования в рамках одного общества кочевого скотоводческого и оседлого земледельческого укладов, которое, по словам автора, является «ключом к целому ряду специфических особенностей исторического процесса на Востоке».

Для истории казахского народа, жизнь которого была тесно связана с оседлыми районами среднеазиатских ханств, эта проблема имеет существенное значение.

Новые моменты в изучение социальных отношений вносит М. Вяткин (статьи: «Казахское общество в средине XVIII века» и «Тюленгуты в XVIII веке»,[2] некоторые главы в «Очерках по истории Казахской ССР». Л. 1941 и вводные главы в исследовании «Батыр-Срым»). На большом архивном материале в этих работах разрешены основные проблемы социальных отношений в Казахстане.

Среди исторических трудов советского периода по истории казахского народа мы не имеем еще специальных исследований, посвященных развитию государственности в Казахстане. В центре внимания советских ученых были вопросы социальных отношений и национально-освободительного движения. Поэтому оставалась в забвении такая актуальная тема, как история ханства Тауке. Вообще 20-е годы XVIII века до настоящего времени остаются самым неизученным этапом в истории казахского народа, что в значительной степени объясняется и недостатком источников, относящихся к этому периоду.

Не изучались также отдельные вопросы политического строя казахских жузов, например, институты биев (совет биев и собрания биев). деятельность которых представляет собой один из интересных и важных этапов в развитии казахской государственности. Изучение их имеет существенное значение в понимании и той классовой борьбы, которая развернулась в кахазских жузах в 30-е годы XVIII века. Однако в некоторых работах нашего времени заново поставлены задачи и в области изучения политической истории Казахстана. Мы имеем в виду статьи Вяткина: «Политический кризис и хозяйственный упадок в Малой орде в конце XVIII — нач. XIX ве-

[1] «Известия ГАИМК», вып. 103. М.—Л. 1934.

[2] «Известия КазФАН СССР», серия историческая, 1940, вып. I. стр. 1—17 и 19—29.

ка»[1] и «К вопросу об образовании Казахского государства».[2]

Вопросу присоединения Казахстана к России посвящены отдельные главы в первом издании «Истории Казахской ССР». Алма-Ата. 1943. Но здесь этот вопрос разрешен тенденциозно: присоединение Казахстана к России рассматривается как результат «сговора части казахской знати и царского правительства» и под углом зрения завоевания Казахстана Россией.

Поэтому в «Истории Казахской ССР» не показаны социально-экономические предпосылки присоединения, дано ошибочное представление о политике Абулхаира и о роли биев в казахском обществе; преувеличена борьба народных масс против подданства; не отмечено прогрессивное значение присоединения Казахстана к России.

В частности, попытки Абулхаира разрешить трудности внешнеполитической обстановки путем принятия российского подданства рассматриваются как «обман» Абулхаира, который, якобы, состоял в том, что хан, не выполнив возложенного на него собранием биев поручения — вступить в переговоры с царскими властями о заключении с Россией военного союза, просил царское правительство в 1730 году о принятии казахов всех жузов в российское подданство. «Эту просьбу, — говорится в «Истории Казахской ССР», — Абулхаир написал тайно от биев и от народа и таким образом жестоко обманул биев» (стр. 153).

Следует заметить, прежде всего, что эти утверждения не увязываются с установками некоторых работ, в которых мы имеем наметки объективного разрешения вопроса. В отдельной главе, посвященной нашей теме, в «Очерках по истории Казахской ССР», М.—Л. 1941 М. Вяткин показывает, что уж в первой половине XVIII века объективно сложившаяся обстановка в Казахстане делала необходимым сближение с Россией: «Если исходить из той конкретной обстановки, какая сложилась в Казахстане в 30-х и начале 40-х годов XVIII века, то нужно будет признать, что перед Казахстаном стояла альтернатива: или подданство России или Джунгарии. Подданство России открывало в дальнейшем возможность прогресса. Подданство Джунгарии, страны по сравнению с Россией отсталой, могло лишь консервировать прежние формы хозяйственной и политической жизни» (стр. 131—132).

Обострение взаимоотношений Абулхаира с значительной частью биев, на поддержку которых он не мог рассчитывать в вопросе российского подданства, не исключает его тесных связей с батырской группой. Для таких представите-

---

[1] «Материалы по истории Казахской ССР», т. IV. М.—Л. 1940. (Вводная статья М. Вяткина).

[2] «Большевик Казахстана», 1941, 2, стр. 42—52.

лей ее, как батыр Букенбай и ближайший круг его сторонников, очевидно, с самого начала не было тайной намерение хана закрепить связи с Россией.

Представление о значительной части биев, как о защитниках интересов скотоводческой общины против притязаний ханов и султанов, в первом издании «Истории Казахской ССР» (стр. 128) связано с идеализацией патриархально-родовых пережитков. В этом представлении нашли свое отражение националистические тенденции, которые наложили отпечаток и на всю концепцию истории Казахской ССР.

Изучение социальных отношений казахского общества первой половины XVIII века показывает, как складывались взаимоотношения биев со скотоводческой общиной. Эти отношения развивались по линии узурпации биями средств производства (скота) и условий производства (пастбищ и водопоев). Бии, отрываясь от интересов общины, превращались в представителей феодального гнета.

Не убедительно разрешен и такой сложный вопрос, как отношение широких народных масс к подданству. Всякого рода осложнения вокруг посольства Тевкелева, например, набеги на его обозы, организованные, как показывают архивные материалы, враждебно настроенными биями, рассматриваются, как выступления широких народных масс против подданства. Таким образом, недостаточно показаны роль калмыцких тайшей в разжигании враждебных настроений против подданства и классовая роль биев в этом вопросе, а также моменты феодальной борьбы, обострившейся в Младшем и Среднем жузах в 30-х годах XVIII века.

Ошибки первого издания «Истории Казахской ССР» были подвергнуты серьезной критике в журнале «Большевик», № 6, 1945 (рецензия М. Морозова).

В постановлении ЦК КП(б) Казахстана, принятом в сентябре 1945 года, где даются руководящие установки в отношении второго издания «Истории Казахской ССР», совершенно определенно указывается на то, что в новом издании необходимо учесть внешнюю и внутреннюю обстановку Казахстана в момент его присоединения к России. В свете этих установок должен получить разрешение и вопрос о прогрессивном значении этого исторического факта в жизни казахского народа.[1]

Основной тематикой определяется круг источников, использованных нами в данной работе. Их можно разделить на следующие группы: 1) архивные материалы из собрания Центрального Государственного Архива древних актов (ЦГАДА) ф. «Сношения России с киргиз-кайсаками» («Кир-

---

[1] «Известия КазФАН СССР», серия историческая, 1946. вып. 2 (27) стр. 3—5.

гиз-кайсацкие» и «Калмыцкие дела»); 2) отдельные издания документов; 3) нарративные источники: записки и путешествия XVIII и начала XIX вв.; 4) материалы обычного права.

В некоторых источниках имеется довольно компактный материал по отдельным вопросам, составляющим тематику работы. В частности, архивные материалы первой половины XVIII века освещают тему принятия российского подданства и посольство Тевкелева («Киргиз-кайсацкие дела»). «Калмыцкие дела» дают материал для истории взаимоотношений казахов с волжскими калмыками в районах Урала и Волги.

Среди опубликованных материалов, использованных нами, небольшой по объему, но серьезный материал содержится в тех немногих документах, которые связаны с годами Тауке. Это статейные списки и распросные речи отправленных к Тауке русских послов Ф. Скибина и М. Трошина,[1] а также отписки Б. Брянцева сибирскому губернатору М. Гагарину и некоторые документы, связанные с Каипом.[2] Эти материалы явились основным источником для изучения положения ханской власти в 20-е годы XVIII века.

Нарративные источники дают ценные сведения историко-географического и этнографического характера, освещая отдельные стороны хозяйства и быта казахов, и не менее ценные, но, к сожалению, в большинстве случаев только отрывочные сведения о социально-политических отношениях.

Памятники обычного права являются одним из источников для главы, посвященной вопросам социальных отношений.

После этого краткого обзора мы остановимся более подробно на каждой группе источников и на отдельных памятниках, дающих материал для наших тем.

Основной источник нашего исследования — это архивные матералы из собр. Центр. Гос. Архива древих актов (ЦГАДА) — «Киргиз-кайсацкие дела» и «Калмыцкие дела». Обширные по своему объему (около 60.000 листов) «Киргиз-кайсацкие дела» охватывают период с конца XVI в. по 90-е годы XVIII в. К первой половине XVIII в. (до 1740 года включительно) относятся 65 дел. К сожалению, в материалах этих дел имеется большой хронологический разрыв: после нескольких документов, относящихся к концу XVI в. (1594—1595 гг.), следуют материалы, датируемые уже 1716 годом, а к периоду с 1716 по 1730 год относятся всего 5 дел. Таким образом, первое десятилетие XVIII века — годы ханства Тауке, а также 20-е годы XVIII в. — начало ханства Абулхаира и годы борьбы казахских жузов с Джунгарией остаются совсем не освещенными. Отрывочны в них

[1] Дополнение к актам историческим, т. X. СПб. 1867, док. № 80, XIII—XIV.

[2] «Памятники Сибирской истории XVIII века», т. II. СПб. 1885, док. № 41, IV—IX.

также сведения, касающиеся вопроса взаимоотношений казахских жузов с Бухарой и Хивой.

Наболее полно материалы «Киргиз-кайсацких дел» освещают 30-е годы XVIII века, связанные с принятием Младшим и Средним жузами российского подданства, показывая положение ханской власти в эти годы, роль хана Абулхаира и старшин в вопросе взаимоотношений с Россией, борьбу феодальных группировок, политику и деятельность начальников Оренбургской экспедиции Тевкелева, Кириллова, Татищева и Урусова.

В числе других тем, нашедших свое отражение в этих материалах, следует указать на вопрос взаимоотношений казахов с волжскими калмыками, в постоянных столкновениях с которыми выявляются, с одной стороны, характер межплеменных взаимоотношений и, с другой, направление колониальной политики царизма в этом вопросе.

По своей форме «Киргиз-кайсацкие дела» распадаются на следующие документы: 1) царские грамоты и указы имп. Анны Иоанновны, адресованные Тевкелеву, Кириллову, Татищеву и хану Абулхаиру; 2) промемории и выписки из докладов Государственной военной коллегии и провинциальных канцелярий; 3) донесения отдельных представителей царской администрации (губернаторов, комендантов крепостей); 4) донесения и докладные записки представителей Оренбургской экспедиции Тевкелева, Кириллова и Урусова; 5) «Журнал» Тевкелева 1731—32 гг. и «Журнал» Урусова 1741 года; 6) письма казахских ханов и султанов; 7) письма казахских феодалов, биев и батыров; 8) донесения частных лиц (казахов, татар и башкир); 9) «сказки» и «распросные речи».

Наиболее содержательны «Журналы» Тевкелева и Урусова, а также материалы, идущие непосредственно из казахской среды: письма хана Абулхаира, биев и батыров, донесения, «сказки» и «распросные речи» казахских посланцев или захваченных в плен казахов.

«Калмыцкие дела» из собр. Центр. Гос. Архива древних актов представляют собой не менее обширный фонд, охватывающий почти весь XVII и XVIII вв. На первую половину XVIII в., до 1740 года включительно, падает около 750 дел, в большинстве случаев небольших по своему объему, включающих нередко от 2 до 5 документов.

Большое место в этом фонде занимает официальный материал: 1) отпуски грамот Петра I калмыцкому хану Аюке (1709—1721 гг.); переписка Колл. ин. дел с Сенатом по делам калмыцким (1720—1740 гг.); 3) переписка Сената с Посольской канцелярией (1713—1718 гг.); 4) протоколы и отпуски указов Колл. ин. дел; 5) протоколы Верховного тайного Совета и Колл. ин. дел.

К официальному материалу относится также большое количество донесений различных представителей царской администрации: 1) отпуски в Посольскую канцелярию казанского губернатора П. Апраксина и отпуски указов к нему из Посольского приказа; 2) доношения в Колл. ин. дел астраханского губернатора А. Волынского и «Журнал» его 1723—1725 гг., доношения капитана В. Беклемишева, начальника Оренбургской экспедиции В. Татищева и некоторые другие.

Наряду с этими материалами, в «Калмыцких делах» имеются документы, исходящие непосредственно от лиц, посылавшихся в Калмыцкую орду с различными поручениями. Это доношения в Колл. ин. дел посланного к хану Аюке стольника Д. Бахметьева (1719—1730 гг.), доношения переводчика В. Бакунина (1726—1730 гг.) и «Журнал» посланного в калмыцкие улусы капитана Шамордина (1725 г.).

Большое место в «Калмыцких делах» составляют так называемые «листы» (письма) к Петру I хана Аюки, наместника ханства Калмыцкого Черендондука, а также «листы» Петру I и Анне Иоанновне различных калмыцких владельцев.

Для нашей темы наибольший интерес представляют материалы, относящиеся к первым двум десятилетиям XVIII века, в частности, материалы, раскрывающие взаимоотношения Казахского ханства с Джунгарией. К сожалению, «Калмыцкие дела» дают очень мало материала для этой темы, освещая, главным образом, борьбу казахских жузов с волжскими калмыками.

Среди материалов «Киргиз-кайсацких дел» особенно интересен «Журнал» Тевкелева,[1] переводчика Коллегии иностранных дел, а позднее члена Оренбургской экспедиции, получившего при отправлении в Младший жуз специальное задание вести «повседневную записку», содержание которой определялось Инструкцией Колл. ин. дел, данной Тевкелеву в феврале 1731 года.

Неопубликованный «Журнал» Тевкелева имеет около 140 листов рукописного текста, написанного скорописью XVIII века, и представляет собою краткие и подробные записи событий под определенными датами, начиная с 1731 года (дата прибытия Тевкелева в кочевья хана Абулхаира на реке Иргиз) и кончая 14 января 1733 года, сделанные очевидцем и, в большинстве случаев, участником событий за время двухлетнего пребывания в Младшем жузе.

Автор «Журнала» говорит о себе в третьем лице, не подчеркивая своей роли как посла, облеченного доверием царского правительства, но в то же время проявление недоверия к себе рассматривает как недоверие к русскому

[1] ЦГАДА. Ф. «Сношения России с киргиз-кайсаками». «Киргиз-кайсацкие дела». 1731—1732 гг., д. 2.

государству в целом. Это ярко выступает в одном из эпизодов, записанном под датой 19 октября 1731 года. Когда посол, прибывший к Тевкелеву от калмыцкого тайши Лобжи, оказавшегося в числе изменников России, заявил ему, что он «обманным и прелестным словам Тевкелева не верит», последний отвечал ему: «Плут плутовские слова и говорит, понеже Российское государство содержится не обманом, а обширною славой».

Хроникальный характер записей «Журнала» от третьего лица придает им известную объективность. В то же время эта хроника не есть сухой перечень событий. Автор нередко не только пересказывает содержание тех или иных разговоров (например, выступлений на старшинских собраниях), участником которых был он сам, или записанных со слов лиц, близко к нему стоящих, но воспроизводит их подчас в форме, приближающейся, видимо, к дословному их переводу, поскольку эти записи не лишены местного колорита и некоторых бытовых подробностей.

Несмотря на отрывочность некоторых сведений и широкий круг вопросов, составляющих содержание «Журнала», в изложении которого автор придерживается формы «повседневных записей», главная тема «Журнала» развертывается довольно подробно на всем его протяжении. Это рассказ о той сложной обстановке, в которой оказался Тевкелев, попавший в ханскую ставку в самый острый момент разгоревшихся страстей в связи с принятием Абулхаиром российского подданства.

Этот рассказ вскрывает острую борьбу старшинских группировок «ханской» и «противной партии».

Повествование об этой борьбе и обусловливает внутреннюю связь хроникальных записей, делая «Журнал» Тевкелева ярким документом, в котором выступают политические тенденции феодальной знати (хан Абулхаир, султан Батыр), а также представителей батырской группы (Букенбай, Есет и др.). В характеристике их, правда, иногда беглой, Тевкелев не ограничивается общими трафаретными оценками. Он показывает участников событий в их реальных отношениях (например, взаимоотношения хана Абулхаира и султана Батыра), обнаруживая, однако, и свою политическую ориентацию — явные расчеты на «ханскую партию» во главе с Букенбаем и свою политику в борьбе с старшинами враждебной партии.

Таким образом, этот источник является характеристикой и самого Тевкелева, показывая, каким образом и в какой обстановке осуществлялись задачи его посольства.

Главная тема «Журнала», указанная выше, отражена в описаниях старшинских собраний, состоявшихся в Младшем жузе в 1732 году по различным вопросам: о выдаче Тевке-

лева старшинам враждебной партии, об убийстве Тевкелева, об отпуске людей и самого Тевкелева в Уфу и пр.

Эти записи, освещающие довольно подробно настроения старшин, которые проявлялись в их столкновениях с представителями «ханской партии», чрезвычайно интересны, как редкий материал для характеристики политической жизни казахских жузов в первой половине XVIII века. Материал этот особенно важен потому, что в других источниках сведения о старшинских собраниях для этого периода очень случайны, отрывочны и совершенно не воспроизводят те взаимоотношения, которые сложились в Младшем и Среднем жузах в связи с принятием российского подданства Абулхаиром и прибытием в ханскую ставку Тевкелева.

Показывая разногласия в среде старшин, записи Тевкелева дают ряд интересных деталей для характеристики отдельных представителей «ханской партии» (Букенбай, Есет и др.) и ее взаимоотношений с враждебной феодальной группировкой. «Журнал» Тевкелева дает представление и о положении ханской власти в лице Абулхаира и о направлении его политики в отношении враждебных ему старшин.

Следует однако отметить, что центральная тема борьбы вокруг вопроса принятия казахами росссийского подданства показана в «Журнале» несколько односторонне, с точки зрения самого Тевкелева, оказавшегося в трудном положении при выполнении возложенного на него поручения.

Выступая в роли царского посла, Тевкелев должен был проявить себя как представитель интересов империи и осуществить основную задачу своего посольства — привести в российское подданство Младший и Средний жузы. Испытывая на себе трудности сложившейся обстановки, Тевкелев несколько преувеличил борьбу вокруг этого вопроса. Это наложило определенный отпечаток и на освещение различных выступлений против Тевкелева. Отсюда могло создаться представление о набегах на его обозы во время пребывания в Младшем жузе в 1732 году как об одной из форм выступлений широких народных масс против российского подданства. Но те же материалы Тевкелева говорят о том, кто стоял во главе этих набегов, какую роль играли здесь феодальные отношения и моменты феодальной борьбы, обострившейся в 30-х годах XVIII века.

«Журнал» Тевкелева дает яркий материал, показывающий, какую роль в этом вопросе играли такие факторы, как нарушение ханом права совета биев, его взаимоотношения с султанами, социальная база его власти. С другой стороны, в этих материалах очень ярко выступает и роль калмыцких тайшей в усилении неустойчивых настроений в отношении России.

Следует отметить три чрезвычайно интересных документа,

вошедших в состав «Журнала»: 1) отрывок из письма каракалпакского хана Каипа и главного шейха Мурата, с изъявлением желания принять российское подданство и с извещением об отправлении послов для переговоров по этому вопросу,[1] 2) письмо-«указ» хана Абулхаира хивинским старшинам с объявлением войны Хиве в союзе с аральским ханом;[2] 3) «сказка» батыра Букенбая с краткими сведениями о внутреннем состоянии казахских жузов и о положении ханской власти в лице Абулхаира.[3]

Первый из этих документов — отрывок из письма Каипа — интересен тем, что исходит от одного из главных представителей враждебной Абулхаиру султанской группировки. Не менее интересно письмо-«указ» Абулхаира к хивинцам, один из редких документов для характеристики его взаимоотношений с Хивой. Здесь он выступает как полновластный сюзерен, претендующий на изъявление покорности хана хивинского как своего наместника, заявляющий о своей обиде по случаю задержания в Хиве своего сына Нуралы, посланного для переговоров о принятии ею (Хивой) российского подданства. Письмо Абулхаира — одна из страниц в истории отношений с Хивинским ханством в первой половине XVIII века.

«Сказка» Букенбая интересна уже по одному тому, что а) «сказка» как таковая — довольно редкий документ в архивных материалах «Киргиз-кайсацких дел» первой половины XVIII в.; б) она исходит от такого авторитетного лица, как Букенбай, хорошо осведомленного, в силу своего высокого общественного положения, в политических вопросах казахских жузов.

Не случайно, что при всей лаконичности сообщаемых Букенбаем сведений, им дан в «сказке» Тевкелеву краткий ответ по основному вопросу о положении ханской власти в лице Абулхаира.

В связи с главной темой и, очевидно, с учетом предписаний инструкции («сперва описать о башкирцах»), «Журнал» Тевкелева рассказывает ряд эпизодов из взаимоотношений казахов с принявшими подданство башкирами. Мимоходом, в виде отрывочных записей, в нем затронуты и другие темы. В частности, сообщаются факты о широко практикуемом захвате ясыря и работорговле и, наряду с ними, факты не менее широко распространенного вольноотпущенничества.

В заключение отметим, что некоторые бытовые сцены (как например, обед в ханской ставке Абулхаира с приглашенными старшинами во время большого праздника Курбан-байрам) и некоторые детали бытового характера, а также

---

[1] «Журнал» Тевкелева, л. 46.
[2] Там же, л. 81.
[3] Там же, л. 49 об.

стиль «Журнала» делают этот содержательный источник ярким и живым документом своей эпохи.

Среди документов, исходящих от самого Тевкелева или составленных на основании его материалов, в первую очередь заслуживают внимания: 1) доношения;[1] 2) докладная записка и «всеподданнейшее предложение» Тевкелева в Колл. ин. дел о пребывании его в Младшем жузе в 1731—1732 гг.,[1] которые углубляют некоторые темы «Журнала». В частности, в одном из его доношений от 5 янв. 1732 года мы находим довольно подробное объяснение причин тяготения к российскому подданству Абулхаира и освещение роли Букенбая в этом вопросе.

Новые моменты в положении ханской власти затрагивает докладная записка Тевкелева (написанная, очевидно, в конце января 1733 года), показывая политику Абулхаира во взаимоотношениях со старшинами.

Кроме этих официальных документов, посланных Тевкелевым в Колл. ин. дел, его перу принадлежит ряд писем, среди них: 1) секретное письмо государственному канцлеру Г. Головкину от 5 янв. 1732 года о покушении на Тевкелева в Младшем жузе; 2) письма Тевкелева хану Абулхаиру и хану Семеке.

В связи с документами Тевкелева следует остановиться на материалах и других начальников Оренбургской экспедиции: Кириллова, Татищева и Урусова. Эти материалы заслуживают серьезного внимания уже по одному тому, что они исходят непосредственно от лиц, которые, благодаря своему официальному положению, имели возможность быть не только наблюдателями, но, в известной мере, и участниками событий, притом в обстановке значительно разрядившейся после возвращения Тевкелева в Россию.

Среди указанных документов следует отметить доношения и доклад Кириллова 1734 года с проектом об устройстве города на реке Орь.

Материалы Кириллова интересны для характеристики его политики как начальника Оренбургской экспедиции. В них имеется целый ряд сведений и по другим вопросам, связанным с историей казахских жузов.

Значительно меньше в документах «Киргиз-кайсацких дел» материалов непосредственного преемника Кириллова, Татищева, деятельность которого заслуживает внимания в связи с вторичной присягой Абулхаира на подданство.

Более обширны материалы Урусова, которому принадлежат: пространный «Журнал», содержащий записи от 19 августа по 1 сентября 1740 года, о приеме приглашенных Урусо-

---

[1] ЦГАДА. Ф. «Сношения России с киргиз-кайсаками». «Киргиз-кайсацкие дела».

зым в Оренбург на свидание казахских ханов и султанов;[1] несколько донощений в Колл. ин. дел, два письма: батыру Джаныбеку от 27 августа 1739 года и хану Среднего жуза Абулмамбету от 1740 года.

Неопубликованный «Журнал» Урусова с описаниями парадных приемов и торжественных обедов приглашенных в его лагерь ханов, султанов и старшин Младшего и Среднего жузов[2] является документом, в котором отражены дипломатические отношения России с казахскими жузами в 40-х годах XVIII века.[3]

Если «Журнал» Тевкелева является, в значительной степени, характеристикой политической роли батыра Букенбая, то «Журнал» Урусова дает не менее яркую характеристику батыра Джаныбека, роль которого была не менее значительна. Кроме того, в «Журнале» Урусова выступает ряд других старшин. Престиж знатных подчеркнут в речах представителей феодальной верхушки и в ответных речах самого Урусова. Он имеет решающее значение в некоторых моментах дипломатического соглашения Урусова с казахской знатью.

Тема подданства Абулхаира Российской империи отражена в его письмах 1730—1738 гг. 1) к государственному канцлеру Г. И. Головкину (сент. 1730 года) и 2) к имп. Анне Иоанновне (от 2 янв. 1732 года, 1733 и 1738 гг.). Одно из них (от 2 янв. 1738 года) говорит об условиях подданства. Другие письма показывают, как реализовались эти условия после принятия подданства.

Значительно меньше в «Киргиз-кайсацких делах» первой половины XVIII века писем других ханов и султанов. Среди них следует отметить два письма, связанные с темой подданства: 1) письмо хана Кушука и султана Барака Тевкелеву от 1735 года о принятии российского подданства Средним жузом;[4] 2) письмо хана Среднего жуза Абулмамбета к имп. Анне Иоанновне от 1740 года того же содержания.[5]

К числу документов, идущих непосредственно из казахской среды, можно отнести так называемые «сказки» и близкие к ним по характеру материала «распросные речи». Эти документы представляют собой: а) сообщения казахов, захваченных в плен, и казахских послов, а также б) сообщения

[1] ЦГАДА, «Киргиз-кайсацкие дела», 1740, д. 8 лл. 24—74.

[2] В числе их были султаны Младшего жуза Нуралы и Эралы, хан Среднего жуза Абулмамбет с султаном Аблаем.

[3] Дипломатическое свидание в лагере Урусова имело своей целью путем соглашения по основным вопросам (размен пленных, обеспечение безопасности русских купеческих караванов, приведение к присяге на российское подданство ханов, султанов и старшин) укрепить взаимоотношения казахских жузов с Россией после целого ряда нарушений первой присяги о подданстве.

[4] ЦГАДА. «Киргиз-кайсацкие дела», 1730, д. без №, лл. 31—32.

[5] Там же. 1732, д. 2, лл. 55—56.

татар и башкир. Основное их содержание составляют: 1) общие сведения о количестве казахов, об их кочевьях, о положении ханской власти, о владении казахских ханов городами среднеазиатских ханств и о причине их потерь; 2) сведения о взаимоотношениях казахов с волжскими калмыками и башкирами. Охватывая широкий круг вопросов, «сказки» дают, однако, очень лаконичные сведения. Материал, характеризующий социальные отношения, как правило, не представляет собой компактного целого. Поэтому «сказки», в которых имеются хотя бы краткие сведения по вопросу социальных отношений, представляют собою один из ценных источников, заслуживающий внимания исследователя уже по одному тому, что он идет непосредственно из народной среды.

Однако при использовании материала «сказок» следует иметь ввиду, от кого они исходят, а также и возможности неточностей в них. Эти неточности объясняются, в частности, тем, что «сказки» отбирались представителями царской администрации, в большинстве случаев слабо владевшими казахским и татарским языками.

Среди этой группы источников следует отметить как один из наиболее содержательных документов «распросные речи» батыра Среднего жуза Есенбая Отарова от 1738 года, в которых сообщаются чрезвычайно интересные сведения из истории борьбы казахов с волжскими калмыками. В этом документе выступает роль Абулхаира как военачальника объединенного ополчения с участием крупных батыров Младшего и Среднего жузов.

Нам остается сказать несколько слов о документах официального характера из материалов «Киргиз-кайсацких дел» первой половины XVIII века. К ним принадлежат грамоты и указы имп. Анны Иоанновны, адресованные казахским ханам Абулхаиру, Семеке, начальникам Оренбургской экспедиции Тевкелеву, Кириллову, Татищеву и другим представителям царской администрации. Основное содержание этих грамот — вопрос о принятии российского подданства. Ряд указов и грамот имп. Анны Иоанновны содержит в себе те или иные распоряжения в связи с различными нарушениями подданства России. Этот официальный материал, наряду с рассмотренным выше, является документальным свидетельством для характеристики политики царизма в вопросе взаимоотношений с казахскими жузами.

К официальным материалам принадлежат также различные донесения царской администрации, в частности, о нарушениях подданства казахами.

Несколько обособленно в материалах «Киргиз-кайсацких дел» стоит «Описание калмыцких дел» ст. сов. В. Бакунина (1630—1736 гг.), представляющее собой краткую историю торгоутских (волжских) калмыков. Основное содержание его

составляет рассказ о калмыцких несогласиях. Эти несогласия начались крупной семейной ссорой в ханском доме Аюки (в 1701 году), вызвавшей серьезные волнения среди калмыцких тайшей, которые, перекочевав от Волги за Урал, пытались завязать сношения с джунгарским хун-тайджи. В 30-х годах XVIII века междоусобия среди волжских калмыков приняли характер острой феодальной борьбы калмыцких тайшей за обладание лучшими пастбищами и кочевьями в низовьях Волги. «Описание калмыцких дел» Бакунина показывает и направление колониальной политики царизма в калмыцких делах. Так семейная ссора в доме Аюки была ликвидирована активным вмешательством царской администрации, заинтересованой в сохранении престижа ханской власти Аюки в связи с намерением использовать его помощь в войне со шведами, в подавлении «булавинского восстания», в усмирении «башкирского бунта» и донских казаков. «Описание» Бакунина интересно, главным образом, в той своей части, где выявляется главный стимул междоусобий калмыцких тайшей — борьба за кочевья.

Наряду с документальным материалом, изданным и опубликованным, в настоящей работе использованы нарративные источники и сборники обычного права казахов.

Среди нарративных источников ценные, но отрывочные сведения о хозяйстве и социальных отношениях казахов дают работы участников Академической экспедиции 1768—69 гг. И. Георги, П. Палласа и И. Фалька, представляющие собой материалы личных наблюдений и сведений, полученных путем опросов на местах.

Георги[1] — один из немногих авторов, дающих редкие сведения о так называемых отработках, проявляющихся в своеобразной форме «помощи» малосостоятельным и бедным родичам. В работе Георги имеются также ценные сведения о классовом расслоении казахского общества, о хозяйстве и быте казахов.

В работе Палласа[2] сообщаются интересные сведения о хозяйстве и быте казахов. Паллас показывает значение оренбургского торга в меновой торговле казахов после принятия ими российского подданства. Значительно меньше в его работе данных о социальных отношениях.

Фальк[3] как внимательный ученый и наблюдатель посылал свои запросы на места, пересматривал ответы и вновь запрашивал для проверки и уточнения различных вопросов. Не

---

[1] И. Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, ч. 2. СПб. 1799. (Киргизцы, стр. 119—142).

[2] П. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российской империи, ч. 1. СПб. 1773, стр. 348—353, 568—574, 587, 581—585.

[3] И. Фальк. Записки путешествия. Полное собрание ученых путешествий по России, т. VI, СПб. 1824.

доверяя памяти, он вел свои записки на русском, шведском, немецком и латинском языках, снабжая их своими комментариями. В этих записях много личных наблюдений автора во время его пребывания в Оренбурге и на Оренбургской линии. Сообщая ценные сведения о торговле казахов на руском торге, Фальк показывает Оренбург как торговый центр и дает описание русских крепостей пограничной Уральской (Яицкой) линии. Однако, в «Записках» Фалька очень мало сведений, касающихся социальных отношений. Кроме того, они носят отрывочный характер.

К нарративным источникам второй половины XVIII века относится работа Н. Рычкова «Дневные записки путешествия».[1] Н. Рычков участвовал в неудачном походе ген.-майора Траубенберга, предпринятого с целью возвращения бежавших с Волги калмыков. Отряд выступил 12 апреля 1771 года из Орска, затем проследовал к рекам Иргиз и Тургай, где соединился с отрядом казахов под предводительством Нуралы и направился далее к Ишиму и Усть-Уйской крепости.

Таким образом, Рычкову пришлось в течение пяти месяцев (с 12 апр. 1771 г. по авг. 1771 г.) проезжать через кочевья Младшего и Среднего жузов. Рычков сообщает о природных богатствах степи, о местонахождениях полезных ископаемых, дает краткие сведения о хозяйстве казахов, о перспективах земледелия в районе Усть-Уйской крепости, о торговом значении крепости Троицкой. Данные Рычкова о казахских степях показывают, что они могли иметь не только транзитное значение во взаимоотношениях России со Средней Азией.

К более поздним источникам второй половины и конца XVIII века относятся: «Путевые записки Бланкеннагеля о Хиве 1793—1794 гг.»,[2] «Отрывки из путешествия Бурнашева в 1794—1795 гг.»,[3] «Поездка Поспелова и Бурнашева в Ташкент в 1800 году». Записки этих авторов интересны, главным образом, как материал для изучения социально-политической истории Хивинского и Бухарского ханств. Но авторы этих записок сообщают и сведения о казахах, полученные ими из личных наблюдений или опросов по пути через казахские степи (о кочевом хозяйстве казахов, о наследственной власти султанов, о положении ханской власти в Старшем жузе). Записки этих авторов важны,так как социально-политическая история казахских жузов в некоторые периоды тесно связана с историей среднеазиатских ханств. Бланкеннагель пишет, что он имел возможность собрать в Хиве све-

---

[1] Н. Рычков. Дневные записки путешествия в Киргиз-кайсацкой степи в 1771 году. СПб. 1772. (О киргисцах, стр. 23—34).

[2] «Вестник» ИРГО», СПб. 1858, ч. 22, стр. 87—165. (С примечаниями В. В. Григорьева).

[3] «Санкт-Петербургский вестник», 1818, ч. II—III.

дения через русских пленных. По отзыву В. Григорьева, «Бланкеннагель в течение одного месяца пребывания в степи понял ее лучше, нежели множество администраторов, десятки лет имевших дело с киргизами». Целый ряд интересных сведений о Бухарском и Хивинском владениях сообщили Поспелов и Бурнашев, посланные для разведывания рудных богатств.

Материал о хивинско-казахских отношениях имеется и в записках Мейендорфа, который, сопровождая миссию А. Негри в Бухару в 1820 году, проезжал через кочевья Младшего жуза.[1] В своем «Путешествии» Мейендорф дает краткие сведения о социальных отношениях казахов в XVIII веке.

Среди русских нарративных источников первой половины XIX века следует отметить «Записки о киргиз-кайсаках Средней орды» Г. Броневского.[2] Они могут быть использованы с привлечением других источников как материал для изучения социально-политических отношений в XVIII веке. В некоторых случаях представляется возможным установить более ранние пласты в тех социально-политических институтах, которые были в поле наблюдения автора. Записки Броневского говорят о положении ханской власти, о султанах, биях, о ходжах, о работорговле и о некоторых сторонах быта казахов, преимущественно Среднего жуза.

Появление сборников материалов обычного права Д. Самоквасова, Н. Гродекова, П. Маковецкого и др. было вызвано выросшими в средине XIX века потребностями в систематическом собирании и изучении памятников юридического быта, фольклора и других памятников культуры и практическими интересами, связанными с реформой суда биев.

Обычное право казахов — один из содержательных и в то же время трудных источников, так как в материалах его в ряде случаев мы не имеем точно датированных записей. Поэтому очень важно учесть, когда и с чьих слов они производились. В материалах обычного права большое количество записей относится к XIX веку. Но, наряду с ними, имеются и такие, которые были сделаны в XVIII веке. В изучении социальных отношений XVIII века могут быть использованы и более поздние записи, ибо анализ некоторых фактов, с привлечением других источников, вскрывает явления более ранние, позволяя в некоторых случаях установить

---

[1] Meyendorff. Voyage d'Orenbourg à Boukhara faiteu 1820. Paris, 1820. Экспедицией Мейендорфа было пройдено три маршрута: от Оренбурга до Мугоджарских гор, от Мугоджарских гор до Сыр-Дарьи и от Сыр-Дарьи до Бухары.

[2] «Отечественные записки». СПб. 1830, ч. 41, № 119, стр. 400—420; ч. 42, № 120, стр. 75—88; № 121, стр. 162—194; № 122, стр. 357—364; ч. 43, № 123, стр. 70—97; № 124, стр. 194—285.

и архаическую основу их, а также проследить процесс изменения их в условиях, где феодальные отношения переплетаются с отношениями патриархально-родовыми (например, некоторые архаические формы отработочной ренты, проявляющейся в скрытой форме родовой помощи).

Материалы обычного права показывают и процесс превращения общинных повинностей в феодальные, а также активную классовую роль патриархально-родовых пережитков в этом процессе. В этом смысле они являются ценным источником для изучения социальных отношений XVIII века.

В сборник Н. Гродекова[1] вошли материалы, собранные историком и филологом А. Вышнегорским, о юридических обычаях казахов Сыр-Дарьинской области. Значительная часть этих материалов была собрана путем опроса биев. В сборник Гродекова вошли также материалы некоторых бийских книг (400 решений биев) и народных юридических пословиц. Отражая различные моменты поздних наслоений, в частности, воздействие шариата и других явлений, которые имели значение в развитии «нового адата», Гродеков отмечает в этом процессе «ограничение родовой связи и родового имущества». Развитие семейной собственности и другие явления, связанные с разложением патриархально-родовой общины, нашли свое отражение и в нормах обычного права.

Несколько позднее появилась другая, не менее содержательная работа по обычному праву П. Маковецкого,[2] в которой были использованы ответы на программы, разосланные в районы Западной Сибири в 1882 году. Эти материалы были обработаны и дополнены членом Статистического комитета Маковецким путем опроса в степи и изучения подлинных решений биев. Одна из положительных сторон работы Маковецкого заключается в отдельных указаниях составителя на историческое происхождение некоторых обычаев, в попытках отслоить старые обычаи от новых, а также от различных заимствований из шариата и русских законов. Встречающиеся в сборнике указания на старые обычаи относятся, главным образом, к «законам», установленным при хане Тауке, которые не дошли до нас полностью, сохранившись лишь в отрывочных записях.

Попытку показать нормы обычного права в процессе их исторического развития, с выделением отдельных этапов, через которые прошел тот или иной обычно-правовой институт, представляет собой работа А. Леонтьева «Обычное право киргиз».[3]

---

[1] Н. Гродеков. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области, т. I. Юридический быт. Ташкент. 1889.

[2] П. Маковецкий. Материалы для изучения юридических обычаев киргизов, вып. I. Материальное право. Омск. 1886.

[3] «Юридический вестник», 1890, т. V, кн. 1—2, стр. 114—139.

Материалы для сравнительно-исторического изучения юридических обычаев дает «Сборник обычного права сибирских инородцев» Д. Самоквасова (СПб. 1876), где имеются данные обычного права Сибирского ведомства, в частности, Младшего и Среднего жузов. Но записи Самоквасова носят отрывочный и случайный характер, так как эта работа является первым опытом систематизации обычного права.

В некоторых работах 20-годов, как например, в статье И. Козлова «Обзор обычного права киргизов»,[1] составленной на основании судебных решений биев, с учетом работ Самоквасова, Загряжского, Левшина и др., делается попытка дать критическую разработку обычного права с указаниями тех изменений, которые появились в нем под воздействием шариата и Временного положения 1868 года.

Казахский фольклор, в частности, многочисленные пословицы, отражающие различные стороны правовых отношений казахского общества, а также точно датированные письменные источники, могут быть использованы не только как коррективы к материалам обычного права, но также как источник, который может расширить поле наблюдений в области социальных отношений.

Материалами для изучения борьбы казахов с Джунгарией, кроме неопубликованных архивных документов, является следующее: 1) изданные документы; 2) нарративные русские источники; 3) китайские летописи в переводе Иакинфа и 4) памятники фольклора. Но и эти материалы не дают возможности проследить все этапы борьбы казахского народа с Джунгарией в 20-х годах XVIII века. Особенно слабо освещены главные этапы этой борьбы.

Содержательный источник для изучения социально-политического строя Джунгарии представляет собой «Степное уложение» или «Устав взысканий 1640 года». Исследование этого памятника Ф. Леонтовичем, сильно устаревшее после работы Б. Владимирцова, дает превратное представление о социально-политическом строе Джунгарии и не показывает той исторической обстановки, в которой сложились так называемые «военные статьи» Уложения, являющиеся ярким выражением того, как мобилизовались внутренние ресурсы страны в условиях постоянной агрессии. Следует также заметить что этот памятник очень мало использовался в работах по истории Джунгарии.

Источником для истории Джунгарии являются и работы Иакинфа, где даются переводы китайских летописей и китайских историков. При осторожном использовании они дают ценный фактический материал, освещая, главным образом, взаимоотношения Джунгарии с Китаем, Монголией и Тибе-

---

[1] «Памятная книжка Западной Сибири». Омск. 1882.

том и лишь некоторые моменты борьбы казахов с джунгарскими ойротами.[1]

О другой своей работе — «Историческое обозрение ойротов или калмыков с XV столетия», СПб. 1934. Иакинф отзывается следующим образом: «Предлагаемое мною историческое обозрение ойротов, показывая происшествия, относящиеся к сему народу в истинном их виде и порядке, доставляет читателям возможность безошибочно судить о разных по сему предмету мнениях писателей. Это есть единственная цель настоящего моего труда». Однако сведения китайских источников в переводах Иакинфа не всегда точны, как мы уже отмечали выше.

Отдельные интересные документы вошли в материалы Миллера, изданные в кн. «Памятники Сибирской истории XVIII века», СПб. 1882, т. I, которые говорят о трудном положении, создавшемся на северо-восточной границе в связи с расширением вассальных владений джунгарского хун-тайджи и его дальнейших притязаний в этом направлении. В этой публикации имеется статейный список русского посла И. Чередова (1713 г.), который дает некоторое представление о военных захватах хун-тайджи в районе Бии и Катуни.

Обзор русских архивных документов о сношениях ойротов с русскими в XVII—XVIII вв. дан в статье В. Котвича.[2]

Ценным источником для изучения общественно-политического строя Джунгарии, а также взаимоотношений ее с казахским ханством является «Журнал» капитана Унковского, посланного в 1722 году к джунгарскому хун-тайджи Цеван-Рабтану для переговоров о постройке крепости в районе слияния Синего и Черного Иртыша. Записки Унковского представляют собой описание одного из ранних путешествий XVIII века. В «Журнале» его имеется целый ряд интересных наблюдений из области социальных отношений и быта Джунгарии (например, описания приемов и торжественных праздников во владениях Цеван-Рабтана и пр.). «Журнал» Унковского дополняют сведения из донесения майора Угримова, посланного в Джунгарию в 1732 году.

Героическая борьба казахского народа с Джунгарией нашла свое отражение в памятниках фольклора: в народных преданиях,[3] в героическом эпосе[4] и в песнях казахского наро-

---

[1] Иакинф. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, ч. I—III. СПб. 1851.

[2] В. Котвич. Русские архивные документы о сношениях с ойратами в XVII и XVIII вв. «Известия Академии наук СССР», серия VI, т. XIII. П. 1919, стр. 1071—1092.

[3] А. Дивзаев. Мавзолей Кок-Кесене. Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка, любителей археологии, т. X. Ташкент. 1905.

[4] Манас. Киргизский народный эпос. Пер. С. Липкина, М. Тарловского и др. М. 1946.

да.[1] Значение героического эпоса для изучения этой темы отметил Ч. Валиханов, который писал: «Киргизский эпос Манас есть энциклопедическое собрание всех киргизских мифов, сказок, преданий вокруг батыра Манаса. Это нечто вроде степной Илиады». Герой этого эпоса, по словам Валиханова, воюет с калмыками и оставляет следы своих подвигов в глубине Джунгарии.[2]

Для изучения районов борьбы казахов с джунгарскими ойротами, а также пунктов отдельных столкновений и боев с ними могут быть использованы данные географических названий. Рассмотрение последних приводит к ряду интересных наблюдений о ходе борьбы, о путях отступления казахов под натиском ойротов и о местах решительных боев, в которых казахи одержали крупные победы. Но как памятники фольклора, так и данные топонимики требуют внимательной проверки и могут быть привлечены лишь как дополнительный материал к архивным материалам, которые недостаточно освещают те или иные вопросы.

С другой стороны, опыт использования данных топонимики и памятников фольклора говорит о том, что перед исследователем стоит дальнейшая трудная, но благодарная задача — расширить поле наблюдений и в этом направлении.

---

[1] Песня степей. Антология казахской литературы. Л. 1940.

[2] Ч. Валиханов. Очерки Джунгарии в кн.: Сочинения под ред. Н. Веселовского, СПб. 1904, стр. 43—74.

ГЛАВА I

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КАЗАХСТАНА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ХОЗЯЙСТВА КАЗАХОВ

Задача этой главы — показать основные черты хозяйства казахов и, прежде всего, те стороны его, которые характеризуют уровень развития производительных сил и характер производства.

Показательным в этом отношении является состояние скотоводческого хозяйства с его пастбищно-кочевой системой, тесно связанного с ремеслом, имеющим характер домашнего производства.

Пастбищно-кочевая система скотоводства заключалась в том, что скот содержался круглый год на подножном корму. Отсюда необходимость перекочевок, в зависимости от времени года, и распределение пастбищ на летовки (джайляу), осенние пастбища (кузеу) и зимовки (кыстау), обычно расположенные на большом расстоянии друг от друга. Осенью стада перегонялись на юг, а с наступлением весны переходили на летние пастбища в более северные районы. В районах Младшего и Среднего жузов расстояние перекочевок доходило до 700—800 км. Менее удаленными были перекочевки в районе Старшего жуза, в Семиречье.

В зависимости от состояния скота различен был размах перекочевок, совершаемых весной и осенью. П. Маковецкий пишет: «Различается кеч (перекочевка) весенний и осенний, причем первый меньше второго, так как весной, когда скот не успел еще оправиться, аулы передвигаются тише, нежели осенью».[1] Размах кочеваний определялся также состоянием пастбищ и количеством скота. Богатые скотоводы, обеспеченные верблюдами,[2] пастухами и глубокими колодцами, могли кочевать на большие расстояния.

---

[1] Маковецкий, указ. соч., стр. 51.

[2] Некоторые богатые скотовладельцы имели в своих стадах по 400—500 верблюдов и более. (Левшин, указ. соч., ч. III, стр. 191).

Для летовок использовались пастбища, где были удобные водопои. Они были расположны главным образом в северных и западных районах современного Казахстана. Поэтому перекочевки совершались в меридиональном направлении.

Хорошей зимовкой считались участки степи, где были обильные кормовые травы. Для зимних стоянок выбирались с осени такие места, где скот мог добывать себе корм из-под снега, где северо-восточные и юго-западные ветры время от времени сдували с земли снег, покрывавший тонким слоем подножный корм. Наиболее удобными считались места, защищенные от снежных буранов камышами или песчаными барханами.

Высокие камыши служили, кроме того, топливом. «К концу осени, — пишет Завалишин, — собираются в большие аулы, избирая преимущественно для своих стойбищ густые камыши, ущелья в горах и вообще такие местности, где можно стадам укрываться от лютых зимних буранов».[1]

Жилищами на зимних стоянках у богатых скотоводов служили деревянные дома, бедняки же укрывались в землянках или в кибитках, обнесенных плетнем из камыша и хвороста. Укрытием для пастухов служили так называемые коши — кибитки небольших размеров. Для скота в некоторых районах устраивались сараи из плетня. «Но все это редко, — замечает Левшин, — и возможно только для малого количества скота». Богатые скотоводы вынуждены загонять свои многочисленные стада для защиты от буранов в лес, а за неимением его, в густые заросли камышей или в укрытие между холмами. На случай, если метель застигнет стада на открытом месте, устраивают длинный заслон из войлоков, натянутых на расставленные в одну линию колья, загоняя скот к той стороне его, которая защищена от ветра».[2]

Содержание скота на подножном корму (тебеневка) в зимних условиях протекало следующим образом: на траву, покрытую тонким снежным слоем, пускали сначала лошадей, которые копытами разрывали снег и ели верхушки трав. Следом за ними на то же место выгоняли рогатый скот и верблюдов, объедавших средину стеблей. Овцы, пускаемые последними, доедали оставшуюся траву. В тех случаях, когда овец было мало, пастухи сами разрывали снег, обнажая траву. Пищей для скота служили также иглы саксаула. «Само собой разумеется, — замечает Левшин, — что от такой бедной

---

[1] И. Завалишин. Описание Западной Сибири, т. III, М. 1862, стр. 35—36.

[2] Левшин, указ. соч., ч. III, стр. 196. Во время морозов особенно трудно было сохранить верблюдов. Их обычно загоняли в укрытие между юртами, где растягивались большие войлоки (Паллас, указ. соч., ч. I, стр. 582).

пищи животное не тучнеет, но она поддерживает жизнь его».[1]

Тебеневка была значительно сложнее во время гололедицы. Не будучи в состоянии разбивать ледяной покров копытами, лошади и другие животные оставались без корма. Это приводило к массовому падежу скота. Чтобы облегчить добывание корма пастухи вынуждены были разбивать ледяную корку топорами или кольями и пускать по отбитой траве лошадей, а затем мелкий скот. После больших заносов в степи приходилось разрывать и глубокий снежный покров, чтобы сделать корм для скота более доступным. Снежные бураны разгоняли скот, делая его жертвой зверя и голода. Овец, застигнутых снежной бурей, приходилось нередко разыскивать на больших расстояниях, извлекать из-под сугробов.

Таким образом, жизнь скотовода на зимних стоянках, продолжавшаяся приблизительно треть года (с ноября по март), в условиях суровой зимы была сопряжена с большими трудностями. Безотрадную картину этой жизни рисует Левшин. «Занесенные со всех сторон снежными сугробами и дрожащие от несносного холода, жители степей киргизских почти не выходят из кибиток своих и, сидя беспрестанно у огня, в одно и то же время страдают, с одной стороны, от жары, а с другой, от мороза. Между тем ветер через верхнее отверстие в двери наносит к ним хлопья снега и иногда, превращаясь в сильную бурю, опрокидывает войлочное жилище со всеми в нем укрывающимися. Между тем нагие дети выползают из-под войлоков или овчин, которыми они обыкновенно бывают накрыты и, садясь в горячую золу, обжигают себе руки или ноги; вопли их раздирают слух».[2] Поэтому начало весенней перекочевки как освобождение от чрезмерно трудных условий зимних стоянок нередко превращается в настоящий праздник, с обильным угощением, джигитовкой, играми и песнями. «Иногда в течение лета аул постепенно передвигается из места в место среди такого непрерывного праздника верст на 1000 и более».[3]

Но и весенние перекочевки нередко были связаны с большими трудностями: безводие при переходах через так называемые голодные степи, летний зной с иссушающими жаркими ветрами и песчаные бураны при переходах через пески вызывали иногда повальные болезни скота. Избежать эти

---

[1] Левшин, указ. соч., ч. III, стр. 197—198. О зимнем содержании скота на подножном корму, см.: А. Добросмыслов. Скотоводство в Тургайской области. Оренбург. 1893, стр. 87—95.

Его же. Коневодство и его значение для киргизского населения Тургайской области. Оренбург. 1894, стр. 14—16.

[2] Левшин, указ. соч., ч. III, стр. 22—23.

[3] Завалишин, указ. соч., т. III, стр. 36—37.

трудности можно было при более коротких перекочевках и при наличии в степи колодцев. «Хорошие колодцы, — по словам Левшина, — определяют направление путей самых дальних».

Что представляют собою казахские степи, на территории которых располагались зимние и летние кочевья, и каковы были условия кочевания?

На территории казахских владений отмечены плодородные и голодные степи, а также пески и солончаки.

Первые из них — это степи, богатые черноземом, густо заросшие ковылем, с пресными водоемами. Они простираются на западе по левую сторону среднего течения Урала, вдоль его верховий и по реке Орь (Оренбургская степь), в северной и северо-восточной частях Казахстана по рекам Тобол и Ишим, и на торритории до Иртыша и озера Нор-Зайсан. Удобные пастбища имеются и на некоторых участках центральных районов степи, например, по рекам Иргиз и Тургай, в долинах и по склонам гор Улу-Тау и Мугоджарских. «В горах и горных долинах, — пишет Завалишин, — киргизы находят всегда проточные воды, превосходные корма и пастбища для своих многочисленных стад. Летом и зимой горные ущелья всегда более оживлены людными аулами, нежели прилегающие к ним равнинные степи.[1] Наиболее плодородные степи с богатыми пастбищами расположены в Семиречье.[2]

Голодные степи отличаются глинистыми солончаковыми почвами и горькими полынными травами. Самая обширная голодная степь Бетпак-Дала расположена между озером Балхаш и рекой Сары-Су.

Пески, занимающие значительные пространства, в некоторых местах использовались скотоводами, там где они неподвижны и уплотнены корнями мелких и жестких трав. (Пески Кара-Кум, Большие и Малые Барсуки и др.). Но большую часть степи занимают сыпучие пески. Это движущиеся под напором удушливых ветров пустынные степи, поднимающие песчаные бураны. Лишенные растительности и воды, эти пески не могут быть использованы в скотоводстве.

Почти на всем пространстве южной части Казахстана разбросаны солончаки, сухие и мокрые, образующие топкие болота. Солончаки расположены вдоль левых берегов Урала и Иртыша. Начиная от Каспийского моря на западе и от озера Балхаш на востоке, они продвигаются большими массивами в глубину казахских степей.

На торритории казахских степей имеются также плоскогорья, условия которых благоприятны для пастьбы только некоторых пород скота (например, как свидетельствует Левшин,

---

[1] Там же, стр. 13.

[2] Из Семиречья казахи были вытеснены джунгарами в 80-х годах XVIII века.

на возвышенности Усть-Урт между Каспийским и Аральским морями, травы и кустарники годны только для корма верблюдов, степные колодцы редки и очень глубоки.[1]

Камыши, служившие местами зимних стоянок, покрывают некоторые участки берегов Каспийского и Аральского морей, берега рек в юго-восточной части степи, например Сыр-Дарьи, и берега многих озер (северо-восточные берега озера Балхаш, окрестности озера Аксакал, озера Убаган-Денгиз в системе реки Тобол, озера в бассейне реки Тургай и пр.).

Кочевья казахов в конце XVII века[2] значительно приблизились к границам русских владений, о чем говорят, например, набеги на русские пограничные слободы в 1680—1682 гг. у Ямышева озера, на Тарханский острог Тобольского уезда, на Утяцкую и Ялуторовскую слободы. В первой половине XVIII века территория кочевий казахов была отодвинута под напором джунгар от районов Южного Казахстана к западу и северо-западу: к Каспийскому морю (Младший жуз) и к верховьям рек Ишим, Тобол и Урал (Средний жуз).

Летние кочевья Младшего жуза располагались по притокам Илека и Урала (Яика). Зимовья Младшего жуза были расположены в районе Иргиза и его притоков и на территории южнее его, до низовьев Сыр-Дарьи. Кроме того, зимние стоянки Младшего жуза были по реке Эмба, в песках Большие и Малые Барсуки и по рекам, вытекающим из озер в районе реки Урал, по рекам Калдыгайты, Булдурты и др.[3]

Летние кочевья Среднего жуза находились по реке Сары-Су, по верховьям Ишима, по притокам Тобола, по реке Большой Тургай и по озерам в верховьях Тургая.[4]

В описаниях центральных и юго-западных районов казахских степей отмечается сухость и безводие их. Жара сжигает траву, ручьи и реки высыхают, удушливый зной нередко доходит до 40° (Реом.). Песчаные бураны переносят целые горы песка, засыпая реки и озера. Глинистая и солончаковая почва обожженных степей трескается от зноя. В этих условиях

---

[1] Левшин, указ. соч., ч. I, стр. 24—25.

[2] «Книга Большого Чертежа», составленная в конце XVI и начале XVII вв., уже знает постоянные кочевья казахов в среднем течении реки Сыр-Дарьи и на территории, расположенной севернее ее на 600 верст. «А от устья реки Кендерлика 150 верст, с левыя страны реки Сыра град Сунак... А промеж озера Акбашлы и реки Саук (один из притоков Тургая, по Ремезовскому чертежу. Повидимому, так называлась река Кара-Тургай, — Н. А.) и озера Акколь и по обе стороны реки Зеленчик (р. Джиланчик, впадающая в оз. Ак-Куль — Н. А.) и реки Кендерлика (р. Улькун-Кенгир, стекающая из гор Улу-Тау — Н. А.) и реки Сарсы (Сары-Су) и песков Кара-Кум, на тех местах, на 600 верст кочевые Казацкие орды». («Книга, глаголемая Большой чертеж», изд. Г. И. Спасским. М. 1846, стр. 73—74).

[3] П. Рычков. Топография Оренбургской губернии. Оренбург. 1887, стр. 97—99.

[4] Там же, стр. 101—103.

развивались повальные болезни (чума и сибирская язва), вызывавшие массовый падеж скота.

Трудно было кочевать из-за недостатка пресной воды в степи, так как вода большинства рек, текущих между морями Каспийским и Аральским, — горько-соленая. В описаниях Левшина отмечается соленость трав, росы и даже снега.[1] Соленость воды в степных колодцах песков Чеколак-кум, лишенных рек и озер, отмечает Н. Рычков.[2] Пресная вода, скопившаяся в озерах во время таяния снега, летом обычно пересыхает.

Не обеспечивали водопоя и степные колодцы, так как неглубокие (тайыз) могли напоить лишь небольшое количество скота, а глубокие (шынграу) были довольно редким явлением в степи. В лучшем положении были зажиточные скотоводы, которые, имея рабов, могли сооружать глубокие колодцы и закреплять их себе в собственность. Это давало возможность им совершать дальние перекочевки и выбирать лучшие стоянки. В более трудном положении оказывался менее состоятельный скотовод.

Однако, глубокие колодцы при низкой технике их сооружения далеко не разрешали трудного вопроса орошения водой безводных участков степи, так как вода в них почти всегда имела горько-соленый вкус.

Условия пастбищно-кочевой системы скотоводства вынуждали казахов разводить такие породы скота, которые могли бы подолгу переносить голод и жажду и были бы выносливыми во время дальних перекочевок. Стада состояли из овец, лошадей, верблюдов, коз и рогатого скота.[3]

Основное богатство казахов составляли овцы и лошади. Разводились преимущественно выносливые породы. Овцы могли питаться даже солонцоватыми травами, которые обнажались от снегов весенним солнцем.

В овечьих стадах были козы, исполнявшие роль вожаков овечьих стад. Козы разводились, главным образом, в южных районах степи.

Очень ценились в хозяйстве казахов лошади. О том, как дорог был казаху хороший конь, говорит казахская пословица: «Если у тебя плохая лошадь — уходит удовольствие, если у тебя сын плохой — уходит сила». Лошади казахских степей отличались быстротой, крепостью и большой выносливостью. Больше всего было лошадей в северной части степи, где располагались пастбища, густо заросшие ковылем, о чем свидетельствует Н. Рычков: «Сия Орда (Средняя) перед Меньшею

---

[1] Левшин, указ. соч., ч. 1, стр. 54.

[2] Н. Рычков. Дневные записки путешествия в Киргиз-кайсацкой степи в 1771 году. СПб. 1772, стр. 47.

[3] Георги, указ. соч., ч. 2, стр. 126—128; Паллас, указ. соч., стр. 581—585; Левшин, указ. соч., ч. III, стр. 187—193.

людНее и богатее, а особливо лошадьми, которые у них больше и лучше, нежели в Меньшей орде».[1] Напротив, в скотоводческом хозяйстве Младшего жуза преобладали овцы.

В кочевом хозяйстве казахов особенно необходим был верблюд с его способностью долгое время обходиться без пищи и воды, и нести на себе большие тяжести во время длительных переходов. Самая распространенная порода — верблюды двугорбые, отличающиеся особенной выносливостью в условиях суровой зимы. Наиболее благоприятные условия для разведения верблюдов — в южных районах степи, в частности, на плоскогорьи Усть-Урт, между Каспийским и Аральским морями. «Особенно много,— пишет Левшин, — разводят их в Большой орде и вообще на песках южной полосы, где они необходимее, и где климат для них благоприятнее».[2] Верблюды нередко выполняли на ночлегах роль сторожей овечьих стад. Броневский рассказывает, что в холодные ночи собирают большое количество овец к юртам, где они ложатся, прижимаясь друг к другу. Верблюдов же располагают вокруг овец, чтобы последние не могли разбежаться.[3]

Значительно меньше разводилось рогатого скота. Левшин говорит, что «рогатый скот хотя и разводится некоторыми родами Средней Орды в изобилии, однако, вообще говоря, киргизы не богаты оным».[4]

Таким образом, пастбищно-кочевая система скотоводства, носившая экстенсивный характер, определяла и состав стад: можно было разводить только такие породы скота, которые могли пастись круглый год на подножном корму и отличались большой выносливостью в трудных условиях суровой зимы и знойного лета. Эта система являлась, таким образом, серьезным препятствием к разведению молочного рогатого скота, для которого не было зимних кормов (сена).[5]

Неустойчивая кормовая база с ее зависимостью от стихийных условий (снежные бураны, гололедица, засухи и безводие) не могла способствовать развитию скотоводства и сохранности стад. В тех районах, где скот приходилось пасти в степи, сожженной летним зноем, или зимовать на стоянках, плохо защищенных от снежных буранов, пастбищно-кочевая

[1] Н. Рычков. Топография Оренбургской губернии. Оренбург. 1887. стр. 103.

[2] Левшин, указ. соч., ч. III, стр. 191.

[3] Броневский, указ. соч. «Отеч. записки». 1830, ч. 42, № 122, стр. 360.

[4] Левшин, указ. соч., ч. III. стр. 192—193. Паллас, указ. соч., ч. I. стр. 581.

[5] Сенокошение так же, как и стойловое содержание скота, развилось позднее, главным образом, когда установились более прочные связи с Россией. Разведение рогатого скота идет более интенсивно с средины XVIII века, когда с развитием внешнего обмена вырастают и потребности в развитии скотоводства.

система приводила к разорению, прежде всего, тех скотоводов, которые не имели хороших пастбищ и глубоких колодцев и не могли вследствие этого обеспечить сохранность стад. Лишившись скота, они становились бедняками. В более выгодном положении находились скотоводы, имевшие в своем распоряжении лучшие пастбища и глубокие колодцы.[1] Они не только сохраняли свои стада, но и увеличивали их, используя в качестве пастухов скотоводов, потерявших свои стада, и бедняков, вынужденных работать в аулах богатых скотовладельцев.

Тормозом в развитии скотоводства была и широко распространенная барымта.[2] По словам Левшина, «при отгоне его (скота — Н. А.) не берегут и значительная часть оного при быстром перегоне издыхает, пристает и получает болезни и нередко заражает здоровые стада и табуны. Притом количество скота, доставшееся барантою в полную добычу, спешат уменьшить, убивая в пищу».[3]

Барымта была одним из реальных источников обогащения организаторов ее.

В скотоводческом хозяйстве казахов первое место занимали овцы. «Овца киргиза кормит и одевает», — так определил Левшин роль ее в хозяйстве казахов. Овца имела ценность, главным образом, как убойное животное. «Целая овца, — писал Левшин, — иногда весит от 4 до 5 пудов и дает сала до 2-х пудов».[4] Баранина была основной пищей казахов.

Из овечьей шерсти выделывались грубые домотканные материи, кошмы и войлок. Овца давала овчину и мерлушку для шуб и шапок. Из овечьего молока приготовлялись курт (сыр) и айран (кислое молоко). Овца был предметом обмена. Она заменяла деньги: количеством баранов определялась стоимость товаров. Такое широкое потребительское и меновое значение овцы способствовало тому, что овцы были основным богатством казахов.

Большое значение в хозяйстве казахов имела и лошадь как средство передвижения и убойное животное. Конина с бараниной — излюбленная пища казахов, а у бедняков, которым было более доступно баранье мясо, копченая конина считалась уже лакомством. Из кобыльего молока изготовлялся кумыс. Из конского волоса выделывались веревки и арканы.

---

[1] См. экономическое положение родовой знати в гл. I, разд.: «Социальные отношения».

[2] В русских источниках в значении барымты употребляется слово «баранта».

[3] Левшин, указ. соч., ч. III, стр. 85—86 (прим.).

[4] Левшин, указ. соч., стр. 188. Об использовании овцы см.: Георги, указ. соч., ч. 2, стр. 127—128.

Значительную роль в хозяйстве казахов играл и верблюд, главным образом, как средство передвижения.[1] Шерсть его широко использовалась в домашнем производстве.[2] Из нее изготовлялась тонкая пряжа для тканья шерстяных материй. Верблюжье молоко[3] и мясо употреблялось в пищу.

Таким образом, скот давал казаху сырье, необходимое для изготовления пищи, одежды и предметов домашнего обихода. Отсюда различные промыслы, имеющие характер домашнего производства, тесно связанные со скотоводческим хозяйством. Сюда относятся такие промыслы, как кожевенное производство, обработка шерсти и конского волоса.

Из грубой овечьей шерсти делали войлоки и кошмы, для покрытия юрт. Лучшую употребляли для тканья ковров. Из овечьей же шерсти, переплетая ее с камышом, изготовляли занавески для дверей в юрту, а также ткали широкие полосы для оттягивания верхнего карниза юрты. Из верблюжьей пряжи выделывали плотную материю (камлот), похожую на русскую армячину. Из конского волоса плели арканы и веревки для перевязывания решетчатых стен юрты. Примитивная техника обработки шерсти (валяльный промысел и тканье из шерсти) требовала большой затраты времени и труда.

Кожа баранья и воловья употреблялась для изготовления обуви, одежды, посуды (кожаные мешки — турсуки). Конская кожа обрабатывалась на сыромять. Широко использовалась верблюжья кожа, из которой изготовлялись большие сосуды, служившие для хранения молока.

Техника обработки кожи была примитивной: кожу скоблили тупыми ножами, затем просушивали, после чего квасили в пресном или кислом молоке и топтали ногами с целью размягчения.[4]

Кожевенное производство, валяльный промысел и примитивное ткачество были главными ремеслами казахов.

Имела место обработка дерева: плотничья работа и резьба по дереву. Из дерева изготовлялись решетки для юрт (кереге), резные двери, сундуки для одежды, деревянные изголовья для подушек, посуда, седла и проч.

Очень слабо была развита обработка металлов, в частности кузнечный промысел. Кузнецы выделывали только неко-

---

[1] Верблюды могли переносить на себе тяжести в 30 пудов. Но в дальних путешествиях свыше 16 пудов на верблюда не навьючивали. (Георги, указ. соч., ч. 2, стр. 127).

[2] Двугорбый верблюд давал шерсти 10—12 пудов в год.

[3] Из верблюжьего молока изготовлялся кумыс, сыр и масло, которое, по словам Георги, «лучше кобыльего и не столько жидко бывает, как из кобыльего молока». (Там же, стр. 127).

[4] Паллас, указ. соч., ч. I, стр. 570.

торые предметы вооружения (кинжалы, длинные ножи или «полусабли» (селебе или джекауз), айболты,[1] наконечники копий и стрел, металлические части конской сбруи, примитивные орудия земледелия.[2] По наблюдениям Тевкелева, казахи «ружья сами не делают, а получают их из Хивы и из Бухары, меняют на баранов и на лошадей».[3] В Ташкенте покупались фитильные ружья».[4] Валиханов отметил, что ружья были редкостью в степи, переходили из рода в род и имели собственные имена.[5] Левшин о вооружении казахов писал: «Сабель совсем не умеют делать и достают их, равно как и панцыри, ружья и большую часть пороха из Хивы, Бухарии, Персии, Ташкента и Кашкара».[6]

Техника изготовления пороха была также примитивной. По словам Левшина, порох изготовляется домашним способом, но весьма дурной, ибо (казахи — Н. А.) не знают пропорций составных его частей.

Существовал примитивный способ плавки руды в вырытых ямах и литья пуль из свинца,[7] который в расплавленном виде выливался в формы, сделанные из какого-либо камня.

Таким образом, основные ремесленные производства, которые играли значительную роль в хозяйстве казахов, были тесно связаны со скотоводством. При однообразии естественных продуктов, низком техническом уровне производства и отсутствии материальной основы для товарного производства это была система замкнутого натурального хозяйства.

Связанное с системой скотоводческого хозяйства, домашнее ремесло носило сезонный характер, причем в него были вовлечены все трудоспособные члены семьи.

Значительная часть домашнего производства лежала на женщине, а именно: производство войлоков, кошм, ковров с их художественной обработкой (текемет — кошма с вваленным в нее узором и сырдак с рисунком, сшитым из кусков кошмы, окрашенной в разные цвета, тус-кигиз — кошма с аппликацией, вышивка на кошме, коже и одежде), тканье толстого сукна и полос, стягивающих основу юрты (бау), плете-

---

[1] Айболта — топор с лезвием на длинной рукоятке.

[2] Георги, указ. соч., ч. 2, стр. 128—129.

[3] «Журнал» Тевкелева, л. 137.

[4] Н. Рычков. Дневные записки путешествия в Киргиз-кайсацкой степи, стр. 122. «Огнестрельные их оружия без курков,— писал Георги,— почему и палят они из них еще и ныне по старинному обыкновению, поджигая порох фитилями». (Указ. соч., ч. II, стр. 125).

[5] Ч. Валиханов. Вооружение киргизов в древние времена. В кн.: Сочинения. СПб. 1904, стр. 40.

[6] Левшин, указ. соч., ч. III, стр. 50.

[7] Свинец с примесью серебра добывался в горе Свинцовой в районе Сыр-Дарьи (Доклад нач. Оренбург. экспедиции И. Кириллова, 1734 г. ЦГАДА. «Киргиз-кайсацкие дела», 1734, д. 4. л. 10) и в горах Кара-Тау в Ташкентском владении, где, по наблюдениям Поспелова и Бурнашева, добывался «свинцовый блеск в известковом камне».

ние циновок для входной двери в юрту, изготовление одежды и продуктов питания.

Мужчины занимались резьбой по дереву, по кости, производством металлических изделий. В материалах обычного права отмечается, что благодаря замкнутому образу жизни казахской женщины все хозяйство лежало на ней. Между тем как мужчина большую часть года проводил на лошади в постоянных разъездах, занимаясь общественными делами рода, военными походами, участием в барымте, настоящим, фактическим хозяином дома оставалась женщина. По данным обычного права, «муж оставляет за собой непосредственный надзор и управление конскими табунами, а в местностях земледельческих ведает хлебопашеством. Домашнее же хозяйство и надзор за баранами, верблюдами и рогатым скотом, а также доение скота лежит на женщине»,[1] причем главная роль в хозяйстве принадлежала старшей жене (байбище), в отношении которой младшая жена (киш-хатын) занимала подчиненное положение.[2]

В некоторых производствах не было разделения труда. Так, например, кожи выделывались как мужчинами, так и женщинами.

Земледелие, которое было развито слабо, существовало в районах, примыкающих к культурной полосе Туркестана, в частности, в районе Сыр-Дарьи. Но и в этих районах главной отраслью хозяйства оставалось скотоводство, хотя здесь, по словам В. Бартольда, и началось расслоение непосредственного производителя, которое привело к появлению у казахов первых пашен.[3]

С древнейших времен очаги земледелия были в Семиречье, около озера Балхаш и реки Или, в районе Ангрена, Чирчика, Арыси, по реке Кара-Тургай,[4] в долинах Кара Тау, в Атбасарской степи, в долине озера Зайсан, причем земледелие в некоторых районах, в частности, на территории Старшего жуза привилось под воздействием земледельческой культуры среднеазиатских районов.[5]

---

[1] Маковецкий, указ. соч., стр. 31. Георги, указ. соч., ч. 2, стр. 130.

[2] Гродеков, указ. соч., стр. 85.

[3] В. Бартольд. Очерки Семиречья. «Памятная книжка Семиреченской области». Верный. 1908, стр. 164.

[4] Н. Рычков, проезжая в районе реки Кара-Тугай, имел возможность наблюдать на черноземных полях следы старинных пашен, которые орошались арыками, проведенными от Кара-Тургая (Н. Рычков. Дневные записки путешествия. . ., стр. 58).

[5] Занимаясь земледелием, которое было слабо развито, казахи не переставали быть кочевниками. «Они кочуют около пашен своих, — пишет Левшин, — до того времени, пока хлеб спеет. Сжав и обмолотив, они берут с собою нужную часть оного, а остальную зарывают в землю до будущего посева и уходят на другие места». (Левшин, указ. соч., ч. III, стр. 199—200).

Казахи возделывали, главным образом, просо. Сеяли также рожь, пшеницу, ячмень, а в южных районах и кукурузу. О посевах проса, пшеницы и ячменя в районе Сыр-Дарьи сообщает русский посол Кобяков, бывший в улусах хана Тауке в 30-х годах XVIII века.[1] Просо являлось существенным подспорьем в питании, особенно у малоимущих казахов. Однако незначительные посевы проса и пшеницы не могли удовлетворить растущих потребностей в хлебе. Тот же Кобяков отметил, что «пахота их (казахов — Н. А.) скудна».

Земледелием занималась незначительная часть населения, главным образом, джатаки (бедняки), которые потеряли возможность кочевать из-за потери скота. Зерно и хлеб обычно выменивали на скот, в частности на овец, у оседлого населения земледельческих районов Узбекистана и на других рынках Средней Азии.

Это было отсталое поливное земледелие с низкой техникой.[2] При обработке земли применялись: железная лопата или мотыга, примитивная соха без сошников, борона, сделанная из суковатого пня или куска дерева. Небольшие поля иногда обрабатывались лопатами. Для жатвы употреблялись маленькие серпы. За неимением серпов, дергали колосья из земли руками.[3] Просо сеяли обычно по целине, прямо в траву, причем целину вспахивали лишь один раз, и таким образом обрабатывался лишь верхний слой почвы. После снятия второго урожая обработанный участок обычно уже не использовался в течение ряда лет. Такое возделывание проса имело место в долине реки Сагыз.

Полив пашен производился также примитивным способом: при помощи ведерка, прикрепленного к длинному шесту, или с помощью водочерпательного колеса, так называемого «шигир» («чигирь»). Этот способ полива применялся на пашнях, расположенных на равнинах, для орошения которых нельзя было сделать бассейна.[4]

Не менее примитивными были способы хранения и обработки зерна. Молотили лошадьми и быками, гоняя их на веревках по развязанным снопам.[5] Просо хранилось в ямах, стены которых обжигались с целью предохранения зерна от сырости. Для толчения проса употреблялись деревянные ступы.

Основное из всего того, что нужно было казаху, он добывал в своем собственном хозяйстве. Этот характер хозяйства

---

[1] Дополнение к Актам историческим (ДАИ), том X, док. № 80.

[2] Левшин, указ. соч., ч. III, стр. 199.

[3] Там же, стр. 205. Шахматов. Замечания о хлебопашестве киргиз-кайсаков Средней орды. «Земледельческий журнал», 1832, № 8, стр. 617—624.

[4] Левшин, указ. соч., III, стр. 200—204.

[5] Там же, стр. 205.

отмечен в наблюдениях таких путешественников, как Поспелов и Бурнашев, которые писали: «От скотоводства имеют они (казахи — Н. А.) пропитание и все для себя нужное посредством собственного изделия». Но это не значит, что хозяйство казахов, стоящее на низком уровне производительных сил, удовлетворяло полностью все потребности. Уже краткий обзор основных отраслей его показывает, что нехватало прежде всего ремесленных изделий из металла (металлической посуды, оружия), тканей, хороших изделий из кожи. Не могли быть удовлетворены и развивающиеся потребности в хлебе при том слабом развитии земледелия, которое существовало лишь в некоторых районах.

{В источниках отмечено, что торговые связи среднеазиатских ханств с казахами имели своей целью, в основном, обмен скота.[1] Скот, подлежащий обмену, пригонялся на среднеазиатские рынки, где совершались торговые сделки с хивинцами, бухарцами, кокандцами, которые меняли на скот свои мануфактурные изделия. В обмен на скот и сырье казахи получали также продукты земледелия. В докладе начальника Оренбургской экспедиции Кириллова говорилось о меновой торговле казахов с каракалпаками: «Тот каракалпацкой народ имеет хлебопашество и родитца у них довольно пшеницы, пшена, проса, ячменя, которой хлеб у них киргис-кайсаки на бараны и другой скот меняют».[2] Такого рода торговые связи с среднеазиатскими рынками существовали у Младшего жуза в XVIII веке, но они не могли удовлетворить всех растущих потребностей обмена. Отсюда тяготение к русским рынкам, в частности, к торгу у Яика, которое усилилось к началу 30-х годов XVIII века.[3]

Торг производился и в казахских кочевьях, куда приходили бухарские и хивинские караваны. Торговые бухарцы были в улусах хана Тауке. Но обмен внутри казахских кочевий был очень ограничен и носил сезонный характер, так как производился, в большинстве своем, во время летних сближений аулов. Слабое развитие внутристепного обмена объясняется разбросанностью аулов и их удаленностью друг от друга, а также ограниченностью ассортимента товаров как собственного производства, так и получаемых путем обмена на среднеазиатских рынках и на пограничной линии. В условиях натурального хозяйства, где ремесло не было отделено от сельского хозяйства, и при слабом развитии внешнего обмена главным объектом внутриаульной торговли был скот, который выменивался на хлеб (зерно) в аулах, занимавшихся

---

[1] Левшин, указ. соч., ч. III, стр. 226.

[2] ЦГАДА. «Киргиз-кайсацкие дела», 1734, д. 4, л. 9.

[3] См. гл. V: «Присоединение Казахстана к России в 30-х годах XVIII века».

земледелием, а также на металлические ремесленные изделия и другие товары, которые в свою очередь выменивались на рынках Средней Азии и России. Но при слабом развитии земледелия в Казахстане в XVIII веке обмен скота на хлеб не играл крупной роли в торговле казахов. При ограниченности внешнего обмена ассортимент товаров, получаемых на среднеазиатских рынках и в России, был также очень ограничен и сделался более разнообразным лишь со второй половины XVIII века, когда с принятием российского подданства определилось транзитное значение казахских степей и расширились торговые связи с среднеазиатскими и русскими рынками.

Меновой характер торговли в Казахстане XVIII века говорит о слабом развитии товаро-денежного обращения. Стоимость товаров определялась таким эквивалентом, как овца. Монеты бухарские, персидские и индийские, которые в большом количестве обращались позднее на торге в Оренбурге, в торговле казахов играли роль простого товара. В условиях медленного разложения натурального производства меновая форма торговли была очень устойчивой и в то время, когда расширились торговые связи с русскими рынками.

Развитию торговли в первой половине XVIII века мешали не только условия натурального хозяйства и слабое развитие внешнего обмена. Пастбищно-кочевая система делала неустойчивой основную базу меновой торговли, так как скотоводческие хозяйства отдельных владельцев подвергались различным случайностям (гололедица и т. п.), приводящим к падежу скота. Левшин отметил значительное уменьшение выпускаемого на обмен скота в связи с барымтой.[1] Караванная торговля была сопряжена со всевозможными трудностями. Караваны, проходящие через казахские степи, подвергались опасности быть разграбленными набегами воровских шаек и барымтачей. Вожаки караванов сплошь и рядом не могли обеспечить их безопасность.

Большим тормозом в развитии хозяйства казахов (скотоводства, ремесла и торговли) были крупные осложнения внешнеполитической обстановки и, прежде всего, борьба с Джунгарией в 20-х годах XVIII века.

Таким образом, в Казахстане первой половины XVIII века не было достаточных стимулов для экономического развития и особенно после джунгарского нашествия, когда хозяйство казахов переживало глубокие потрясения.

С потерей лучших пастбищ определилась острая потребность в кормовой базе. При низком уровне производительных сил и в условиях отсталой техники натурального замкнутого хозяйства нужны были навыки для развития ремесла и земледелия. Нехватало устойчивых торговых связей.

---

[1] Левшин, указ. соч., ч. III, стр. 226.

Слабое развитие торговых связей и замкнутость хозяйства казахов обусловливали медленное развитие его.

Тормозами в развитии хозяйства были и патриархально-родовые пережитки, сохранявшиеся, главным образом, в быту.

Одним из острых вопросов в хозяйстве казахских жузов первой половины XVIII века был вопрос о пастбищах и кочевьях.

В процессе разложения патриархально-родовой общины. в условиях экстенсивного скотоводческого хозяйства, которое требовало расширения районов кочевий, усилилось хозяйственное дробление крупных родов, в результате чего выделялись различные родовые группы, которые в русских источниках называются отделениями родов.

Вместе с тем слабели экономические связи рода. Различные части одного и того же рода имели различные районы кочевий. Хозяйственные связи между аулами существовали лишь в совместной пастьбе скота сородичами во время весенних и осенних перекочевок, когда скот перегоняли сообща. Родовое пользование пастбищами имело лишь относительное значение в тех специфических условиях землепользования, где были неопределенными и границы родовых угодий.

Поэтому освоение новых заимок, пользование пастбищами и водопоями порождало многочисленные споры и нередко крупные межродовые столкновения, которые разрешались вмешательством биев. В этих спорах обычно выигрывали роды, которым принадлежало право заимки при перекочевках, когда вожаком аула являлся бий.[1]

Так использование пережитков экономических связей рода, наряду с правом распоряжения кочевьями, принадлежавшим хану, султанам и отчасти биям, становилось своеобразной формой узурпации общинных земель.

Родовая собственность на скот перестала существовать в связи с развитием частной, семейной собственности. Развитие семейного владения на скот выразилось в изменении начертания тамги, которая из родовой стала семейной.[2] Предание связывает введение семейных тамг с именем хана Тауке. Обычно при выделе имущества в присутствии родственников выжигалась тамга на каждой выделяемой из стада скотине.[3]

Пережитком хозяйственных связей рода являются родовые тамги, но вместе с тем начертания тамг показывают, что один и тот же род нередко обладал несколькими тамгами

---

[1] См. гл. I, разд.: «Социальные отношения».

[2] Географическое начертание семейной тамги представляло собой или перевернутое положение тамги или к основному начертанию прибавлялись дополнительные черты. Тамга накладывалась на лошадей и верблюдов с левой стороны.

[3] Напр., род Шекты поколения Алим-улы.

или несколько родов имели одинаковые тамги.[1] Султаны тоже имели свою тамгу.

Семейная собственность (скот и имущество) дробилась путем выдела сыновей еще при жизни отца. При разделе имущества последний сын оставался в семье отца и наследовал невыделенную часть имущества. Наследство (мирас) состояло обычно из скота и кибитки с домашней утварью. Кроме того, в богатых семьях наследство составляли и рабы.[2]

Отец не имел права свободно, путем завещания, распоряжаться скотом, который считался собственностью семьи при разделе.

Однако, скот являлся объектом натуральных сборов хана, султанов и биев. Бии широко использовали и патриархально-родовые пережитки в целях накопления скота. Это определило рост социально-экономического положения биев.[3]

С накоплением средств производства в руках представителей феодальной верхушки углублялся процесс имущественной дифференциации. По данным Георги, в стадах крупных скотоводов Среднего жуза нередко насчитывалось до 20 тыс. овец, 10 тыс. лошадей, 300 верблюдов и больше 1000 коз.[4]

Накопление скота в руках феодальной верхушки и усиление феодальных форм эксплоатации тормозили развитие скотоводческого хозяйства казахов в первой половине XVIII века.

В условиях патриархальной замкнутости, при низком уровне производительных сил консервировались отсталые формы хозяйства, которое оставалось экстенсивным. Феодально-зависимое положение основных производителей не могло обеспечить его развития, так как значительная часть скота в виде натуральных сборов присваивалась феодальной верхушкой. Джатаки (бедняки) вследствие потери скота во время гололедицы или барымты совсем не могли вести хозяйства.

Большим потрясением хозяйства казахов были вторжения Джунгарии и «годы великого бедствия».

Существенные сдвиги в отсталой экономике Казахстана первой половины XVIII века могли произвести лишь путем

---

[1] Список родовых тамг Младшего и Среднего жузов. Гродеков. указ. соч., прилож., стр. 4—8; Левшин, указ. соч., ч. III, стр. 135 (вклад. лист).

[2] Гродеков, указ. соч., стр. 51. Наследование имущества шло обычно по мужской линии от отца к сыну. Человек, владеющий значительным богатством, перешедшим к нему от отца, сплошь и рядом отличался от таких, которые сами приобрели состояние. Положение его считалось более прочным.

[3] См. гл. I, разд.: «Социальные отношения».

[4] Георги, указ. соч., ч. 2, стр. 126. «Меж киргизцами, — писал Н. Рычков, — есть столь богатые скотом, что одна семья имеет до 20 тысяч лошадей и до толикаго ж числа овец». (Дневные записки путешествия в Киргиз-кайсацкой степи в 1771 году, стр. 32, прим.).

устранения внешнеполитической опасности и путем укрепления экономических связей с государством, которое должно было стоять на более высоком уровне экономического и культурного развития. Таким государством была Россия, границы которой к 30-м годам XVIII века подошли к владениям Младшего жуза.

СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Казахское общество первой половины XVIII века не было однородным. В составе его было два основных класса: 1) класс феодалов, к которому принадлежали представители так называемой «белой кости» (ак-суек) — ханы и султаны, а также представители «черной кости» (кара-суек) — аксакалы (старейшины), бии, батыры, мурзы, тарханы и ходжи и 2) подвластные им широкие массы основных производителей, которые назывались «караши».

Среди зависимых в казахском обществе были также (кулы) и тюленгуты.

Представители «белой кости» — ханы и султаны, считавшие себя особым родом («нагыз-торе»), назывались чингизидами. Отсюда возникает вопрос о происхождении торе и о начале власти казахских султанов. Но по этому вопросу в исторической литературе имеются лишь отдельные указания. Самый термин «торе» появляется в социальной терминологии казахского общества, повидимому, во время татаро-монгольского господства. Что касается происхождения султанов, то оно связано с формированием феодальной знати в период империи Чингиз-хана.[1] В пользу этого предположения говорит и само название торе чингизидами.

Моголистанский историк Мухаммед-Хайдар связывает начало власти казахских султанов с именами Гирея и Джаныбека, султанов особого владения джучидов, обособившегося во второй половине XVI века.[2]

Потомки Чингиз-хана должны были унаследовать, прежде всего, функции вождей и знатность. Настоящими представителями «белой кости» считались те, у кого родители (не только отец, но и мать) принадлежали к «белой кости». В материалах обычного права имеются указания на то, что женщина высшего сословия («белой кости»), вышедшая замуж за «чернокостного», лишалась своих сословных преимуществ и подвергалась проклятию.[4] Сын, рожденный от брака «смешанной кости», хотя и считался султаном, но лишался права быть избранным в ханы, а также не мог быть амана-

---

[1] М. Вяткин. Очерки истории Казахской ССР. Л. 1941, стр. 64.

[2] В. Вельяминов-Зернов. Исследование о касимовских царях и царевичах, ч II, СПб. 1864, стр. 139.

[4] Гродеков, указ. соч., стр. 5—6.

том (заложником), как например, сын Абулхаира Чингиз, рожденный от наложницы-калмычки.

В русских документах понятие «черная кость» в большинстве случаев равнозначно понятию «простой народ» и включает всех, кто не принадлежит к «белой кости».[1] Но у казахов этот термин имеет и другое социальное содержание. По Левшину, «черной костью» называли не только простой народ, но также старейшин и других начальников, не имевших наследственного ханского достоинства.[2] Кроме старейшин, к «черной кости» принадлежали бии и батыры. Усиление их политической роли дает основание некоторым исследователям сближать классовое положение «белой» и «черной кости». «Ныне происходящие от черных костей, — пишет Гавердовский, — усилились. Они приобретают себе титул биев, батырей, входят в родство с султанами и начальствуют над многими аулами».[3] Таким образом, возникает вопрос о положении этих социальных групп в процессе материального производства.[4]

По материалам обычного права, в противоположность «белой кости», «черной костью» назывались также и «караши».

Отрывочные сведения источников о классовом делении казахского общества не дают определенных указаний о социальной градации внутри указанных выше двух классов. Употребляя широко термин «владельцы», источники нередко называют так не только ханов и султанов, но также биев и батыров.

Вместе с тем такая терминология, как «дворяне белой кости» (у Георги),[5] не разъясняет вопроса о том, что представляла собой эта знать в процессе материального производства и в отношении к «караши», которые также не представляли собой однородной социальной группы.

Наличие таких социальных групп в казахском обществе, как ханы и султаны, говорит об иерархическом членении, аналогичном той градации по лестнице вассальной зависимости, которая была, например, в обществе Золотой орды.[6] Но эта аналогия не снимает вопроса о том, что представляли собой два верхушечных слоя казахского общества — знать

---

[1] Термин «караши» встречается в казахских документах. Так назывались широкие трудящиеся массы, бывшие в казахском обществе XVIII века на положении феодально-зависимых.

[2] Левшин, указ. соч., ч. III, стр. 12.

[3] Гавердовский. Рукопись ЛОИИ (цит. по кн. М. П. Вяткина «Батыр-Срым»).

[4] См. разд.: Социально-экономическое положение ханов, султанов и биев в этой же главе.

[5] Георги относил к дворянам «белой кости» султанов, биев, и ходжей (указ. соч., ч. 2), Гавердовский — султанов, старшин, ходжей и тарханов.

[6] Б. Греков и А. Якубовский. Золотая орда. Л. 1937, стр. 82.

«белой» и «черной кости», в частности, какова была классовая дифференциация «черной кости», и каковы были взаимоотношения социальных групп, входящих в состав «черной кости», как с чингизидами, так и с широкой массой «караши».

Как чингизиды ханы и султаны считались представителями особого сословия торе, стоявшего вне рода. Отсюда возникает вопрос: каково было социально-экономическое положение торе и какую роль играли они в социальных отношениях?

В одном из своих писем к императрице Анне Иоанновне Абулхаир писал: «Я, Абулхаир-хан, со всем владением своим, с беками и батырами вашему и. в. о пребывании в верном подданстве присягали».[1] В письме к хану Тевкелев называет его «Киргис-кайсацкой орды главный владелец Абулхаир-хан».[2]

Главным владельцем назывался хан в русских источниках, в отличие от подвластных ему султанов, называвшихся просто владельцами. Так определилась основа ханской власти, которой обусловлены были ее взаимоотношения как с султанами, так и с биями. Ею же определялось положение хана в процессе материального производства и его отношения с широкой массой казахов-общинников.

Хану принадлежало право распоряжения кочевьями. Отдельные указания по этому вопросу мы имеем в некоторых нарративных источниках, в обычном праве казахов и в «сказках» лиц, посылаемых с разными поручениями в казахские владения. Но социально-политическая сторона этого вопроса освещена очень слабо.

В чем заключалось это право хана и как оно реализовалось в исторической действительности?

Содержание его еще отмечено Плано-Карпини, который говорит о монголах: «Никто не смеет пребывать в какой-нибудь стране, если где император не укажет ему. Сам же он указывает, где пребывать вождям, вожди же указывают места тысячникам, тысячники — сотникам, сотники же — десятникам». Рубрук добавляет: «Всякий начальник знает, смотря по тому, имет ли он под своей властью большее или меньшее количество людей, границы своих пастбищ, а также, где он должен пасти свои стада зимой, летом, весной и осенью».[3]

Мухаммед-Хайдар, рассказывая о свидании хана Касима с моголистанским ханом Султан-Саидом, отмечает, что ка-

---

[1] ЦГАДА. Ф. «Сношения России с киргиз-кайсаками». «Киргиз-кайсацкие дела», 1732, д. 1, лл. 160—161. Письмо Абулхаира 21 мая 1732 года.

[2] Там же, 1733—1734 гг., д. 3, лл. 69—70. Письмо Тевкелева от 1734 года.

[3] Плано-Карпини и В. Рубрук. История монгалов. Перев. Малеина, СПб. 1911, стр. 69. (Такое распределение кочевий имело место в Золотой орде).

захи по распоряжению Касима двинулись на зимовки. Это вызвано, однако, не только хозяйственными соображениями с учетом условий кочевания, но и соображениями, обусловленными внешне-политической обстановкой, о чем говорит ответ Касима моголистанскому хану: «Казахи, как жители степи, должны подумать о зимовках и предпринимать в это время года поход не следует». Таким образом, Касим отклонил предложение Султан-Саида продолжать в союзе с ним войну с узбеками. Позднее, когда союзнические отношения с моголистанским ханом сменились отношениями враждебными, Султан-Саид, узнав о намерении преемника Касима — хана Тагира утвердиться в Моголистане, перевел своего сына Рашид-султана и всех своих монголов в Кашгар.[1]

Это один из примеров массовой перекочевки, вызванной серьезными осложнениями внешнеполитической обстановки, причем выбор нового места решила воля того, кто пользовался правом распоряжения кочевьями.

Это право расширяло сферу воздействия власти хана и во внутриполитических отношениях. Лапин и Мансур Асанов, посланные в 40-х годах в казахские владения, рассказывали о том, что вместе с ними поехал в род Керей хан Абулмамбет и «взял с собой сына своего большого Булата в том намерении, чтобы его в том роде вместо Эралы султана учредить».[2]

Таким образом, право распоряжения кочевьями проявлялось, прежде всего, в тех случаях, когда возникал вопрос о распределении владений между султанами или при замене одного управителя другим.

Вместе с объединением некоторых слабых родов, которое предание приписывает хану Тауке, определились не только границы политической власти султанов, ставших их управителями, но должны были укрепиться и хозяйственные связи на почве пользования кочевьями.

Так владельцем трех объединенных родов — Увак, Гирей и Тараккты стал султан Нуралы.

Источники называют шесть родов — Шекты, Каракисяк, Шомекей, Дюрткара, Каракете, Карасакал, подвластных Абулхаиру.

Владельцами шестнадцати влиятельных родов Среднего жуза были султан Барак и Албай.[3] Связи хана с влиятельными родами имели существенное значение, определяя в значительной мере прочность его социальной базы. Наруше-

---

[1] Вельяминов-Зернов, указ. соч., ч. II, стр. 167, 201—202.
[2] ЦГАДА. «Киргиз-кайсацкие дела», 1734, д. 3, л. 120.
[3] «Книга Азиатского департамента», № 21. «Красный Архив», 1938, № 2(87), стр. 153, 155, 156.

ние этих связей приводило к конфликтам с представителями родовой знати.

В источниках обычного права казахов имеются указания на существование ханских и бекских документов, которыми закреплялось пользование пастбищами, пашнями и водопоями за определенными родами. «На право пользования водой, — пишет Гродеков, — были ханские ярлыки... В ярлыках упоминается не земля, а арыки, зимовки и летовки».[1] Эти ярлыки играли большую роль в разрешении споров между родами, возникающих на почве пользования кочевьями. Выигрывали в земельных тяжбах те роды, у которых были такие документы. «Если на засеваемую двумя родами землю одна из сторон заявит претензию к другой и во время расследования окажется, что одна сторона имеет документ, а другая его не имеет, также не имеет ханских, казийских или бекских документов о том, что земля эта между обоими родами общая, то сторона, имеющая документы, может отказать другой в пользовании землей».[2]

Право распоряжения кочевьями было одним из средств укрепления хозяйственных и политических связей хана как с султанами, так и с биями, поскольку первые являлись управителями крупных родов, а вторые, наделенные также политической властью, разрешали межродовые споры о пользовании кочевьями.

Но фактически это право нарушалось по разным причинам. Мухаммед-Хайдар рассказывает, что Касим избегал кочевать вблизи хана Бурундука. Причина этому была следующая: кочевать вблизи хана и не оказывать ему должного уважения, значило раздражать его; повиноваться же ему не было ни малейшей охоты... Бурундук-хан находился в Сарайчике; Касим-хан же, откочевав от него позднее, подошел к Моголистану».[3]

Этот факт говорит о том, какую роль играли вассальные отношения в праве распоряжения кочевьями, и о том, что возможны были нарушения этого права в тех случаях, когда вассальные связи были непрочными.

Не случайно Тевкелев, сообщая в своем доношении от 26 августа 1731 года о том, что Абулхаир стоит у рек Иргиз и Тургай, подчеркнул, что и «другие ханы кочуют при нем».[4] Но к осени того же года, по причине резкого обострения взаимоотношений с враждебной Абулхаиру феодальной группировкой, хан вынужден был откочевать в Аральское владение.

---

[1] Гродеков, указ. соч., стр. 105.
[2] Там же, стр. 106.
[3] Вельяминов-Зернов, указ. соч., ч. II. стр. 154.
[4] «Красный Архив», 1936, № 5 (78), стр. 194.

Очень показательны в этом отношении некоторые более поздние факты, как например, категорический отказ старшин подчиниться требованию хана, который пытался заставить их откочевать со своими улусами от пределов России. В ответ на требование Абулхаира они заявили: «чтоб бежал он, хан, один куда хочет, а им бежать не от кого и некуда».[1] Старшины могли разговаривать так потому, что понимали свою политическую роль, и чувствовали, что хан перестал быть для них авторитетным.

Таким образом, осуществление права распоряжения кочевьями, закрепленное обычаем за ханом, в значительной степени зависело от того, насколько авторитетна была его власть в представлении султанов, аксакалов и биев. Как показывают приведенные факты, право распоряжения кочевьями в первой половине XVIII века неоднократно нарушалось. Это объясняется неустойчивым положением ханской власти в лице Абулхаира и выросшей политической ролью биев.

Кроме того, право распоряжения кочевьями принадлежало не только хану. Классовое положение султанов как чингизидов и представителей наследственной титулованной аристократии «белой кости» определялось также, прежде всего, тем, что в их руках было распоряжение кочевьями. В условиях феодальной раздробленности, когда усиливался процесс хозяйственного и политического обособления кочевий, закрепление власти султанов как управителей влиятельных родов способствовало расширению их компетенции и в вопросе распоряжения кочевьями. Источники, однако, не дают указаний о том, какую роль играли султаны в крупных изменениях районов кочевий, когда возникали серьезные осложнения во внешнеполитической обстановке.

Распределение кочевий было одной из привилегий суверенного владельца всего жуза — хана. Таким образом, привилегии хана в этом вопросе были, повидимому, шире тех, которые принадлежали султанам.

Хозяйственно-политические связи хана и султанов с биями выражались, в частности, в том, что кочевья биев были в сфере воздействия власти представителей «белой кости». Казачий сотник Яков Ерофеев и тобольский служилый татарин Турпеш Маментелеев в своей «сказке» полковнику Павлуцкому писали, что они ехали от Ямышевской крепости до первых казахских кочевий, «до урочища речки Елавды 6 дней, где кочевал ведомства... Аблай салтана Тубеть батырь, не в больших людех... И от него, Тубетя, ехали их кочевьями до речки Шулейты[2] 3 дня, где кочует Бек-Булат батырь в небольших же людех... От Бек-Булат батыря

[1] ЦГАДА. «Киргиз-кайсацкие дела», 1746, д. 3, л. 72.
[2] Русское название Чючеть (приток Иртыша).

ехали ж кочевьями до владельца Аблай салтана 2 дни».[1] Но прочность этих связей далеко не определялась вышеуказанным моментом. И здесь имели большое значение такие обстоятельства, как реальная власть султана, его взаимоотношения с биями, хозяйственно-политическая роль последних и пр.

Кроме того, здесь имели место те специфические условия землепользования, благодаря которым родовые угодья сохраняли лишь условное значение, и узурпация общинных земель султанами не привела к закреплению за ними и их потомками определенных пастбищных угодий, несмотря на то, что власть султанов считалась наследственной, и они могли останавливаться на тех землях, которыми владели их предки. Это объясняется тем, что в первой половине XVIII века, в процессе разложения кочевой родовой общины казахов, в частности, в процессе дробления и смешения родов, в значительной степени были нарушены и экономические связи рода, имевшие место в пользовании родовыми кочевьями. В то же время в процессе феодализации, в условиях устойчиво сохранившихся патриархально-родовых пережитков, в кочевом скотоводческом хозяйстве еще не образовалась феодальная собственность на землю.

Право распоряжения кочевьями давало возможность султанам осваивать лучшие угодья. Но для того, чтобы удержать за собой эти пастбища, им приходилось иметь приверженцев из какого-либо сильного рода, вместе с которыми они (султан и тюленгуты) селились обычно на кыстау (зимовках).

При пастбищно-кочевом хозяйстве не могло быть определенных границ кочевий. В резко континентальном климате казахских степей неустойчивы условия кормов и водопоев, в силу чего скотовод вынужден был, приспосабливаясь к ним, менять районы кочевий. Кроме того, границы пастбищных угодий нарушались и по той причине, что многие стада паслись без пастухов. Эти же условия не позволили образоваться представлению о преимущественном праве султанов на землю, раз это право сперва отрицалось за кем бы то ни было, а потом в очень условной форме признавалось только за целым родом или его крупными частями. С другой стороны, потребность расширения кормовой базы в связи с накоплением скота была той почвой, на которой могли столкнуться интересы султанов. Материалы обычного права показывают, что всякого рода споры из-за пользования пастбищами были обычным явлением в XVIII веке.

В источниках имеются лишь отрывочные сведения в отношении того, каким количеством скота располагали султа-

---

[1] ЦГАДА. «Киргиз-кайсацкие дела», 1745, д. 7, л. 6.

ны. Значительно чаще встречаются цифры, показывающие их владение кибитками. Султан Барак, принимая российское подданство, показал, что людей при нем одного Найманского рода 40 тыс. кибиток. Столько же кибиток, по сведениям послов Абулхаира, было в его владении.[1] Оренбургский губернатор Неплюев, выражая сомнение по поводу сведений Барака, указал на то, что Оренбургская комиссия не располагала точными сведениями в этом направлении, так как владельцы (султаны) в некоторых своих письмах о количестве подвластных им давали преувеличенныее сведения, поэтому им, по словам Неплюева «верить невозможно». Неплюев считал, что в Среднем и Младшем жузах «до 30 тыс. человек и более дельного люду с огненным ружьем».

«Султан лишь в том случае имеет вес, если он богат». Так определяется авторитет султанов. Решающим было не столько то положение, которое занимали они, как особое сословие торе, сколько положение их как владельцев. Это говорит о том, что все они в равной мере были крупными владельцами. Многое зависело от реальной власти султана и от его взаимоотношений с представителями родовой знати, особенно в тех условиях, где положение некоторых крупных батыров и биев считалось «не ниже хана». Богатство султана определялось не только количеством скота и количеством подвластных ему кибиток, но и теми доходами, которые являлись результатом как некоторых регулярных сборов, так и других, возникающих эпизодически (военная добыча, барымта).

Следует заметить, что в феодальной экономике XVIII века не всегда возможно дифференцировать по социальному признаку повинности и так называемые «добровольные сборы», в которых нередко участвовали как представители «белой кости», так и бии.

Систему производственных отношений мы считаем возможным рассматривать, в основном, в плане характеристики социально-экономического положения бийства. Основанием для этого служит то обстоятельство, что биям в казахском обществе XVIII века принадлежит крупная политическая роль, значительно выросшая в первой половине XVIII века, которая расширяла круг их взаимоотношений с широкой массой казахов-общинников и с представителями «белой кости».

Но мы рассмотрим, прежде всего, те повинности «караши», которые являлись источником доходов, главным образом, ханов и султанов. Это по преимуществу натуральные сборы, причем одни из них были более или менее регулярными и оп-

---

[1] ЦГАДА. «Киргиз-кайсацкие дела», 1730 г. июля 20—30 апр. 1731, л. 61. Доношение посла Кайбагара Кобякова от 1726 года (не позднее марта 17)

ределенно установленными (зякет, ушр и др.), другие случайными (сбор по случаю отправляемого ханом сына в аманаты, сбор для выплаты султанского калыма, военная добыча, барымта и др.). Кроме того, существовали так называемые добровольные сборы (подарки). Некоторые из сборов были раннего происхождения, как, например, постойная повинность.

К натуральным сборам принадлежал также ясак, который взимался с населения вассальных владений.

Постойная повинность была связана с разъездами хана и султанов по степи. Эти разъезды были одним из способов его общения с аксакалами и биями. Вместе с тем они имели целью водворение порядка и правосудия. Разъезжая по степи, ханы и султаны останавливались в подвластных им аулах, жители которых должны были обеспечить их содержанием. Сакмарский казак Мансур Асанов рассказывал о том, что хану Абулмамбету в его путешествии в Туркестан был обеспечен ночлег во всех кибитках, где ему случалось останавливаться. «Посещение солтана с немалою ватагою,—писал Броневский, — коих и кормить должно, поневоле киргисцам неприятно, и потому солтаны не столько любимы».[1]

Так патриархальный обычай гостеприимства становится обязательной повинностью в отношении той верхушки, которой принадлежало экономическое и политическое господство. Архаическая основа этой повинности дает основание предполагать ее раннее происхождение. Совершенно определенно говорят о существовании ее в кочевых районах Золотой орды Плано-Карпини и Рубрук.[2] Источники отмечают, что ханы время от времени вынуждены были сокращать свои разъезды, когда по причине всякого рода междоусобий, они были небезопасны в степи. Такое положение отметил Левшин для конца XVIII века. «Ханы, — пишет он, — предпочитают спокойное управление небольшим числом своих приверженцев опасной обязанности разъезжать по ордам для водворения правосудия и порядка. Дух междуусобий и разделения сделался всеобщим».[3] «Журнал» Тевкелева достаточно ярко показывает, какие последствия ожидали Абулхаира в его разъездах по степи во время пребывания в Младшем жузе Тевкелева, в обстановке вражды против него и царского посла.

К натуральным сборам принадлежали ушр и зякет. Ушр, представляющий собой сбор, равный $^1/_{10}$ части урожая, взимался с казахов, населявших земледельческий район Сыр-Дарьи. Зякет выплачивался со скота и в большинстве слу-

---

[1] Н. Броневский, указ. соч., «Отеч. записки», 1830, ч. 42, № 120, стр. 88.

[2] Плано-Карпини и В. Рубрук, указ. соч., стр. 24.

[3] Левшин, указ соч., ч. III, стр. 181.

чаев скотом же. Узаконенный кораном, он был обязательным для всех мусульман, обладавших определенным имуществом. Некоторые архивные данные свидетельствуют, что зякет в районе Сыр-Дарьи, в частности, в северо-западной части Хивинского ханства, взимался с казахов рода Шекты, Турткара и Карасакал баранами, а также верблюдами, лошадьми и рабами.

Один из источников натуральных сборов — участие хана в судебных решениях. Это участие было последней инстанцией в судебном разбирательстве, когда неудовлетворенный решением бия истец апеллировал к хану и ждал от него последнего решения. Жалобы, обращенные помимо биев прямо к хану, разбирались им лично или по его приказанию бием из его свиты. Хан брал за решение дела «ханлык», приблизительно $^{1}/_{10}$ часть иска».[1] В материалах обычного права приводится пример, когда «ханлык» равен одному верблюду, в то время как «бийлык» состоял из лошади и халата.[2] Таким образом, повинность в пользу хана за участие в судебном решении уступает взысканию бия, если принять во внимание, какую роль играла лошадь в хозяйстве казахов. Здесь мы имеем то положение биев, которое современниками расценивалось как положение «не ниже хана», несмотря на то, что за ханом в судебном деле было право последнего и окончательного решения. Это один из фактов укрепления социально-экономического положения биев.

К числу натуральных повинностей принадлежали и другие сборы, которые взимались с населения вассальных владений. Ежегодную подать с Ташкента собирали хан Старшего жуза Жолбарс и разделявший власть с ним до 1739 года Толе-бий Алибеков.[3] В источниках имеется указание на то, что отказ осуществить сбор натурой был нередко поводом к столкновениям. Так, например, Абулхаир в 1744 году решил совершить набег на каракалпакские владения после того, как посланный им караван для взятия в подать «харчевого припаса» вернулся ни с чем, причем половина верблюдов оказалась захваченной каракалпаками.[4] С населения среднеазиатских городов (например, с города Туркестана) собирался ясак. Судя по тому, что Абулхаир в своих условиях подданства обещал выплачивать 4000 лисиц и 2000 корсаков и пр., можно думать, что ясак был солидной статьей дохода в бюджете хана, если принять во внимание еще и то, что фактически ясак так и не выплачивался. Не посылая его, хан

---

[1] Гродеков, указ. соч., стр. 181.
[2] Маковецкий, указ. соч., стр. 81.
[3] Левшин, указ. соч., ч. II, стр. 80.
[4] ЦАППК. Прав. Сенат., 1744, д. 118, лл. 61—65 (док. подготовлен к печати М. Вяткиным. — «Материалы по истории Казахской ССР», т. II, стр. 87).

жаловался на недоборы, мотивируя невыполнение этого условия и другими обстоятельствами.

Натуральная рента представляла собой в большинстве случаев оброчную повинность, которая взыскивалась скотом. В числе натуральных сборов Вяткиным отмечены также оброк скотом при отправке ханского сына в аманаты, а также при сватовстве султана (сбор для выплаты калыма).[1]

Участие хана и султанов в доле военной добычи, которая делилась с батырами, было обязательно и в том случае, если они непосредственно не принимали участия в военных походах. Точно так же и «всякую добычу, через баранту приобретенную, — писал Броневский, — участвовавшие и не участвовавшие разделяют поровну».[2]

Таким образом, здесь мы имеем один из устойчивых пережитков общинного распределения доходов, который составляет архаическую основу этой повинности.[3] В условиях, где распределение военной добычи в значительной степени зависело от вождя и военачальника и где развивалось накопление продуктов общественного производства в руках господствующего класса, эта общинная повинность превращается в феодальную.

Значительную часть военной добычи составляли скот и ясырь. Эту добычу получали путем барымты, а также во время военных походов, организаторами которых нередко бывали султаны.

Использовались и другие возможности для накопления скота, о чем свидетельствуют некоторые, более поздние, данные. Старшины, жалуясь императрице на насилия хана Нуралы, писали: «Когда ис киргизцев кто, злодействуя, ис под российских селений отгонит скот, тот скот хан отбирает и себе употребляет..., причем не только скот, но и самих хозяев ловить приказывает. Ежели из народа нашего российскими кто-либо за каку вину захвачен, да после из милости отпущен будет, с тех он, хан, по 20 кобыл... цену берет, как-то: Байбактинского рода с 2-х братьев Итеш мурзы 40 кобыл взял, якобы, за освобождение от российских. Черкесского роду... взял 50 кобыл, Тазларского роду от брата Хусейн-бия 200 баранов, 2 верблюда, да 3 лошади взял».[4]

---

[1] М. Вяткин. Казахское общество в середине XVIII века. Известия КазФАН, 1940, вып. I, стр. 6.

[2] Броневский, указ. соч. «Отеч. записки», 1830, ч. 42, стр. 91, 93.

[3] Показательной в этом отношении является «саута»—подарок, просимый у возвращающихся из военного похода. В ответ на просьбу: «Эй, богатыри, дайте саута!» вернувшиеся должны отдать некоторую долю своей добычи — лошадь, овцу или какую-нибудь вещь. (Гродеков, указ. соч., стр. 124).

[4] Представление собрания старшин имп. Екатерине II от 1785 года не позднее окт. 31. «Материалы по истории Казахской ССР», т. IV. М.—Л. 1940, док. № 9, I, стр. 63.

К таким чрезвычайным сборам другие ханы обычно не прибегали, так как это было не только нарушением патриархального обычая, согласно которому хан должен был делиться своими доходами с родовой знатью, но и явным злоупотреблением в отношении тех, которым привычнее было не платить, а взыскивать в свою пользу. Поэтому старшины не только жаловались на «обиды» Нуралы, но и потребовали устранения его от ханства.

Но эти поборы являются показателями для той заинтересованности в накоплении скота, которая, в условиях развития частной собственности, была одним из стимулов для внедрения системы натуральных сборов.

Значительную часть их составляли добровольные подарки. «Доходов определенных, собираемых с народа ни ханы, ни салтаны не получают, — писал Рычков, — содержат себя больше от своей собственной экономии добровольными подарками и добычей на войне». О том же писал Тевкелев: «А от кочевных киргис-кайсаков ханом збору никакова не збираетца..., разве мало кто, что с воли дает».[1] Однако указания Рычкова и Тевкелева не соответствуют реальному положению вещей, так как в конце XVII века ханом Тауке была введена обязательная подать в размере $^1/_{20}$ части со всего имущества.[2]

Обязательными были натуральные сборы — зякет и ушр. Но вместе с тем указание Рычкова подчеркивает значение добровольных подарков, которые, превращаясь в обязательные дарения скотом или вещами, являлись, по существу, одной из форм натуральной ренты, выступающей лишь под оболочкой патриархального обычая. Это характеризуется, например, принудительным характером того гостеприимства, которое сопряжено с обязанностью подвластного населения содержать хана и султанов во время их разъездов по степи, и ролью тюленгутов как принудительного аппарата в осуществлении натуральных сборов. Броневский писал, что право султанов «брать в виде дани у беззащитных киргизцев лошадей и вещи, какие им понравятся, посредством тюленгутов, часто превращается в грабеж», и что султанов «кормить должно поневоле».[3]

Журнал Тевкелева достаточно ярко показывает, как заинтересованы были в царских подарках не только представители родовой знати, но и султаны, а также сам хан. Список подарков и жалованье хану Абулхаиру, другим ханам и старшинам свидетельствуют о том, что с принятием российского

---

[1] «Журнал» Тевкелева, л. 47.
[2] Броневский, указ. соч. «Отеч. записки», 1830, ч. 41, № 120, стр. 88.
[3] «Журнал» Тевкелева, л. 50.

подданства появился еще один источник доходов в бюджете феодальной верхушки».[1] «Добровольные подарки» нередко становились обязательными в той системе дарения, где принудительным стимулом были патриархальный обычай и выпрашивание подарков. Последнее нередко превращалось в упорные требования.

Наличие обязательных сборов и попытки Тауке ввести податное обложение свидетельствуют о том, как внедрялись начала государственности в феодальной экономике Казахстана первой половины XVIII века.

Натуральные сборы (рента продуктами) преобладали в повинностях, которые взыскивались в пользу хана и султанов. Материальной базой для таких сборов была система натурального кочевого скотоводческого хозяйства.

Взыскание различных повинностей обеспечивалось реальной властью хана и султанов и их военной дружиной — тюленгутами — принудительным аппаратом этой власти. Это утверждалось и нормами обычного права.

Наиболее ярко выступает процесс превращения общинных повинностей в феодальные в системе взысканий, связанной с биями.

В социальной терминологии русских источников представители родовой знати обычно именуются старшинами, причем слово «старшина» является нередко обобщенным названием аксакалов, биев, батыров, мурз и тарханов. В других случаях этот термин, будучи равнозначен термину «старейшина», служит только для обозначения аксакалов.

Бий и бек — два однозначных термина, которые имеют место в социальной терминологии не только казахского общества.

Беками в Бухаре и Хиве назывались высшие административные чиновники и правители областей. Беки как представители родоплеменной знати входили в состав общества в Тюркском Каганате VI века. И. Березин отмечает беков в ряду крупных золотоордынских феодалов, которые получали тарханные ярлыки.[2]

В архивных материалах и других источниках представители родовой знати нередко называются батырами.

В исторической литературе делались попытки дать объяснение этого термина. Но эти указания в большинстве случаев не раскрывают его социального содержания. «Отличающиеся проворством и удальством, — пишет Левшин, — почитаются

---

[1] ЦГАДА. «Киргиз-кайсацкие дела». 1733, д. 3, лл. 57—58. (В 1731 году при отправлении в Младший жуз с Тевкелевым было послано хану Абулхаиру подарков на 500 рублей и другим ханам на 500 рублей).

[2] И. Березин. Очерки внутреннего устройства улуса Джучиева. «Тр. восточ. отд. имп. Археолог. об-ва», ч. VIII. СПб. 1864, стр. 433—435.

храбрыми и, получая название батырей или богатырей, прославляются во всех ордах».[1]

Отмечая двойственность в употреблении этого термина, Вяткин считает батыров представителями военной знати и указывает на то, что такое социальное содержание термин «батыр» получил еще в XVI веке.[2]

Принимая во внимание, что батырами могли быть герои, люди отваги и доблести как из «простого народа», так и представители родовой знати, все же необходимо отметить, что в процессе развития казахского общества изменились и социально-экономическое положение и политическая роль их. Если происхождение батырства связано с периодом патриархально-родового строя, где батыры выступали как вожди рода, то в процессе феодализации казахского общества, усиливающегося в первой половине XVIII века, более определенно оформилась роль их в процессе материального производства как крупных представителей патриархально-феодальной знати.

Архивные документы нередко называют их людьми «доброго состояния», причем у некоторых из них, как, например, у батыра Есета, было больше скота, чем у хана Нуралы. Имеются краткие указания, что такие батыры, как Букенбай, имели «служителей», т. е. личную дружину и располагали крупным войском, состоявшим из родового ополчения. Кроме того, в окружении батыров были, так называемые, джигиты, которые участвовали вместе с ними в барымтах.

С накоплением скота в руках биев и батыров вырастает и социально-экономическое положение их как феодалов. Вместе с тем они не порывают связей с родом, являясь нередко представителями и управителями крупных родов.

В первой половине XVIII века сильно вырос авторитет батырства, окрепли традиции его. Выступая в качестве военачальников в крупных походах против джунгар в 20-годах и в собраниях 30-х годов наряду с биями, батыры значительно усилили свою политическую роль.

«Батыр» являлось нередко почетным званием, когда его получали за военные подвиги. В некоторых случаях оно присваивалось и представителями наследственной титулованной аристократии — «белой кости». Звание батыра имеет в своем титуле Абулхаир — «Абулхаир-багадур-хан». Но это не исключает того, что отважные выходцы из «простого народа» также носили звание батыров.

Однако политическая роль в первой половине XVIII века принадлежала тем представителям родовой знати, которые сумели занять господствующее положение в процессе мате-

---

[1] Левшин, указ. соч., ч. III, стр. 86.
[2] М. Вяткин. Очерки по истории Казахской ССР. Л. 1941, стр. 109.

риального производства и для которых звание батыра сделалось наследственным. Усилению роли их способствовали как военные успехи, одержанные в борьбе с Джунгарией, так и рост социально-экономического положения их в общем процессе феодализации.

В наших архивных материалах многие знатные бии называются и батырами (Букенбай, Есет, Джаныбек и другие). К сожалению, мы не имеем указаний на то, как они получили это звание. Повидимому, оно завоевано в военных походах против Джунгарии. О батырстве Букенбая имеются указания в «Журнале» Тевкелева. Сам Букенбай говорит Тевкелеву, что «при всяких военных случаях, в первых огнях и выездах бывает он, Букенбай».[1]

Как военачальники крупных отрядов батыры участвовали в больших походах Абулхаира на волжских калмыков в 30-х годах.

Батыры нередко являлись организаторами барымты и вместе со своими джигитами совершали отгон скота и захват ясыря. «Баранта почитается удальством, — писал Броневский. — Отличающиеся удачными набегами, прославляются как богатыри в песнях народных».[2] Это были широко распространенные феодальные набеги, являющиеся одним из источников обогащения, особенно тех, кто стоял во главе их.

Батыры первой половины XVIII века играют крупную роль не только в военных походах. Они выступают в качестве послов, выполняя различные дипломатические поручения; активно участвуют в собраниях старшин. Составляя сплоченную группу в обстановке феодальной борьбы 30-х годов, батыры, возглавляемые Букенбаем, сыграли крупную роль в принятии казахами российского подданства.

Термин «аксакал»[3] в архивных материалах XVIII века встречается довольно редко. Термины «старшина», «старейшина» в русских источниках являются нередко равнозначащими аксакалу.

Аксакалом обычно называли старца, который, как старейший в роде, пользовался особым уважением и авторитетом. Авторитет аксакала был обусловлен его возрастом и связями с крупными родами. Не случаен тот факт, что аксакалы не утратили своего значения в казахском обществе первой половины XVIII века.

Источники говорят об участии аксакалов в так называемом третейском суде, представлявшем собой наиболее древнюю форму суда у казахов. Для решения дел третейским судом аксакала выбирали каждый раз по мере надобности

---

[1] «Журнал» Тевкелева, л. 54.
[2] Броневский, указ. соч., «Отеч. зап.», 1830, ч. 43, № 123, стр. 84.
[3] «Аксакал» буквально — белая борода.

истец и ответчик.[1] Отмечая отсутствие письменного судопроизводства у казахов, Тевкелев писал: «Ежели что и случится, то третейским судом на словах по натуральным правам разводятся, и в тот третейский суд выбирают из обеих сторон, кого пожелают».[2]

Аксакалы участвовали также в разделе имущества (инчи), в наказании детей, нанесших оскорбление родителям, причем в таких случаях они применяли телесные наказания. Аксакалы выступали иногда и в роли опекунов осиротевших детей и в качестве свидетелей при их усыновлении. Наряду с биями, аксакалы широко использовали родовую помощь и другие формы патронатных отношений.[3]

Аксакалы были нередко вожаками аулов во время перекочевок. В спорах, возникавших по поводу новой заимки, обычай был на стороне аксакала. Характерно, что с развитием феодальных отношений аксакалами называли и феодалов «черной кости», управлявших родом или отделением.

Таким образом, аксакалы в казахском обществе первой половины XVIII века выступают в ряду патриархально-феодальной знати.

Наряду с биями и батырами, они играют крупную роль и в собраниях старшин 20—30-х годов. В социальной терминологии источников встречаются также мурзы и тарханы.

Известно, что некоторые мурзы (например, мурза Кильдей) играли довольно крупную роль в улусах Тауке. В ряду ближайших помощников Абулхаира в 30-х годах XVIII века был влиятельный мурза Худай-Назар.

Повидимому, звание мурзы было воспринято от тех татарских элементов, которые, войдя в казахское общество, укрепились в нем. Широко распространенное в Ногайской орде, это название проникло в казахское общество, очевидно, с тех пор, как западные общины Казахстана были связаны с Ногайским улусом, племена которого были одним из компонентов казахского народа.

Следует также заметить, что в переводах русских документов, которые делались татарскими муллами, более известным словом «мурза» заменяли термин «бий».

Звание тархана присваивалось некоторым знатным биям после принятия ими российского подданства.[4] Оно укрепляло

---

[1] Гродеков, указ. соч., стр. 177 (прим.).

[2] «Книга Азиатского департамента», № 21. «Красный Архив», 1938, № 2 (87), стр. 154.

[3] См. ниже в этой главе — об участии аксакалов в различных спорах («юртчилик» и пр.).

[4] «Тарханство» у всех степных народов, — писал Н. Рычков, — есть некая степень княжества. В народе, ежели не превосходят, то верно не уступают они силе ханской». («Дневные записки пушествия в Киргиз-кайсацкой степи в 1771 году». СПб. 1772, стр. 18—19.

политическое положение биев как представителей феодальной верхушки.

Тарханы являлись опорой царского правительства в связях с ханом, султанами и биями. Оно в известной мере расширяло возможности укрепления их социально-экономического положения, поскольку царское правительство разрешало тарханам торг на русских рынках, которого они усиленно добивались.

Но происхождение этого термина, очевидно, связано с глубокой древностью. Тарханы, как представители знати, встречаются в социальной терминологии Тюркского Каганата VI века.

Тарханство было широко распространено в обществе Золотой орды, где тарханом назывался представитель феодальной верхушки, свободный от всяких повинностей.

Преемственность тарханства имела место и в казахском обществе XVIII века, где оно получило значение, главным образом, как почетное звание, которое давалось и некоторым представителям патриархально-феодальной знати. Звание тархана было наследственным. (Сыновья тарханов назывались также тарханами.[1])

Дальнейшее развитие тарханства идет по линии усиления политической роли отдельных его представителей, в связи с расширением их административных функций (например, в Букеевской орде).

Мы пытались показать социально-экономическое положение верхушки казахского общества — ханов и султанов.

Некоторые указания источников дают возможность составить представление и о том, какое место занимали бии в казахском обществе и чем определялась политическая роль их.

«Чем больше кто из них имеет своего роду, тем больше его могущество, — говорит Н. Рычков. — Если есть нужда склонить к чему-нибудь киргисцов, то надлежит к тому согласить не столько самого хана, сколько начальников многолюдных семей».[2]

Это положение отмечено и казахской пословицей: «Когда кочерга длинна, руки не жгутся, когда твоих родичей много, люди не тронут тебя».

Авторитет бия как судьи определялся его принадлежностью (по происхождению) к старшему и сильному роду, что отмечено А. Добромысловым: «Чем бий был богаче и принадлежал по происхождению к старшему и более сильному

---

[1] И. Крафт. Султаны, тарханы и бии. В кн.: Из киргизской старины. Оренбург. 1900, стр. 80—82.

[2] Н. Рычков. Дневные записки путешествия в Киргиз-кайсацкой степи в 1771 году. СПб. 1772. стр. 23—24.

роду, тем он пользовался лучшей репутацией».[1] Связи с многочисленным родом, богатство, старшинство возраста и «какие-нибудь чрезвычайные подвиги в общенародных делах или войне» были теми условиями, которые определяли выборы биев».[2] Во всех этих случаях звание бия было почетным. «Кто в каком роде старее и богатее, того и почитают», — писал П .Рычков.[3] Общественное признание бия обеспечивалось также его личными качествами, опытом, способностью вникать в разбирательство различных спорных дел. «Несправедливый хан потеряет свое положение, несправедливый бий — свою веру» (казахская пословица).

Народная мудрость, высоко оценившая звание бия, требовала от него и других качеств: «Кто не знает своей собственной страны, тот не будет бием в своем народе».

Одним из существенных моментов в положении биев является отмеченная источниками связь их с родом, который называется сильным или знатным, многочисленным семейством.

Здесь возникает вопрос, что представлял собою так называемый сильный род, чем определялись его знатность и политическое превосходство.

Сильным родом, по Гродекову и Левшину, является род: 1) богатый, 2) многочисленный, 3) знатный, т. е. отмеченный военными подвигами предков, передающий звание бия по наследству.

Будучи прочно связаны с родом, являясь по существу родовой знатью, бии заняли особое положение в процессе материального производства и по отношению к подвластному населению в системе феодальных отношений, которые переплетались с отношениями патриархально-родовыми.

Подобно султанам, бии могли распоряжаться районами кочевий в пределах подвластных им общин. В условиях аульного кочевания разрешение вопросов, связанных с перекочевками, в значительной степени зависело от вожака аула. Пользуясь привилегиями старшего в роде, он мог указать место остановки во время перекочевки, отметив новую заимку определенным знаком.[4] Эта заимка закреплялась в первую очередь за тем аулом, вожаком которого был известный в целом роде аксакал. Бий выигрывал в таких спорах, когда претендентом на его заимку оказывался вожак-простолюдин. Спор разрешался в пользу последнего в том случае, если заимку его аула хотел присвоить такой же простолюдин, как и он, при условии, что он старше был этого вожака по возрасту.

---

[1] А. Добросмыслов. Суд у киргиз Тургайской области в XVIII и XIX веках. Казань. 1904, стр. 24.

[2] Левшин, указ. соч., ч. III, стр. 167—168.

[3] П. Рычков. История Оренбургская. Оренбург. 1896. стр. 72.

[4] Знаком, отмечающим заимку при перекочевках, была вычерченная на земле тамга.

«При равновесии спорящих сторон, — говорится в обычном праве, — принимается в соображение старшинство рода или отделения».

В спорах по поводу новой заимки участвовали и богачи аула, которые посылали своих разведчиков. Роль этих разведчиков была значительнее роли бия.[1] Если прикочевавший отказывался удалиться, его подвергали побоям, на которые он не мог жаловаться бию. В обычном праве также отмечено, что самое «отправление в путь не определяется властями. Хозяин каждой кибитки волен тронуться и остановиться, когда хочет».[2]

Выбор удобных стоянок имел существенное значение для кочевника, ведущего экстенсивное хозяйство. То обстоятельство, что выбрать заимку при перекочевках мог в качестве вожака аула не только бий, но и свободный казах-общинник, говорит о том, что на земле, фактически не занятой, имели право кочевать и пасти свой скот все казахи. Но то же обычное право отражает и другой тип отношений. В спорах бия и простолюдина по поводу захвата одной и той же заимки выигрывает первый.[3] Бию принадлежало право разрешать все спорные вопросы в пользовании угодьями. Разрешение этих споров в пользу знатных родов определяло классовую роль бия в этих вопросах и ставило его в один ряд с теми, кому принадлежало право распоряжения кочевьями, присвоение которого было своеобразной формой узурпации общинных земель.

Обычное право говорит и о широких полномочиях биев в судебных решениях по поводу различных межродовых споров из-за пастбищ, в разрешении которых бии далеко не всегда могли руководствоваться ханскими ярлыками, так как этих ярлыков сплошь и рядом не было и предстояло разрешить спор из-за пастбищ без них. В таком случае решения определялись бием и реальной силой тех родов, которые претендовали на лучшие пастбища.

Положение бия как родоправителя ставило его в особые условия и в отношении широких масс казахов-общинников.

---

[1] Богачами, которые посылали своих разведчиков для заимки пастбища, были, повидимому, баи, социально-экономическое положение которых определяется в процессе углубления имущественной и классовой дифференциации казахского общества. Однако, термин «бай» в источниках, характеризующих социальные категории казахского общества первой половины XVIII в., встречается очень редко. В источниках нередко говорится о «свободных казахах». Так Броневский называет баев, социально-экономическое положение которых давало им возможность сознавать себя независимым от феодалов. «Тесный круг прихотливости, — по словам Броневского, — ограничивающийся желанием умножить свои стада, держит их в самодовольстве». («Отеч. зап., 1830, ч. 42, № 120, стр. 170).

[2] Гродеков, указ. соч., стр. 110.

[3] Там же, стр. 111.

Оно расширяло его возможности в выборе удобных пастбищ и под собственные стада. Эти возможности представлялись, главным образом, во время перекочевок, при переходах на зимние стоянки и ограничивались они лишь тем обстоятельством, что обычным правом разрешались новые заимки при перекочевках и казахам-общинникам. Эти факты говорят о глубоких корнях общинного землепользования, в рамках которого и происходило использование родовой знатью общинных земель.

В связи с этим встает вопрос о пользовани водопоями, которые являются очень важным условием в экстенсивном хозяйстве скотовода-кочевника. В обычном праве указывается, что сделавший арык и оросивший им известное пространство земли получает право на пользование этой землей. При этом обыкновенно арык назывался его именем. Мелкие колодцы («тайнз») обычно сооружались коллективным трудом общины. Пользование этими колодцами закреплялось за тем родом, который вырыл их «с закланием животного». Если на эти колодцы заявлял свои претензии другой род, спор разрешался в пользу первого, который мотивировал свое право таким образом: «Тут потрачен труд наших дедов».[1] Но кроме этих мелких колодцев сооружались и крупные (щинрау) до 60 метров в глубину, рассчитанные на то, чтобы напоить не менее 2000 голов скота. Эти глубокие колодцы обычно делались на средства биев и считались их собственностью, что еще более расширяло их возможности в пользовани пастбищами и закрепляло за ними пастбища наиболее удобные, обеспеченные водой.

Таким образом, представители родовой знати располагали основными условиями производства: 1) пастбищами, которыми они могли распоряжаться в границах тех владений, на которые распространялась политическая власть их, как управителей родов, 2) глубокими колодцами, которые были собственностью тех, которые сооружали их на свои средства трудом рабов. Это были существенные условия экстенсивного скотоводческого хозяйства, от которых зависел не только количественный рост стада, но и состав его.

Кроме того, в руках родовой знати было главное средство производства. Бии и батыры были крупными владельцами скота.

В материалах Тевкелева указывается, что знатные батыры Букенбай, Есет и Джаныбек — «люди доброго состояния». Неоднократно говорится о том, что их считали не ниже хана. Повидимому, в этой оценке современников имели значение не только авторитет батыров как управителей знатных родов, но также и экономическое положение их. Некоторые

---

[1] Гродеков, указ, соч., стр. 104.

ханы, считавшиеся самыми крупными скотовладельцами, уступали в этом отношении тем, которые имели табуны лошадей в 10 000 голов.

Так, один из крупных владельцев скота хан Нуралы имел всего 1 000 лошадей, 4 000 овец, 400 голов рогатого скота и 200 верблюдов.[1]

Одно из указаний Маркса в отношении кочевых скотоводческих народов говорит о тесной связи владения скотом с отношениеми к земле. «У пастушеских народов, — пишет Маркс, — собственность на естественные продукты земли — на овец, например, — это одновременно и собственность на луга, по которым они передвигаются».[2]

Однако отношения родовой знати к земле (условия производства) и ее отношения к средствам производства (владение скотом) еще не определяют полностью ее господствующего положения. Очень важно было обеспечить сохранение скота от падежа, широко распространенного конокрадства и барымты. Отсюда вытекали отношения родовой знати к широкой массе казахов-общинников и те различные формы эксплоатации, которые наиболее ярко определяли положение ее в феодальной экономике.

Мы рассмотрим основные и наиболее распространенные формы эксплоатации, к которым прибегали родовичи в отношении «карачи».

Следует, прежде всего, отметить широкое использование родовой помощи.

«Киргизы, имеющие сильных родовичей, — отмечается в материалах обычного права, — живут зажиточнее, потому что в трудные минуты богатые помогают своим бедным родовичам и зачастую платят за них подати, а бедные, в свою очередь, оплачивают это своим трудом». Здесь мы имеем указание на один из существенных моментов, сопровождающих родовую помощь. В данном случае говорится об обязанности бедняка оплачивать своим трудом оказанную ему помощь со стороны богатого родственника. Это — отработки, выступающие здесь под оболочкой родовой помощи. Но здесь не ясно, в чем заключается отработка бедняка в отношении родовича.

Наиболее ярким выражением таких отношений является «саун». Имеются сведения о том, что лошади, коровы и овцы, отданные на выпас, «через год, два и более взыски-

[1] Георги, указ. соч., ч. 2, стр. 126—135. Этот факт показателен и с другой точки зрения. Право распоряжения кочевьями, принадлежащее Нуралы, как хану, еще не создало ему преимущественного положения во владении скотом, несмотря на то, что хан мог, согласно обычаю, пользоваться этим правом шире, чем бии.

[2] К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. «Пролетарская революция», 1939, № 3, стр. 165.

ваются по добровольной отдаче с приплодом».[1] У Георги отмечено, когда и каким образом компенсируется эта помощь. В том случае, когда крупный скотовладелец лишался значительного количества скота по причине падежа или расхищения, несостоятельный скотовод обязан был вернуть этому скотовладельцу данный ему на выпас скот. При этом он должен был возвратить его с приплодом, даже в том случае, если бы пришлось остаться самому с небольшим количеством скота. «И потому богатый человек, — пишет Георги, — делает посредством таковых благотворений табуны свои как-будто вечными».[2]

Богатый скотовладелец, прибегая к родовой помощи, рассчитывал обеспечить пастьбу своих многочисленных стад, преследуя цель накопления их. Традиционная родовая помощь маломощным семьям по существу являлась той формой эксплоатации, в условиях которой развивались отношения, близкие к отношениям отработанной ренты. Последние имели широкое распространение в системе феодальных отношений казахского общества XVIII века.

Феодальные отношения выступали здесь в том, что оказанную помощь должен был отрабатывать производитель, условно владевший скотом, который был собственностью родовича, причем обязательство работать на родовича, оказавшего помощь, было тем внеэкономическим принуждением, которым было обусловлено присвоение прибавочного продукта в условиях замкнутого натурального хозяйства.

Классовый смысл «сауна» заключался в том, что он давал возможность богатому скотовладельцу держать в экономической зависимости всех менее состоятельных членов рода, которые обязаны были охранять его стада и от посягательства других родов (например, в случаях барымты).

О большой потребности скотовладельца в рабочей силе для пастьбы скота свидетельствуют также широко распространенные случаи воспитания в богатых аулах сирот и бедных родственников, опека и попечительство над детьми джатаков (бедняков) и другие моменты, характерные для патронатных отношений.

В материалах обычного права имеются указания на то, что крупные скотовладельцы, ведение хозяйства которых (пастьба скота и домашние работы) могло быть обеспечено лишь при наличии большого количества рабочих рук, широко использовали в качестве рабочей силы взятых на воспитание сирот и бедных родственников. Последние под покровительством этих родовичей жили в их аулах и работали на них.

[1] Д. Самоквасов. Сборник обычного права сибирских инородцев. Варшава. 1876, стр. 275.
[2] Георги, указ. соч., стр. 131.

По достижении зрелого возраста девушку выдавали замуж, причем опекун получал за нее калым, который при отсутствии брата невесты оставлял себе. Молодого парня обычно опекун оставлял у себя в работниках. Опека и попечительство широко практиковались и в отношении джатаков, которые, получив покровительство родовича, использовались им как рабочая сила.

Таким образом, в данном случае мы имеем отношения, близкие к рассмотренным выше, которые, кроме того, представляют собою некоторые скрытые формы батрачества, заключающиеся в использовании труда опекаемых сирот и бедных родственников.

Повидимому, патриархальное рабство не удовлетворяло целиком потребностей в рабочей силе, и при широком использовании рабов в качестве пастухов требовалось еще большее количество людей, которые должны были обеспечить сохранность стад и выполнять различные домашние работы родовича. Получившие его опеку и покровительство и ставшие непосредственными производителями в его аулах, они не имели собственных средств производства, так как скот являлся собственностью хозяина-родовича.

За труд свой такие пастухи получали одежду и пищу и жили в аулах своего покровителя.

К сожалению, мы не имеем указаний по вопросу каково было положение работников из числа бедных родственников и сирот, которые намерены были обзавестись своей семьей. Судя по тому, что рабы (кулы) получали некоторое количество скота, можно думать, что это положение еще в большей степени распространялось на работников из числа бедных родственников, поскольку здесь имели значение и родственные связи.

В источниках имеются лишь отдельные указания по вопросу о том, каковы были отношения личной зависимости таких работников со своим покровителем. Парень, воспитанный опекуном, обычно остается в работниках у опекуна, но это для него не обязательно, и он может уйти в другое место, если ему не нравится пребывание у опекуна.[1] Но свобода ухода от богатого родовича была скована в значительной степени патриархальным обычаем, создававшим трудное положение для всех тех, которые не имели богатых родственников и влиятельных покровителей. Этот обычай играл здесь роль внеэкономического принуждения, которым до известной степени определялись отношения личной зависимости бедного родственника к богатому родовичу. Обычай, например, закрепил такое положение: «Джатаки, которые приобретают опеку и покровительство какого-либо влиятельного родовича, при-

[1] Маковецкий, указ. соч., стр. 35.

соединяются к его роду и с этого момента становятся родовичами».[1]

Так пережитки патриархального права закрепляли господствующее положение родовой знати. Однако некоторые нормы обычного права говорят о том, что это право оберегало в известных случаях и пастухов, не сумевших уберечь скот. Так, например, если овца пропала ночью, с пастуха ничего не взыскивалось; считали, что «пастух не виноват, потому что ночью спит».[2]

Лишившийся своего скота во время гололедицы или падежа мог потребовать помощи от богатого скотовладельца. В одном из сообщений биев В. Вышнегорскому говорится: «Требуя поддержки, бедный говорит богатому: Дай мне траву твоего скота (Малынгнынг шубин бер маган), т. е. вознагради меня за мое общее с тобой право на ту траву, на которой пасется твой скот».[3] Таким образом напоминается богатому скотовладельцу об общинном праве пользования пастбищами, которое дает основание обедневшему скотоводу требовать помощи у того, кто узурпировал это право. Но фактически родовая помощь заключалась в том, что она была обязательной лишь в отношении богатого скотовладельца.

Здесь вступали в силу те же нормы обычного права, которые, охраняя общинное пользование пастбищами и общинное владение скотом, сталкивались с новыми явлениями феодальной экономики, оберегающей господствующее положение крупных скотовладельцев.

Общинные традиции выступают и в «юртчилике». Так назывался сбор, организуемый аксакалами также в пользу обедневших скотоводов. Момент принуждения имеется и здесь. Участие в помощи становится обязательным на том основании, что «при отцах и дедах были случаи взаимного юртчилика».[4] Указание на то, что «юртчилик» выходит из обычая, говорит об архаичности его в тех условиях, где в различных общественных предприятиях главная роль принадлежит уже не аксакалу, а бию. Указание на «взаимность юртчилика» свидетельствует о том, что и здесь мы имеем дело с отработкой, которая обязательна постольку, поскольку неприемлем отказ от участия в помощи, а также в силу той патриархальной традиции, которой закреплена «взаимность юртчилика».

В других случаях удавалось организовать общественную помощь для выполнения различных работ (например, при уст-

---

[1] В источниках имеются указания и на усыновление рабов (кулов).
[2] Гродеков, указ. соч., стр. 119.
[3] Там же, стр. 116.
[4] По сведениям бия Торгая, кроме «юртчилика», существовал «джилу» — общественный сбор, который представлял собой добровольные пожертвования родственников и друзей в пользу потерпевших от пожара, голода и пр. (Гродеков, указ. соч., стр. 116).

ройстве глубоких колодцев) и крупному родовичу, разорившемуся при уплате куна по ложному иску и пр., причем успех этого предприятия в значительной степени был обусловлен участием в организации такой помощи других влиятельных родовичей.

Таким образом, отношения между родовой знатью и трудящимися казахами — «караши» проявлялись в форме докапиталистической отработочной ренты, выступающей под видом родовой взаимопомощи, а также под видом опеки и попечительства над бедными родственниками и сиротами в патронатных отношениях, замаскированных пережитками патриархально-родового быта.

Одним из средств обогащения родовой знати был так называемый кун (штраф), который взыскивался скотом или вещами за совершенное убийство или увечье. Кун платил или сам виновник преступления или его род, несший ответственность за вину своего сородича.[1] Значительная доля взысканного куна шла в пользу бия, который выступал в суде биев как доверенное лицо от рода убитого и, кроме того, ему полагалась 1/10 часть иска (бийлык).[2]

Бии оказывались в выгодном положении по ряду причин. В уплате куна должны были участвовать все сородичи того, кто совершил преступление, независимо от их состоятельности, не исключая и бедняков, причем он раскладывался равными долями на всех. Плата за увечье, которое считалось «за половину убийства», распространялась по обычному праву и на хана. «Сам Нуралы-хан, — пишет Н. Рычков, — принужден был, повинуясь установленному праву, платить за увечье одного киргисца», причем, когда Нуралы пытался протестовать против этого, то «народ; — по словам Рычкова, — принудил его платить половину установленного за убийство по праву куна».[3] Султан Барак должен был нести ответственность перед биями за убийство хана Абулхаира. Кун был тяжелым бременем для тех, с кого он взыскивался, и прежде всего, для бедняков. Были случаи, когда отец вынужден был продавать свою дочь, чтобы выплатить кун. В расчете на уплату долга с помощью богатого сородича, несостоятельный должник шел к нему в услужение.

Большое количество всякого рода убийств в условиях межродовых столкновений во время широко практикуемой ба-

---

[1] Н. Рычков. Дневные записки путешествия в Киргиз-кайсацкой степи в 1771 году. СПб. 1772, стр. 24.

[2] Гродеков, указ. соч., стр. 177.

[3] Н. Рычков. Дневные записки путешествия в Киргиз-кайсацкой степи в 1771 году. СПб. 1772, стр. 24—25. (Увечье было нанесено служителями хана казаху, избившему свою жену, которая скрылась от побоев мужа в кибитке жены хана).

рымты и пр. расширяло судебную практику биев и значительно увеличивало их доходы.

«Кто боится барымты, тот не будет скотоводом», так казахская пословица отметила еще один путь обогащения ее организаторов. С этой целью производилась барымта (набег с отгоном скота), когда она уже утрачивала свой первоначальный смысл набега на аул ответчика, который совершался по приговору суда биев или старейшин и в том случае, когда виновный решительно отказывался удовлетворить требование истца».[1] Для барымты требовались особые условия: 1) в путь отправлялись днем, 2) открыто объявляли этот набег барымтой с целью удовлетворения за какой-нибудь ущерб: воровство, убийство, похищение невесты и пр.[2] Этими условиями обычное право отличает барымту от широко распространенного так называемого «недозволенного похищения», которое карается, как воровство скота.[3] Кроме того, в архаической барымте ярко выступает такой момент, как участие влиятельных сородичей в ее организации. В материалах Тевкелева имеется следующее указание: «Ежели кто кого обидел, а добровольно разделаться не хочет, тогда за обидимого его род весь вступится, и станут брать баранту. А ежели кто обижен, и его род смелее и больше, баранту берут от того, кто обидел, и тою силою привлекают скорее к прекращению ту ссору».[4] Участие сородичей в барымте было обязательным, если потерпевший, один из членов сильного рода, пользовался авторитетом среди своих сородичей. И здесь пережитки патриархально-родового быта проявлялись в ответственности рода за произведенную барымту. Возникая по разным поводам, барымта являлась обычной формой решения межродовых споров в период усиления межродовой вражды.

В условиях феодальных отношений, в связи с ростом потребностей феодальной верхушки расширить и укрепить свою материальную базу, вступают в силу и другие цели

---

[1] Левшин, указ. соч., ч. III, стр. 85.

[2] Гродеков, указ. соч., стр. 170—171. Истец имел право с разрешения старейшины произвести барымту вместе со своими сородичами. Но по возвращении из аула ответчика он обязан был сообщить аксакалу или бию о количестве захваченного скота, которое не должно было превышать им утраченного. Отсюда и взыскания за неправильно совершенную барымту. Совершивший ее обязан был весь излишек отогнанного скота вернуть тем, кто заявит на этот скот свои претензии. (Броневский, указ. соч., «Отеч. записки», 1830, ч. 43, № 124, стр. 275).

[3] За одну краденую лошадь, по сведениям Н. Рычкова, платится 27 лошадей или 27 баранов, в то время как одна, захваченная во время барымты лошадь, возмещается одной же лошадью. (Н. Рычков. Дневные записки путешествия в Киргиз-кайсацкой степи в 1771 году. СПб. 1772, стр. 25).

[4] «Книга Азиатского Департамента». № 21, лл. 149—150. «Красный архив», 1938, № 2 (87), стр. 154.

барымты. Производились набеги, сопровождавшиеся не только отгоном скота, но и захватом большого количества ясыря. Направленная на соседние владения, где можно было рассчитывать получить богатую добычу или разрешить таким способом и межплеменные взаимоотношения, барымта становится крупным предприятием и носит характер межплеменных феодальных войн. Таковы набеги на улусы калмыцких тайшей в 30—40-х годах XVIII века. Они совершаются вооруженными партиями под предводительством султанов и батыров. В источниках отмечена крупная роль батыров, как предводителей партий барымтачей. Предводительство батыра в барымте рассматривалось как служение правому делу, и в этой роли батыр пользовался уважением и почетом, особенно, если он проявлял расторопность и отвагу, необходимые в рискованных набегах.[1] В источниках имеются такие указания: «Весьма многие почетные и богатые киргизы, содержащие джигитов для защиты своих стад от барымтачей, посылают этих джигитов самих на барымту, увеличивая этим способом свое состояние».[2] Джигиты — наиболее опытные барымтачи, о которых рассказывается, что они «сбрасывают пикой с лошади десятки наездников, не причинив им ни малейшей царапины». Участие таких барымтачей в набегах, успех их, общественное признание почетной роли их, а вместе с тем и развивающаяся потребность легкой наживы, связанной с риском, превратили в конечном счете барымту в то ремесло, которое нередко обращало целые аулы в байгушей.

Однако, вышеуказанные источники обогащения далеко не исчерпывали всех возможностей увеличения доходов для представителей родовой знати. Здесь мы имеем в виду, прежде всего, широкую компетенцию биев в делах судебных.

В материалах обычного права имеются указания на то, что право суда с древнейших времен в казахском обществе принадлежало биям, султанам и ханам, т. е. тем, которые были облечены властью в делах управления.[3]

Бии разрешали многочисленные споры, возникавшие по поводу пользования пастбищами и водопоями, дела уголовные, имущественные и семейные. Среди уголовных преступ-

---

[1] «Сие злодеяние, — писал Н. Рычков, — не только не делает между ими порока, но еще почитается за знаки совершенной храбрости и проворства». («Дневные записки путешествия в Киргиз-кайсацкой степи в 1771 году». СПб. 1772, стр. 26).

[2] Маковецкий, указ. со., стр. 68—73.

[3] Согласно законам Тауке «разбирать ссоры и произносить приговор над виновными должен, если не сам хан, то правители или старейшины тех аулов, к которым принадлежат истец и ответчик, приглашая к разбирательству еще и избранных обеими сторонами двух посредников». (Левшин, указ. соч., ч. III, стр. 175).

лений в компетенции биев были, прежде всего, те, которые считались по адату наиболее тяжкими, как-то: убийство, разграбление аула и др., а затем и менее серьезные, как, например, увечье, похищения скота и имущества, совершавшиеся во время барымты, произведенной без разрешения аксакала или бия. Среди имущественных и семейных преступлений разбирательству биев подлежали: спорные вопросы наследования и выдела имущества; присуждение доплаты до полного калыма, дележ имущества и скота между женами в случае их несогласия, опека малолетних, содержание престарелых родителей и пр. Тяжелыми преступлениями в категории семейных считались: оскорбление родителей, нарушение брачного союза, связанное с насилием, и некоторые другие.

Бии вмешивались в разбирательство отношений между побратимами («тамырами») в том случае, когда один из них при обмене обязательными подарками не получал равноценного.[1]

Компетенция биев расширялась в связи с большой ответственностью, установленной адатом как за преступления против членов знатных и влиятельных родов, так и за преступления против самих биев. По сведениям, сообщенным биями А. Вышнегорскому, преступления, о которых знают аксакалы и бии, но в отношении которых не предъявлено никакого иска (обида безродных или обида сородичей из малочисленного рода), не наказываются.

Обратное положение было в отношении султанов и сородичей из числа знатных и крупных родов. В частности, за убийство султана взыскивался кун в семикратном размере.[2]

Оберегая почетное звание бия, адат в целом ряде своих положений устанавливает особую ответственность в отношении биев и некоторые особые наказания за преступления против них. «Если кто-нибудь решался обесчестить бия словом, его упрекали: «Твой язык коснулся бия» («Бийге тилинг тийди») и заставляли просить прощенья».[3] По сведениям Броневского, нанесший оскорбление бию словами, обязан

---

[1] Гродеков, указ. соч., стр. 40. Ограничения компетенции биев были обусловлены тем отношением к преступлениям, которое было закреплено адатом. Многие преступления, будучи в числе ненаказуемых адатом (как-то: легкие побои, воровство у родственников, злоупотребление властью, преступления против беззащитных и против иноплеменных и т. д.), или такие, по которым не было возбуждено иска, не входили в компетенцию биев. (Гродеков, указ. соч., стр. 146).

[2] Кто убьет султана или ходжу, — говорится в «Законах Тауке», — тот платит родственникам убитого кун за семь человек». (Левшин, указ. соч., ч. III, стр. 171).

[3] Гродеков, указ. соч., стр. 179.

заплатить за это преступление штраф в пользу бия (халат).[1] Повышалась ответственность и за такие преступления, которые были совершены в присутствии бия, причем допускалось даже телесное наказание плетью в отношении совершившего побои (без увечья) на глазах бия. В таком случае в пользу бия с виновного взыскивался также халат. Бий получал особое взыскание в свою пользу и в том случае, если обвиняемый в преступлении категорически не хотел давать показания по своему делу. У него в таком случае обычно вынуждали признание, причем требовалась присяга и выплата штрафа в пользу бия.[2]

Таким образом, широкая судебная практика биев увеличивала возможности их участия в различных взысканиях (штрафах) и доходы их. Взыскания в пользу бия и вознаграждения его за судебное разбирательство не были точно установлены. Введение бийлыка предание приписывает хану Тауке. Но размер его был различен, в зависимости от характера преступления и от социального положения ответчика. Кроме того, он был неодинаков в разных районах. По Маковецкому, бийлык составлял 10 процентов стоимости всего иска и взыскивался в пользу биев при решении уголовных и гражданских дел, представляя собою взыскание, падавшее или на ответчика или на виновника, если иск или обвинение признаны были хотя бы отчасти, обоснованными.[3] По Гродекову, бийлык не мог быть выше одной десятой части стоимости иска.[4] Однако, иск бывал нередко очень высоким (например, за воровство, увечье, убийство, оскорбление султана или бия).

Согласно «Законам Тауке» за обиду султана или ходжи словами виновный наказывался штрафом в 9 скотин, а за побои их должен был выплачивать 27 скотин. За нанесенное увечье виновный должен был платить 100 баранов. Убийца мог сохранить себе жизнь, отдавая за каждого убитого мужчину 1000, а за женщину 5000 баранов.[5]

Кроме того, бии имели право получать подарки от членов общин. Подарки эти носили добровольный характер. Но нежелание подарить бию, а также и отказ последнего принять подарок рассматривались как нарушение адата. Таким образом, добровольные подношения здесь становились обязательными.

---

[1] Оскорбление словом считалось по адату тяжелым преступлением и в отношении родителей. Во всех остальных случаях (по Гродекову, стр. 146) оно не преследовалось адатом.

[2] Броневский, указ. соч. «Отеч. записки», 1830, ч. 43, № 121, стр. 259—260.

[3] Маковецкий, указ. соч., стр. 82.

[4] Гродеков, указ. соч., стр. 196.

[5] Левшин, указ. соч., ч. III, стр. 171. («Законы Тауке»).

Такую же роль играл и так называемый «сатал». Но в этом случае требование адата было обращено к бию, который по завершении успешно проведенного судебного разбирательства должен был удовлетворить просьбу близких истца, т. е. выделить им в качестве подарка некоторую часть из полученного бийлыка.[1] Это один из примеров, того, как в системе дарения под воздействием патриархального обычая сохранились элементы общинной экономики, допускающей соучастие сородичей во всякого рода доходах. Проявляясь в различных формах,[2] они сохранили свою силу как пережиток и в условиях феодальной экономики, определившей зависимое положение членов общины в отношении бия и его роль в присвоении всякого рода доходов.

Существовали также «обязательные подарки», которые были обычным явлением в системе дарения при сватовстве и в свадебных обрядах, где аксакал нередко выступал в роли второго тестя (укыль-ата).[3] Обязательные подарки сватам достигали у богатых значительных размеров, причем ценность подарка определялась достоинствами того, кому он предназначался. О том, какую роль вообще играли обязательные подарки при сватовстве и свадебных обрядах, говорит такое указание, что «свадьба может состояться скорее без калыма, чем без подарка».

Нам остается сказать немного о тех общественных доходах, в которых учавствовали не только хан и султан, но и бии. Абулхаир, требуя товары от Тевкелева, всякий раз подчеркивал, что они нужны ему для подарков биям. Последние, в свою очередь, старались убедить Тевкелева в том, что «по обыкновению их, все, данное от иностранных приезжих хану и ханским детям, они отдают старшинам, которые делят по себе». Одной из главных причин недовольства биев ханом Нуралы было то, что он не делился своими поборами с ними.

Источники оставляют в большинстве случаев неясными, в чем заключался феодальный оброк (рента продуктами) в отношении биев.

Прямые указания источников на участие биев в таких сборах очень редки. Но некоторые сведения в этом направлении свидетельствуют о взаимоотношениях родовой знати с чингизидами.

Военная добыча была источником доходов не только хана и султанов, но и представителей родовой знати. Уча-

---

[1] Гродеков, указ. соч., стр. 125.

[2] «Чиралга» — выделение в качестве подарка части охотничьей добычи; «базарлык» — подарок части доходов от продажи на базаре и пр. (Гродеков, указ. соч., стр. 161, 125).

[3] Маковецкий, указ. соч., стр. 17.

стие последних в дележе военной добычи было обязательным. В противном случае бии могли обвинить хана в нарушении патриархального, прочно сложившегося, обычая.

О том, как происходил раздел добычи вообще, когда на первый план выступали корыстные интересы, очень ярко говорит «Журнал Тевкелева: бии, получив от хана подарки, «начали между собой делить с великим криком и дрались и бились плетьми и саблями до крови».[1]

Постойной и подводной повинностью, повидимому, обеспечивались во время разъездов по степи не только ханы и султаны. Население подвластных аулов должно было давать содержание и биям, поскольку они сопровождали хана в его разъездах по степи или ездили одни по его личным поручениям.

Эти традиции укрепились еще в кочевых районах Золотой орды. Плано-Карпини говорит, что «послам вождей, куды бы те их не посылали, как подданные императора, так и все другие обязаны давать как подводы, так и продовольствие, а также без всякого противоречия людей для охраны и для услуг послам». [2]

Источники говорят и об участии биев в тех доходах, которые получал хан от сбора дани с подвластных среднеазиатских городов. Батыр Букенбай в разговоре с Тевкелевым вспоминал о том, что казахские ханы владели Ташкентом, Туркестаном и Сайрамом, где они с узбеков брали дань до тех пор, пока не вытеснены были из этих городов джунгарами.

С развитием торговли появились для биев новые источники доходов. Вожаками караванов выступали и бии. Нередко хозяева товаров, договорившись с караван-баши о цене провоза их, а также заручившись наймом вожаков из сильных родов, тем не менее теряли всякое право располагать ходом каравана. «Менее заботясь о краткости пути, нежели о собственных выгодах, — говорит Левшин,— они (караван-баши—Н. А.) по обыкновению стараются проходить через свои аулы, где могут без издержек сделать запасы для дальнейшего продовольствия в дороге, где отдыхают они несколько дней». Таким образом определились направления караванных путей: Шомекейская дорога, которая проходила через кочевья, занимаемые родом Шомекей, Дюрткаринская дорога, Жаппаская и пр. Слабые роды никогда не решались сопровождать караваны. Но во время межродовых распрей ненадежной была охрана караванов и вожаками сильных родов. Нередко караваны становились жертвой барымты или присваивались вожаками каравана.

---

[1] «Журнал» Тевкелева, л. 32.

[2] Плано-Карпини, указ. соч., стр. 24.

Мы рассмотрели некоторые натуральные сборы, в которых участвовали не только ханы и султаны, но и бии. Анализ некоторых форм натуральной ренты показывает, как общинные повинности превращаются в феодальные, и как этот процесс определяет классовую солидарность тех, которые участвуют в этих повинностях равными долями.

Основная масса скотоводов, состоявшая из зависимых производителей, так называемые «караши», не была однородной. Среди «караши» были такие производители, которые могли вести самостоятельное хозяйство. Это отдельные семьи аула, перешедшие к аульному кочеванию, имеющие скот и пастбища, но обязанные выполнять различные повинности как в пользу хана и султанов, так и в пользу биев; это были, как мы видели, не только регулярные повинности (зякет, ушр), но и различные чрезвычайные сборы, которые являлись своеобразной формой продуктовой ренты.

Значительную часть зависимых производителей составляли те, которые нуждались в помощи скотом для ведения самостоятельного хозяйства. Их зависимость выражалась в различных формах отработочной ренты, проявляющейся нередко в скрытых формах.

В аналогичном положении были те сородичи, которые вынуждены были искать опеки и попечительства у богатых родовичей. Они связаны были со своими покровителями патронатными отношениями.[1]

Таким образом, отношения основных производителей — «караши» — с феодальной верхушкой развивались, как отношения патриархально-феодальные.

В ближайшем окружении хана были так называемые тюленгуты. «Тялянгут значит ханского двора служитель». Так определяется социальное положение этой группы казахского общества в русских источниках.[2] Тюленгуты составляли личную дружину хана и султанов. «Некоторые же султаны, — писал Броневский, — живут с несколькими слугами своими тюленгутами».[3] Обычно они сопровождали хана или султана во время их разъездов по степи. Так, например, тюленгуты, как личная свита сопровождали султана Нуралы, отправившегося вместе с поручиком Д. Гладышевым к хану Абулхаиру в Аральское владение в 1740 году.[4] Тюленгуты сопровождали также послов (биев и батыров) и широко использовались при исполнении различных дипломатических поручений. Хан Абулхаир отправляет вместе с Тевкелевым к цар-

---

[1] См. об этом гл. I, разд.: «Социальные отношения».

[2] «Книга Азиатского департамента», № 21. «Красный архив», 1938, № 2 (87), стр. 156.

[3] Броневский. указ. соч. «Отеч. записки», 1830, ч. 42, стр. 82—83.

[4] Докладная записка Д. Гладышева, 1742 г. ЦГАДА. «Киргиз-кайсацкие дела», 1742, д. 4.

скому двору батыра Беке со своим служителем. Они должны засвидетельствовать императрице готовность хана выплачивать ясак. С тем же известием хан Семеке намерен был послать тюленгута Кулбака.[2] Тюленгут султана Барака был отправлен в г. Туркестан в 1742 году для выяснения вопроса о состоянии каравана майора Миллера, отправленного в Джунгарию.

Тюленгуты нередко пользовались особым доверием хана и выполняли ответственные поручения. Абулхаир некоторых своих тюленгутов использует в конспиративных сношениях с Тевкелевым по приезде его в ханскую ставку. В «Журнале» Тевкелева рассказывается о том, что Абулхаир тайно посылал своего служителя к Тевкелеву с просьбой, чтобы он возможно скорее присылал свои товары для подарков старшинам. В другой раз тюленгут Абулхаира Байбек-Аглук тайно сообщил Тевкелеву о появившихся в казахских владениях «возмутителях», посланных от калмыцких тайшей, которые призывали «воевать русские города».[2]

Тюленгуты использовались также и в качестве сборщиков дани. Броневский пишет об этих обязанностях тюленгутов следующее: «Они кочуют при своих владельцах и везде за ними следуют, составляя свиту султанов при разъездах по подведомственным волостям». Во время этих разъездов тюленгуты взимали натуральные сборы[3].

Имеются указания на то, что тюленгуты участвовали при разборе султанами различных тяжебных дел и исполняли в некоторых случаях судебные решения. «Взыскание с виновных, — пишет Броневский, — отнюдь не приведется в исполнение, если султан бессилен».[4] Тюленгуты использовались также для наказания провинившихся.

В источниках имеются некоторые указания на то, что батыры имели в своем распоряжении «служителей», которые, однако, тюленгутами не были. Провожать обоз Тевкелева в Россию должны были отправляемые Абулхаиром «ханской человек» и «служитель Букенбая».[5] В «Журнале» Тевкелева

---

[1] Доношение Тевкелева в Колл. ин. дел 5 янв. 1732 года. «Красный архив», 1936, № 5 (78).

[2] «Журнал» Тевкелева, л. 84.

[3] Броневский, указ. соч. «Отеч. записки», 1830, ч. 42, № 120, стр. 98.

[4] Там же, стр. 82—83.

[5] «Журнал» Тевкелева, л. 121. «Того же числа (20 ноября 1732 г.) приехал к переводчику Тевкелеву от уфимского воеводы полк. Кошелева с письмами Уфимского уезду житель Борец, и с ним приехали двое киргиз-кайсаки из Уфы; один ханской человек, а другой служитель Букенбая-батыра, которые были от хана и от Букенбай-батыра отправлены из Киргиз-кайсацкой орды... провожать переводчика Тевкелева обоз».

рассказывается, как во время одного набега на обозы Тевкелева люди Букенбая, подоспевшие на помощь его бакширам, отогнали противников.[1] Повидимому, такие крупные батыры, как Букенбай, Есет и Джаныбек, положение которых было «не ниже хана», имели при себе и личную дружину. Это было одним из оснований той уверенности Букенбая, с которой он обещал Тевкелеву привести в подданство казахов «в три года саблею».

Возникает вопрос о происхождении тюленгутов и о социальном составе этой группы казахского общества. По этому вопросу высказывались различные суждения. Броневский приравнивает тюленгутов как личных слуг хана и султанов к положению рабов. Он говорит о происхождении их из среды того ясыря, который захватывался у бухарцев, ташкентцев, каракалпаков, башкир и калмыков.[2] Противопоставляя рабам этих «прислужников ханских и султанских», Левшин считает, что они «принадлежат к простому народу и пользуются одинаковыми с ним правами». В том же роде высказывался и Загряжский, который считает тюленгутов «отбившимися от своего рода служителями хана и султанов, которые представляли собой скорее вооруженную дворню, чем крепостных».[3] Красовский считает тюленгутов крепостными. Разноречивость этих суждений обясняется не только тем, что в институте тюленгутизма остается еще целый ряд моментов, не освещенных источниками, но и тем, что социальный состав тюленгутов не был однородным. Последнее указано в исследованиях Вяткина.[4] Количество фактов, которые говорят о том, что среди тюленгутов в XVIII веке были лица, близко стоящие к кругам казахской знати, может быть дополнено.

Значительную часть тюленгутов составляли «простые люди», незнатные по происхождению. Очень интересные указания в этом отношении имеются у Гродекова. «Туленгуты были клиенты и джигиты из бедных, служивших у тюрей (торе — Н. А.) и усыновленные ими».[5] Отсюда следует, что тюленгутизм представляет собою один из тех видов личной зависимости, которая вырастает на почве патронатных отношений, причем эти последние маскируют эту зависимость различными способами. Здесь имеет место усыновление, надел имуществом («инчи»), оплата калыма, содержание (про-

---

[1] «Журнал» Тевкелева, л. 75.

[2] Броневский, указ. соч. «Отеч. записки», 1830, ч. 42, стр. 96.

[3] Г. Загряжский. Юридические обычаи киргизов. Материалы для статистики Туркестанского края, вып. IV. СПб. 1876.

[4] М. Вяткин. Тюленгуты в XVIII веке. «Известия КазФАН СССР», 1940, вып. I, стр. 19—29.

[5] Гродеков, указ. соч., стр. 6.

питание).[1] Приобретались тюленгуты и в том случае, когда требовалось обеспечить сохранность стад. «Многие, — говорит Зобнин, — искали сего звания, и на скот свой налагали султанскую тамгу».[1] Наконец, тюленгуты приобретались путем оплаты султанами взысканий по судебным решениям за несостоятельных ответчиков, последние, воспользовавшись покровительством султана, становились его служителями. Такие тюленгуты не могли по своей воле переходить от одного султана к другому.

Зависимость тюленгута от хана или султана не была безусловной. Тюленгуты могли по тем или иным обстоятельствам, по своему желанию уйти от хана или султана. Более тяжелой эта зависимость была для тех тюленгутов, которые, оторвавшись от своих родов, получали усыновление. Степень зависимости тюленгутов определялась в значительной мере социальным положением их. Тюленгутов можно было покупать, продавать и передавать в наследственное владение.[2] В то же время для некоторых служителей хана звание тюленгутов было почетным.

Роль тюленгутов, как личной дружины говорит за то, что институт тюленгутизма представлял собой одно из явлений вассалитета, который имеет аналогию, например, в институте нукеров (дружинников) у монголов.[3]

Выступая в такой роли, тюленгуты являлись опорой власти хана и султанов. Но в большинстве случаев личная дружина хана не могла обеспечить устойчивости ханской власти, прежде всего потому, что авторитет хана как вождя имел место только в условиях войны. В мирное время выступала на первый план роль его как крупного феодала — «главного владельца». Кроме того, разнородность социального и этнического состава личной дружины хана и неустойчивость ее материальной базы не могли обеспечить ее классовой сплоченности, особенно в условиях первой половины XVIII века, когда такую крупную роль играли бии и батыры.. Поэтому так слабо выступает роль тюленгутов во внутрифеодальной борьбе 30-х годов.

Наши источники называют и джатаков.[4] Это те, кто, потеряв скот во время повальных болезней, гололедицы и пр., уже не могли кочевать и в силу этого переходили к оседлым формам хозяйства. «Земледелие — удел бедняков» — гласит ка-

---

[1] Д. Зобнин. К вопросу о невольниках, рабах и тюленгутах в киргизской степи. «Памятная книжка Семипалат. обл. на 1901 год», вып. VI, стр. 42.

[2] Там же, стр. 39.

[3] Дальнейший процесс развития тюленгутизма в начале XIX века идет в направлении сближения положения тюленгутов с положением крепостных.

[4] «Джатак» — буквально лежащий.

захская пословица. К числу полусамостоятельных производителей относились также «консы», вынужденные по бедности жить и работать в аулах богатых скотоводов. Кроме этого, источники упоминают и «байгушей», которые, не имея никаких средств к существованию, жили случайными заработками или нищенствовали. Превращение общинных повинностей в феодальные явилось проявлением общего процесса феодализации, в ходе которого родовая кочевая община становилась феодально-зависимой.

Наряду с различными формами зависимости самостоятельных и полусамостоятельных производителей, существовало рабство. Большое количество рабов приобреталось путем захвата в плен во время крупных военных походов. Такое крупное событие, как покорение Джунгарии Китаем в 1758 году, вызвало большой наплыв ясыря и в казахские владения. Большое количество пленных удалось захватить султану Аблаю.[1]

Источниками отмечено значительное увеличение количества рабов в казахских аулах за счет восставших башкир в 1755 году и за счет волжских калмыков, бежавших из России в 1771 году.[2] Рабы приобретались также покупкой: «Если не купишь, не будет раба» (казахская пословица). Рабов дарили и ими платили калым. Кун за совершенное убийство выплачивался также и рабами. За воровство взыскивался штраф с возвратом украденного. Если была покража скота, то виновный должен был вместе с верблюдами отдать и одного ясыря.[3] Рабы давались, как награда, победителям в скачках. Левшин пишет: «У знаменитых богачей для первого приза иногда назначается до 100 лошадей или несколько невольников».[4]

Рабы выполняли различные домашние работы. Кроме того, они использовались для пастьбы скота и при сооружении глубоких колодцев. В то же время труд рабов не был определяющим в процессе материального производства, поскольку здесь, как мы видим, получили широкое распространение различные формы родовой взаимопомощи и трудовой помощи, развивавшейся на почве патронатных отношений. Кроме того, значительную часть домашних работ выполняла женщина как хозяйка юрты. Женщина играла крупную роль в домашнем производстве.

---

[1] «Богатые люди никак не могут обойтись без невольников (ясырей) и чем больше у кого рабов..., тем лучше для его табунов. Знатным служат одни только невольники, да и у самого хана есть оных больше пятидесяти». (Георги, указ. соч., ч. 2, стр. 130).

[2] И. Крафт. Уничтожение рабства в киргизской степи. Из киргизской старины. Оренбург. 1900, стр. 98.

[3] Левшин, указ. соч., ч. III, стр. 174.

[4] Левшин, указ. соч., ч. III, стр. 119.

Существовала продажа рабов. Георги писал, что бедные казахи «невольниками и товарами поступаются своим богачам за скот или продают первых и бухарцам».[1] Рабы продавались также на рынках в Хиве.

О положении рабов имеются разноречивые свидетельства. Рабы не имели права на уход от владельца. «Они составляют часть имущества,—писал Зобнин,—и владельцы передают их, как свое имущество, в другие руки, а иногда лишаются через баранту».[2] Согласно Закона Тауке, «над рабами владельцы имеют неограниченное право жизни и смерти. Жалоба раба на господина нигде не приемлется».[3] Броневский отмечает это положение в отношении рабов-калмыков.[4] Рабы не могли выступать как свидетели совершенного преступления. Самое название кул (раб) считалось оскорбительным.

Злоупотребления и жестокость некоторых владельцев по отношению к рабам были причиной побегов последних. Но вместе с тем имеются указания, что положение рабов в казахском обществе не было тяжелым. Раб по истечении определенного времени получал юрту, некоторое количество скота, мог обзавестись семьей, становясь в положение зависимого человека.

К сожалению, мы не имеем прямых свидетельств в источниках о том, как распространялись на рабов те повинности, которые определяли положение феодально-зависимого человека. То обстоятельство, что рабы иногда получали в свое владение скот, женились при содействии своего хозяина, стремившегося таким образом удержать раба от побега, говорит о переходе их из рабского состояния в состояние феодально-зависимое. Практиковалось иногда усыновление рабов. «Усыновляемый обыкновенно не считается столь близким, как родное дитя... То же можно сказать об усыновляемых рабах».[5] В таком положении рабы становились домочадцами. Усыновляли рабов чаще—бездетные семьи. Нередки были случаи усыновления детей рабов. Усыновленный причислялся к роду усыновителя и пользовался одинаковыми правами с его родными детьми.[6]

Эти факты говорят о патриахальном характере рабства, которое, несмотря на широкое его распространение, не развилось в рабовладельческую формацию, явившись одним из пе-

---

[1] Георги, указ. соч., ч. 2, стр. 129.

[2] Зобнин. указ. соч., стр. 39. «Покушение спастись от неволи побегом, — по словам Георги, — подвергает пленников... строгостям, от которых иные и умирают». (Указ. соч., ч. 2, стр. 130—131).

[3] Левшин, указ. соч., ч. III, стр. 174.

[4] Броневский, указ. соч., «Отеч. записки», 1830, ч. 43, № 124, стр. 266.

[5] Гродеков, указ. соч., стр. 38.

[6] Маковецкий, указ. соч., стр. 32.

реходных этапов к тем формам зависимости, которые приближались к крепостничеству.

Мы рассмотрели основные социальные категории. Изучение социальных отношений казахского общества первой половины XVIII века приводит к следующим выводам.

В социально-экономическом строе Казахстана первой половины XVIII века имели место феодальные отношения. Но эти отношения развивались в условиях патриархально-родового быта.

Патриархально-родовые пережитки, а именно: различные виды родовой помощи, патронатные отношения и пр., которые использовались феодальной верхушкой в своих классовых интересах, являлись средством и формами феодальной эксплоатации.

Поэтому социальные отношения в Казахстане первой половины XVIII века являются отношениями патриархально-феодальными.

В системе патриархально-феодальных отношений ханы и султаны, как представители феодальной верхушки, облеченные политической властью, занимали господствующее положение и в процессе материального производства, являясь крупными владельцами скота, имея в своем распоряжении лучшие пастбища и располагая даровой рабочей силой (рабы).

Отношения ханов и султанов к широкой массе зависимого населения представляли собой систему феодальной эксплоатации: ханам и султанам принадлежало право распоряжения кочевьями, которое являлось своеобразной формой узурпации общинных земель (пастбищ).

В системе тех повинностей, которые взыскивались в пользу ханов и султанов, преобладали натуральные сборы. Дружина хана (тюленгуты) была тем принудительным аппаратом, который должен был обеспечить осуществление различных повинностей.

Однородность отношений ханов, султанов и биев в процессе материального производства, а также участие последних в различных доходах феодальной верхушки были условиями их классовой солидарности. Это обособляло их от скотоводческой общины, члены которой (широкие массы трудящихся казахов) были связаны с ними отношениями феодальной зависимости.

Отношения аксакалов и биев со скотоводческой общиной развивались по линии узурпации биями средств производства (скота) и условий производства (пастбищ и водопоев). В силу этого классовые интересы биев противоречили интересам общины.

Таким образом бии становились представителями феодального гнета.

Отношения биев с общиной проявлялись главным образом в формах докапиталистической отработочной ренты, выступавшей нередко под видом родовой помощи.

В своих классовых интересах бии широко использовали патронатные отношения и различные патриархально-родовые пережитки, которые являлись одним из средств усиления феодальных форм эксплоатации.

Отношения биев со скотоводческой общиной развивались также по линии укрепления их феодальных прав, как в сфере управления, так и в делах судебных.

Таким образом, в процессе феодализации укреплялось социально-экономическое положение биев и усиливалась политическая роль их, как представителей патриархально-феодальной знати. Это определило господствующее положение биев в казахском обществе первой половины XVIII века.

ГЛАВА II

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА В КАЗАХСТАНЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА.

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО СТРОЯ

Вопрос о политическом строе Казахского ханства первой половины XVIII века имеет серьезное научное значение прежде всего потому, что этому вопросу в исторической литературе не посвящено ни одного специального исследования. Он приобретает особое значение в плане изучения нашей темы как один из этапов в развитии казахской государственности.

Что представляли собой те органы власти, которые составляли основы государственности казахских жузов в первой половине XVIII века?

Задача настоящей главы показать положение ханской власти в годы правления Тауке и Абулхаира и политическую роль таких институтов, как совет биев и собрания старшин.[1]

Изучение органов патриархально-феодальной власти имеет существенное значение в понимании стимулов борьбы, развернувшейся в казахском обществе на новом этапе развития государственности, когда осуществлялось присоединение Казахстана к России путем перехода Младшего и Среднего жузов в российское подданство.

К началу XVIII века определился процесс дальнейшего оформления трех жузов как хозяйственно-политических объединений, образование которых народное предание относит ко времени Хакк-Назара, и процесс формирования которых В. Бартольд связывает с районным обособлением кочевий.

В каждом из них определились этнические элементы, закрепилось господство нескольких влиятельных родов,[2] сложились органы политической власти. В процессе дальнейшего

[1] Собрания аксакалов, биев и батыров в русских источниках обычно называются собраниями старшин.

[2] В Младшем жузе: племенные объединения, составившиеся преимущественно из тюркских элементов — рода Алчин с поколениями Алимулы и Бай-улы; в Среднем: Аргын, Найман, Кыпчак и др.

формирования жузов слабели хозяйственно-политические связи между ними и, прежде всего, со Старшим жузом, оторванным от двух других удаленностью своих кочевий и теми этапами внешнеполитической истории, которые укрепили его связи с Ташкентским владением и вассальные отношения с Джунгарией.

Менее разобщенными в хозяйственном и политическом отношениях были Средний и Младший жузы, поскольку существовали объединенные съезды этих жузов.[1] Но укреплению политических связей между ними препятствовал самый процесс формирования их как отдельных государственных образований, складывающихся в условиях феодальной раздробленности, а затем те социально-политические отношения, которые привели к острому антагонизму враждебных группировок. В частности, в хозяйственно-политической обособленности Младшего жуза[2] сыграло большую роль и то обстоятельство, что в нем укрепилась династия потомков Осека, чем была порвана историческая традиция господства династии Жадига.

Источники не сообщают никаких подробностей в отношении этих имен. Известно, что это были сыновья Джаныбека, причем с половины XVI века старшим из них Жадигом была начата родословная казахских ханов,[3] которая продолжалась до 20-х годов XVIII века и была узаконена обычаем и наследственной преемственностью ее представителей.

Последним ханом этой династии был сын Тауке Болат (1717—1730).

Казахские ханы как представители «белой кости» считали себя потомками Чингиз-хана. Эта генеалогия создавала им особое положение наследственной титулованной аристократии, которая стояла вне рода, представляя собой род чингизидов.

---

[1] Батыр Среднего жуза Букенбай не без основания сообщал в 1731 году Тевкелеву, что Большая орда «кочует от них в дальнем расстоянии к Бухарам и с Средней и Малой ордой не съезжается». К этому времени не кончилась зависимость Старшего жуза от Джунгарии.

[2] М. Вяткин считает, что Младший жуз образовался в процессе распада Ногайской орды. («Очерки по истории Казахской ССР». Л. 1941. стр. 100).

[3] Левшин, указ. соч., ч. II, табл. I. «Родословие первой и главнейшей отрасли казачьих ханов». Родословная составлена Тевкелевым на основании сведений, полученных от хана Абулхаира и султанов Младшего и Среднего жузов. Тевкелев отметил, что «Казахские ханы и султаны не могли указать ни на кого старее Усяка (Осека) и Джадика (Жадига)», считая их первыми представителями двух ханских династий. Вельяминов-Зернов утверждает, что династия казахских ханов установилась только в эпоху сыновей Джаныбека. («Исследование о касимовских царях и царевичах», ч. II. СПб. 1864, стр. 273). Хивинский историк Абуль-Гази называет Джаныбека одним из сыновей Орус-хана. («Родословное древо тюрков». «Изв. археологии, истории и этнографии при Казанском университете». т. XXI, вып. 5—6. Казань. 1905).

Характерно, что у Броневского[1] в перечне ханов, называющих себя потомками Чингиз-хана, указаны лишь имена представителей старшей династии. Если верно то, что не только принадлежность к «белой кости», но и закрепленная обычаем традиционная генеалогия от старшей династии давали право казахским ханам называть себя чингизидами, то Абулхаир в своем положении был еще менее авторитетным, поскольку он был представителем младшей династии.

Ханская власть переходила по наследству, причем установился следующий порядок наследования: хану наследовали братья, затем его сыновья, затем сыновья братьев. Согласно обычному праву казахов старшинство считалось не по прямой линии, в силу чего брат хана имел преимущество перед сыном его.[2] Так, например, Тагир получил звание хана как старший брат Касима, несмотря на то, что после Касима оставался его малолетний сын Хакк-Назар. При отсутствии братьев ханская власть переходила от отца к сыну. Тауке сделался ханом, как сын Джангира. После смерти Тауке ему наследовал его сын Болат. Хан Букей, умирая в 1815 году, завещал ханство своему пятнадцатилетнему сыну Джангиру, о чем сообщалось в письме султанов и старшин Букеевской орды султану Шоке: «Покойный хан до своей кончины составил завещание в нашем присутствии и назначил наследником ханства, в качестве владетеля киргиз-казахскими общинами своего родного сына, султана Джангира Букей-улы, происходящего от «белой кости». До его совершеннолетия Букей сделал его наместником своего младшего брата, султана Шигая.[3]

Левшин дает некоторые интересные детали в описании выборов хана. «Для избрания хана назначается определенное время и место, куда начинает собираться народ..., открываются частные совещания..., составляются маленькие круги для решения, кого избрать себе главою и кому поручить быть представителем каждой толпы в верховном совете знатнейших правителей народных. Когда число прибывших на выборы считается довольно велико, назначают решительное собрание».[4] В этой части описания заслуживает внимания указание на то, что народному собранию предшествуют «частные совещания». К сожалению, в наших архивных материалах мы не имеем сведений о таких предвыборных совещаниях, так же как и подробных сведений о том, в какой обстановке проходили выборы хана. Значительно чаще встречаются описания самого обряда избрания. В том же описа-

---

[1] Броневский, указ. соч. «Отеч. записки», 1830, ч. 41, № 110, стр. 412.

[2] Гродеков, указ. соч., стр. 10.

[3] «Материалы по истории Казахской ССР», т. IV, М.—Л. 1940, стр. 269—272.

[4] Левшин, указ. соч., т. III, стр. 126—127.

нии Левшина говорится о том, что перед началом народного собрания расстилают рядами ковры и войлоки, на которых султаны, старейшины, бии и родоначальники размещаются по старшинству, знатности или власти.

В материалах Тевкелева имеется следующее указание: «В Киргиз-кайсацкой орде в ханы избираютца из султанов, которые из детей ханских, киргиз-кайсацкою старшиною, вольными голосами, а из старшин в ханы не выбирают».[1]

Здесь указаны два существенных момента: 1) ханы выбираются из султанов, 2) в избрании хана участвуют старшины. Источники отмечают также присутствие народа при обряде возведения на ханство.[2] Так определяется состав участников избрания хана. Но он является неоднородным в различных случаях и меняется в зависимости от того, кто становится претендентом на ханство. Примером широких выборов могут служить выборы хана Среднего жуза Аблая, между тем как одна из версий избрания Нуралы говорит о его конспиративном избрании десятью знатными биями.

Не одинаково активна и роль участников народного собрания в выборах хана. В выборах хана участвовали султаны как представители «белой кости», а также бии, политический вес которых значительно усилился в первой половине XVIII века.

Начальник Оренбургской экспедиции Кириллов в своем «Представлении» имп. Анне Иоанновне писал: «В тех ордах не столько ханы власть имеют, сколько их старшины, и для того они ни людьми, ни богатством своих ханов усиливатца не допускают... однако же ведут наследственных ханов».[3]

Авторитет старшин и активность их в народных собраниях определялись различными обстоятельствами. Левшин отмечает, какое значение имели в народных собраниях такие качества его участников, как старшинство, опытность и знатность. «Почтеннейшие по летам и опытности» открывали собрание. «По старшинству и знатности или власти» рассаживались на разостланных коврах и войлоках. Сильнейшие, т. е. пользующиеся наибольшим авторитетом в силу знатности, богатства и связей с влиятельными родами, давали направление собранию. Одно привилегированное положение, обусловленное происхождением от наследственной титулованной аристократии «белой кости», не всегда обеспечивало успех

[1] ЦГАДА. Ф. «Сношения России с киргиз-кайсаками», «Киргиз-кайсацкие дела», 1733, д. 1, л. 26 «Всеподданнейшее предложение» Тевкелева от 1733 года.

[2] Не всегда остается ясным содержание термина «народ» в русских источниках, напр., у Броневского, который, говоря о народе, повидимому, имеет в виду и представителей знати. (Указ. соч., «Отеч. записки», 1830, ч. 41).

[3] Материалы по истории России, сост. А. Добросмысловым, т. I, стр. 35.

выступления на этих собраниях. «Как бы ни была бела кость ханского потомка, — замечает Левшин, — но если он умом, богатством или другими качествами не оставил себе значительного числа приверженцев, голос его не делает перевеса в собраниях народных.[1] Значение богатства и связей с многочисленными родами в быту и в общественной жизни казахов отмечено и в путешествии Мейендорфа.[2]

Активная роль родовых групп в избрании хана имела место, например, в выборе султана Эралы в Керейском роде.

Знатными батырами и биями влиятельных родов Младшего жуза (Шомекейского, Каратамирского, Балкийского, Джалтырского, Бузунского, Дюрткаринского, Карасакальского) был провозглашен ханом в 1748 году султан Батыр. Избрание Батыра является показательным. Это пример того, какую роль играла личная инициатива энергичного претендента на ханство, который, желая осуществить свое избрание во что бы то ни стало, не скупился на подарки тем, которые могли противодействовать его избранию. Мулла Смаил Абдрезяков, рассказав о состоявшемся избрании Батыра, замечает: «Токмо то, что слышно было от них, людей, учинено более по их обычаю для получения от него, Батыр-салтана, подарков, как он, Батыр-салтан, немало за то их дарил, ибо иные из них и при выборе Нуралы-салтана в ханы были...»[3] Знатными родами был избран в ханы и султан Абулмамбет, о чем рассказывается в «Журнале» начальника Оренбургской экспедиции Урусова: «Абульмамет..., будучи в прошлом (1739) году в Туркестане, от знатнейших киргиз-кайсацких родов, яко Аргинского, Актайского, и от других, удостоен в ханы, и по прибытии в Орду, от многих родов поднят на епанче».[4]

Выборы хана не всегда проводились в обстановке широкого народного собрания, в присутствии народа. В некоторых случаях избрание происходило в кругу немногих лиц. По свидетельству переводчика Гуляева, султан Нуралы был избран в ханы Младшего жуза в 1748 году десятью знатными биями, причем это избрание произошло в ханской кибитке.[5]

---

[1] Левшин, указ. соч., ч. III, стр. 126—127.

[2] Meyendoorff. Voyage d'Orenhourg à Boukharà fait en 1820, Paris, 1826, pp. 47—48.

[3] ЦГАДА. «Киргиз-кайсацкие дела», 1748, д. без №. «Сказка» муллы Абдрезякова в Оренбург. губ. канцелярию 20 ноября 1748 года.

[4] Там же. «Журнал Урусова», 1740, д. 8, лл. 44—45.

[5] Следует заметить, однако, что эта версия избрания на ханство Нуралы расходится с показаниями «сказки» батыра Байбека от 17 октября 1748 года, в которой говорится: «А к зюнгорскому владельцу Нуралы салтан с общего согласия Киргиз-кайсацкой орды старшин послал посланца с таким объявленем, что... Киргиз-кайсацкой Средней и Меньшой Орд всем собранием выбрали главным ханом его, Нуралы салтана».

Далеко не всегда в спокойной обстановке совершалось избрание хана, несмотря на то, что старый принцип выборов уже в значительной мере потерял свое значение, и фактически ханская власть стала наследственной. Выборы хана нередко сопровождались спорами и конфликтами, если претендент на ханство оказывался почему-либо неприемлемым. Левшин отмечает, что споры во время выборов хана продолжались иногда 2—3 дня и более.

Еще больше превратностей было в избрании казахских султанов в ханы среднеазиатских владений, в частности, Хивинского владения, где вошло в практику выбирать в ханы из «посторонних» султанов.[1] Такими кандидатами на ханское звание оказывались нередко казахские султаны. По сведениям знатного каракалпакского батыра Оразака, после смерти хана Ширгазы[2] хивинцы выбрали в ханы двоюродного брата Абулхаира Мамая, который, через неделю был убит, а затем «обманом» сделали ханом султана Батыра.[3]

Выборы хана в среднеазиатских владениях нередко сопровождались крупными столкновениями, доходившими до кровопролития. Рассказывая о выборах Нуралы в ханы Аральского владения, поручик Оренбургского драгунского полка Д. Гладышев пишет: «Между аральцами учинилась не только знатная ссора, но и баталия и, с того, что некоторая часть аральцов намерена принять себе в ханы Абулхаир ханского сына Нуралы, а другая того не хотели».

Пытаясь объяснить причину возведения на ханство Нуралы в Аральском владении, Гладышев указывает на то, что после убийства хана Ширгазы такая же участь могла постичь и одного из его сыновей, если бы он оказался избранным на ханство.

«И для того думали, — пишет Гладышев, — чтоб из посторонних кого в ханы себе принять», а поэтому «князи и некоторая часть народа рассуждали, что Абулхаир хан под властью ея и. в. состоит... И для того усоветовали принять себе в ханы сына ево Абулхаирского... Нуралы салтана».[4]

Таким образом, выборы хана выливались в острую

(ЦГАДА. «Киргиз-кайсацкие дела», 1748, д. 4). Надо полагать, что не в интересах Нуралы было в этом официальном посольстве к хунтайджи сообщать о какой-либо иной обстановке своего избрания, когда был прямой расчет показать высокое положение своей ханской власти перед джунгарским владельцем, ставшим постоянной угрозой для Казахского ханства.

[1] Н. Рычков. Дневные записки путешествия в Киргиз-кайсацкой степи в 1771 году. СПб. 1772, стр. 50 (прим.).

[2] Хан Ширгазы был убит своими тюленгутами в 1728 году.

[3] «Журнал» Тевкелева, л. 72.

[4] Докладная записка Д. Гладышева 1742 г. ЦГАДА. «Киргиз-кайсацкие дела», 1742, д. 4, лл. 8, 10.

борьбу, что, повидимому, характерно для среднеазиатских владений, где они нередко проходили в обстановке династических смут, во время которых ханов сменяли, изгоняли и даже убивали.

Аналогичные факты имели место и в казахских жузах. Хан Абулхаир стал жертвой Барака в 1748 году. Из этого следует, что избрание в ханы еще не обеспечивало устойчивости ханской власти, и возможны были всякого рода осложнения, которые возникали в условиях феодальной борьбы по разным поводам, когда хан переставал быть авторитетным. Значение выборов заключалось в том, чтобы признать власть того, который являлся законным преемником, если он по своим личным качествам и при наличии связей с знатными родами оказывался желательным. Отсутствие таких условий могло быть поводом ко всякого рода спорам и конфликтам.

В источниках имеются краткие описания самого обряда избрания. Выборы хана завершались объявлением ему султанами и знатными старшинами о состоявшемся его избрании. Затем совершался обряд поднятия хана на белой кошме представителями знати, сопровождавшийся приветствиями, после чего старая султанская одежда разрывалась в куски. При этом каждый участник собрания старался унести с собой кусочек этой одежды, как знак того, что он участвовал в избрании хана.[1]

Некоторые детали этой церемонии отмечены в «Журнале» Урусова, в описании избрания Абулмамбета, где рассказывается о торжественном пиршестве с обильным угощением после выборов хана. Для приготовления такого обеда обычно закалывалось большое количество баранов, причем угощались обедом все участники собрания.[2] Броневский в своем описании выборов хана сообщает, что это обильное угощение обычно устраивалось за счет самого хана и народа.[3]

Источники дают только краткие указания о том, какую роль играл народ в выборах хана. Обряд возведения на ханство совершался в присутствии собравшегося народа. Народ участвовал в уничтожении старой султанской одежды. Повидимому, роль народа не была пассивной в выборах хана, судя по тому, как слаб был вообще авторитет ханской власти в народных массах, о чем нередко говорят источники.

[1] Обычай избрания хана с поднятием его на белой кошме имел место и у монголов. (Иакинф. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, П. 1851, ч. I, стр. 268—269). Плано-Карпини рассказал о том, что в его присутствии Каюк, восходя на престол деда своего Чингиса, был посажен на войлок и поднят наверх знатными чиновниками монгольскими.

[2] «Журнал» Урусова, л. 44. (Сведения получены Урусовым от батыра Джаныбека).

[3] Броневский, указ. соч. «Отеч. записки», 1830, ч. 41, № 119.

Тевкелевым отмечено, что «казахи страху от ханов не имеют» и что «они не только Абулхаиру, но и прежде бывшим ханам никогда послушны не бывали».[1] Георги полагает, что и такие решения, которые сделаны с общего согласия всех начальников, исполняются народом лишь постольку, поскольку они ему угодны.[2] В доношении Оренбургской экспедиции графу А. Воронцову в 80-х годах XVIII века сообщалось: «Когда оные старшины, ханские дети и прочие салтаны служат им по желанию их, то за то они, киргиз-кайсаки их любят и почитают, а в противном случае пренебрегают».[3] Можно предположить, что при таком положении не мог быть принят пассивно претендент на ханство, авторитет которого по тем или иным причинам был неустойчивым. Когда собрания принимали бурный характер, представлялась возможность присоединить свои голоса одобрения или несогласия к спорам представителей знати, которые продолжались нередко в течение нескольких дней.

В одном из своих писем к имп. Елизавете Петровне Абулхаир пишет: «От высокопочтенного Абулхаир воина и батырь хана». В некоторых своих письмах, как например, к сыну своему султану Коз-Ахмету, состаявшему в аманатах, Абулхаир подписывался следующим образом: «Абулхаир Мухамметь Газы багадур хан». Эта подпись означала полное имя Абулхаира, где было отмечено словом «багадур» почетное звание, которое закреплялось за тем, кто сумел быть отважным воином и выдвинулся своими военными заслугами. Это не единственный пример того, как действенны еще были функции вождя, и как высоко расценивалась эта роль хана в условиях напряженной внешнеполитической обстановки, если он являлся активным участником борьбы с опасным врагом.

Историк Хондемир, оценивая могущество Касима, отметил, что он «превосходил всех владельцев Детш-и-Кипчака своей храбростью и многочисленностью подчиненного ему народа». Мухамед-Хайдар писал о Касиме: «Говорят, что между казацкими ханами и султанами не было никого, кто бы в том улусе был так могущественен как Касим-хан; войска у него считали до 300 тысяч».[4] Тауке, желая подчеркнуть могущество Казахского ханства, заявил русским послам: «Я стал бог здрав, в 80 тысячах» войска своего.[5] На широком народном собрании в самый острый момент борьбы с

---

[1] «Журнал» Тевкелева, л. 75.

[2] Герги, указ. соч., ч. 2, стр. 124.

[3] ЛОИИ. Собр. гр. Воронцовых, № 543. л. 279. (Цит. по статье М. Вяткина Казахское общество в средине XVIII в. «Известия Каз. ФАН СССР». 1940, вып. I, стр. 8).

[4] Вельяминов-Зернов, указ. соч., ч. II, стр. 230.

[5] ДАИ, т. 8, док. № 80, XIII, стр. 380.

Джунгарией вождем крупного ополчения был избран Абулхаир.

Роль хана-вождя выступала на первый план, когда этого требовала реальная обстановка, ставившая задачи обороны от опасного врага или осуществления завоевательных планов. Ханы или сами совершали походы, возглавляя крупное войско, или посылали воевать кого-либо из султанов, сыновей своих. (Походы Тевеккеля на Бухару во главе 70—80-тысячного войска, Тауке на Ташкент, Абулхаира — на Хиву и др.).

Военная помощь хану в таком случае была одной из форм вассальных отношений, и он мог требовать ее на правах сюзерена. Таким положением было обусловлено заявление Абулхаира о том, что он «по приказу хана Каипа калмык воевать готов». Примером того, во что выливалась военная помощь в крупных походах, и как она была организована, может служить подготовка большого похода в 1738 году в верховья реки Кумы, на улусы калмыцкого хана Дондука Омбо, когда по приказу хана Абулхаира было собрано войско в количестве 22.800 человек. Это войско составлялось из отдельных ополчений, собранных батырами. Джаныбек представил войско в количестве 10.400 чел., султан Батыр — 10 33 чел., батыр Есенбат — 100 чел., батыры Есет, Букенбай и Алтай — 2000 чел.[1] Требовать военной помощи хан мог от своих ближайших вассалов — султанов и от представителей военной знати — батыров. В 1732 году Абулхаир послал своего сына Нуралы, который должен был, «соединясь с аральским ханом, воевать Хиву».

Таким образом использовались и родственные связи. С расчетом на военную помощь и с целью укрепления вассальных отношений заключались и дипломатические браки.

В других случаях имело место военное сотрудничество, причем поход совершался двумя крупными отрядами с равным количеством войска под начальством двух или трех батыров (например, поход батыров Кошкара и Тюлепа на калмыцкие улусы в 1737 году, из которых первый во главе 100-тысячного войска пошел к Астрахани, а второй с таким же войском — к Черному Яру.[2] В источниках имеются также факты совместных походов ханов со своими султанами. Осенью 1726 года совершается поход на калмыцкие улусы, в котором участвуют ханы Младшего и Среднего жузов (Абулхаир и Семеке) со своими султанами Ишимом и Бараком.

В условиях напряженной внешнеполитической обстановки XVII и первой половины XVIII века были серьезные основа-

---

[1] ЦГАДА. «Киргиз-кайсацкие дела», 1738, д. I, лл. 19—21.
[2] ЦГАДА. «Киргиз-кайсацкие дела», 1737, д. 1, лл. 5—6.

ния к тому, чтобы выросла роль хана как вождя, которому нужны были и войско и военная помощь его вассалов. В самый острый момент борьбы с Джунгарией, когда хан должен был возглавить крупное ополчение, роль его стала еще более ответственной, так как перед ним стояла задача сохранения целости и независимости Казахского ханства.

В ближайшем окружении хана были тюленгуты, которые составляли личную дружину хана.[1]

Брянцев, посланный в казахские владения для разведывания о войне казахов с калмыками, в своей отписке сибирскому губернатору Гагарину весной 1718 года сообщал, что «ходило на калмык их казачья войска 30 тыс. человек... и были при реке, зовомой Ангус (Аягуз — Н. А.)».[2]

В августе 1723 года посол калмыцкого хана Аюки встретил Абулхаира на реке Темире (приток Эмбы) с войском в 15 тыс. человек, когда хан заявил ему, что идет воевать с калмыками и с русскими.[3] Неплюев в одном из своих донесений в Сенат от 14 янв. 1744 года так определил военные силы Младшего и Среднего жузов: «По рассуждению от Оренбургской комиссии, усмотренного их состояния, по их природной к войне склонности, мнится, что при случае генерального их к войне предвосприятия... легко может собраться в обеих тех ордах, т. е. Средей и Меньшей до 300 тысяч человек и более дельного люду с огненным ружьем».[4] Начальник Оренбургской экспедиции Кириллов полагал, что у казахов может собраться до 80 тысяч войска.[5] О таком же количестве войска говорил и хан Тауке прибывшим к нему царским послам.

Войско, которым располагал хан во время своих походов, представляло собой родовое ополчение. Оно состояло из боеспособной части населения. В условиях степной войны в снаряжении войска лошади играли крупную роль. Каждый воин, отправляясь в поход, должен был взять с собой 3 или 4 лошади, которых до похода старались не утомлять верховой ездой. Одна из них была предназначена для воина-всадника, другие — для подвозки груза — снаряжения и продуктов, необходимых в пути.[6]

---

[1] Подробно о тюленгутах см. в гл. I, разд.: «Социальные отношения».

[2] «Памятники Сибирской истории XVIII века», т. II, док. № 41, стр. 157.

[3] ЦГАДА. Ф. «Сношения России с киргиз-кайсаками», «Калмыцкие дела», 1723, д. 3, л. 23.

[4] «Материалы по истории Казахской ССР», т. II, стр. 74. (док. подготов. к печати М. Вяткиным).

[5] А. Добросмыслов. Материалы по истории России, т. I, стр. 9, Оренбург. 1900.

[6] Н. Рычков. Дневные записки путешествия, стр. 22—23; Паллас, указ. соч., стр. 124—125.

Следует отметить и некоторые другие моменты в организации такого войска. Военачальником его был или сам хан, или один из его султанов. Большое войско, совершавшее крупные походы, разделенное на 4 партии (отряды), возглавлялось обычно двумя военачальниками. Но во главе каждой из них могли быть и три представителя из военной знати (батыры), которые участвовали в походе со своим войском.

Хан как вождь ополчения, имел свое ханское знамя. Захват его во время сражения был свидетельством победы.

Ханы и султаны имели свой боевой клич, называемый словом «акар», которого не могли употреблять рядовые воины, составлявшие ополчение.

У каждого рода, участвовавшего в ополчении, было свое боевое знамя. Это знамя в мирное время бережно хранилось. Его вывозили только на войну. У воинов, участвовавших в походах, были кроме того значки, одинакового цвета со знаменем.

Значками служили также платки, ленты и лоскутки материи того же цвета, которые навязывались на руки. По ним отличали свои войска от войска противника.[1]

Вместе с родовым знаменем боевые кличи отмечали и те родовые деления, которые составляло ополчение. Подтверждением этого служит тот факт, что воины одного и того же рода имели свой боевой клич («уран»), которым обычно начинали сражение. Объясняя происхождение слова «уран», Гродеков указывает, что боевой клич состоит из названия предка 7-10-го колена. Кличем служило также имя какого-нибудь аксакала. Существовали общие ураны всех трех жузов, затем ураны каждого отдельного жуза и, наконец, ураны отдельных родов, входящих в состав жузов.[2] Эти ураны закрепляли боевую солидарность отдельных родов. В ответственные моменты межплеменных войн (например, в борьбе с Джунгарией) и определялась роль военачальника (хана) как племенного вождя, который должен был сплотить родовое ополчение и быть примером личной отваги. Но эта сторона ханской власти выступала на первый план лишь в чрезвычайных обстоятельствах. «Хан оказывался нужным, — пишет П. Румянцев, — а потому влиятельным и властным только в случаях крупных военных предприятий... Тогда хан объединял под своей властью массы народа».[3]

---

[1] Левшин, указ. соч., ч. III, стр. 51.

[2] Общий уран Младшего жуза, по Торгаю—Устаны; по Александрову—Тулпар; Среднего—Кундузи; Старшего—Бухари. Боевые кличи Младшего жуза, рода Шекты—Аиртау, рода Тама—Карабура, рода Сунак—Ходжа-Ахмет и др. Среднего жуза, рода Кыпчак—Уйвас, Нейман—Каптагай и др. (Гродеков, указ. соч., стр. 1—4, приложение № 1).

[3] П. Румянцев. Киргизский народ в прошлом и настоящем. СПб., 1910, стр. 19.

Анализ «сказок» 40-х годов как одного из источников, в котором отражены различные моменты социальных отношений, дал возможность Вяткину[1] установить различные стороны вассальных отношений: право распоряжения кочевьями, обязательство вассала охранять имущественные интересы своего владельца, право султанов и старшин участвовать в общественных доходах хана и др.

В некоторые моменты совершенно определенно выступают отношения патриархально-родовые, которые используются как орудие феодальной борьбы. Требование мести за убийство Абулхаира не случайно обращено его сыном султаном Нуралы к биям и батырям Алчинского рода. Нуралы рассчитывал в этом случае на старые связи ханского дома с алчинцами, о чем вспоминает и ханша Попай, требуя у Неплюева военной помощи для наказания Барака. С другой стороны, для 30-х годов, когда особенно ярко выступает роль отдельных представителей казахского батырства, было характерно обращение хана к посредничеству этих крупных представителей родовой знати. Абулхаир обращается к советам и помощи Букенбая не только в трудных случаях своих взаимоотношений с враждебной ему феодальной группировкой, но и в дипломатических сношениях с ханом Среднего жуза и с Хивинским владением.

Эти факты приводят нас к изучению феодального права в области управления. Оно выступает наиболее ярко в тех институтах, которые в источниках называются «советом старшин», «собраниями старшин» и «народными собраниями».

Мы рассмотрим основные политические институты, которые играли крупную роль в жизни казахского общества. Совет биев[2] (диван), состоявший из нескольких знатных биев, представлял собой совещательный орган при хане и, повидимому, имел такое же значение, как феодальная курия. Более определенно выступает роль и компетенция этого органа при хане Тауке. Этот совет состоял из семи знатных биев. Предание приписывает им участие в составлении так называемых «законов Тауке». Но законодательные функции совета биев были вообще очень ограничены, поскольку хозяйственная и политическая жизнь казахского общества регулировалась нормами неписанного обычного права (адата). Значительно шире его функции как органа, которому принадлежит феодальное право совета, которое выражалось, прежде всего, в том, что хан без совета старшин не мог вынести ни одного решения. Совершенно определенно такое положение было сформулировано 10 октября 1731 года на собрании стар-

[1] М. Вяткин. «Сказки» XVIII века, как источник для истории Казахстана. «Проблемы источниковедения». М.—Л. 1940, стр. 56—57.

[2] Совет биев как постоянно действующее учреждение существовал в годы правления хана Тауке.

шин, которые напомнили Абулахаиру, что «из древних лет иместца обычай, что хан без совета старшин ничего не повинен чинить».[1] Этим своим правом старшины очень дорожили. Одной из причин возмущения против Абулхаира значительной части старшин было то обстоятельство, что он решил принять подданство России без их согласия. Напротив, прочность социальной базы Тауке была в значительной степени обусловлена согласованностью его решений с мнениями старшин. Более широкими по составу были собрания старшин. Они созывались как по инициативе хана, так и по желанию старшин, смотря по тому, какой вопрос должен был обсуждаться. Последним определялся количественный и социальный состав участников собрания, поскольку в нем могли участвовать не только знатные старшины, но и, так называемые, старшины «мелкой статьи».[2] Кроме того, на более широких собраниях, созываемых по инициативе хана, присутствовали обычно сам хан и его султаны. Одним из таких собраний было, например, собрание старшин, о котором рассказывается в «сказке» посланных в 1746 году в казахские владения татар И. Токметева и М. Анчухина. Это собрание было созвано Абулхаиром, по настойчивым требованиям его сына султана Нуралы, батыра Букенбая и тархана Джаныбека для разрешения вопроса об отпуске задержанного переводчика Араслана. Интересно то, что хан категорически отказался сам разрешить этот вопрос, заявив Нуралы, «чтоб он тем ему не докучал» и «что он будет о том советовать по перекочевке на другое место, вниз по реке Игризу, чего для нарочно собирает биев и старшин, к чему б и он, султан, приезжал». Из этой же «сказки» видно, что Абулхаир осуществил свое намерение, откочевав к низовьям Иргиза, после чего «биев и многих знатных старшин збирал. И в седьмой день по собрании совет имел».[3]

Собрания старшин могли быть более узкими и конспиративными, в зависимости от остроты вопроса, и если он требовал немедленного решения. Вопрос об убийстве Тевкелева и хана был решен в узком кругу наиболее враждебной части старшин. Классовый характер таких собраний выступал очень отчетливо. Здесь выявлялись злободневные интересы отдельных социальных прослоек.

Таков был состав участников старшинских собраний. Ядро их составляли наиболее влиятельные старшины, бии и батыры. Собрания созывались нередко по инициативе биев. Биям принадлежало право совета. Они могли предъявить обвинение хану и призвать его к ответу, если он игнорировал или

---

[1] «Журнал» Тевкелева, л. 24.
[2] «Журнал» Тевкелева, л. 65.
[3] ЦГАДА. «Киргиз-кайсацкие дела», 1746, д. 3, л. 97

нарушал это право. Они могли чинить допросы, вызвав на собрание прибывшего к хану посла, если его приезд почему-либо оказался для них неприемлемым. Так, например, на собрании 10 октября 1731 года старшины, требуя от Тевкелева объяснения причин его приезда к хану, допрашивали его «с яростью и гневом» и грозили убить.[1] Их голоса давали направление ходу собрания и определяли его решения.

Роль их была активна и в выборах хана. Но это ядро не было достаточно сплоченным в своих интересах, что особенно характерно для собраний старшин в 30-х годах. «Журнал» Тевкелева достаточно ярко говорит о борьбе двух враждующих партий — «ханской» и «противниной».

Активным элементом той и другой партии являются знатные старшины.

В некоторых собраниях тех же 30-х годов проявляли активность старшины менее знатные и менее влиятельные, которых Тевкелев называет старшинами «мелкой статьи». Повидимому, роль их в собраниях во время пребывания в Младшем жузе Тевкелева была довольно значительна, судя по тому, что резкая оппозиция их выявилась и на широком собрании старшин в присутствии самого Тевкелева. Остается, однако, неясным, возможно ли было их участие в других старшинских собраниях, и какова была в таких случаях роль их. По другим источникам эти вопросы не прослеживаются.

Лишь отдельные указания источников говорят о том, какова была роль хана на собраниях старшин. Хан вправе собрать старшин, особенно в тех случаях, когда требуется серьезное решение по важному внешнеполитическому вопросу (например, собрание старшин в 1693 году, созванное Тауке в связи с прибытием к нему русских послов, когда нужно было решить вопрос «быть в миру» с Россией или воевать с нею,[2] регулярные осенние собрания старшин при хане Тауке;[3] собрание старшин, созванное Абулхаиром в ноябре 1746 года и др.). Роль хана на этих собраниях была обусловлена феодальным правом совета, которое для него является обязательным, поскольку оно закреплено обычаем и исторической действительностью. Только при условии согласованности его решений с решениями старшин, хан мог рассчитывать на более прочные отношения тех, которые могли укрепить его власть, если она была недостаточно аторитетна и устойчива. Хан не был постоянным участником старшинских собраний. Его участие отмечено в тех случаях, когда собрание созы-

---

[1] «Журнал» Тевкелева, л. 24.

[2] ДАИ, т. X, док. № 80, XIII, стр. 380.

[3] Одно из постановлений Тауке гласит: «Чтобы сам хан, равно как и все султаны, старейшины и правители родов собирались осенью в одно место, в средине степи для рассуждения о делах народных».

валось по инициативе хана и когда оно являлось более широким.

Менее ясна роль султанов на этих собраниях, хотя некоторые указания источников говорят о том, что и султаны являлись их участниками. Участие султанов отмечено в тех собраниях, на которых совершались выборы хана, где один из султанов должен был получить ханское звание. Султаны участвовали и в широких собраниях, которые устраивались в мае. Хан Среднего жуза Семеке по возвращении своем из похода на ойротов обещал встретиться с Тевкелевым на собрании в мае, где должны были быть ханы, султаны и все старшины. [1]

В некоторых случаях отмечены активные выступления султанов на собраниях старшин. Так, например, в «сказке» башкирца Тюкана Балтасева говорится о том, что на собрании старшин Среднего жуза в 1741 году после разгрома его Джунгарией выступил султан Барак, пытавшийся убедить старшин, что «сколько до сего при российской стороне они не находились, то от оной не только никакого озлобления не видали..., и жили во всяком покое и по своей воле, а к зюнгорской стороне не успели еще и пристать, то видите, какое от них благополучие является». [2] Султану Аблаю удалось убедить собравшихся в 1744 году старшин и батыров в том, что не следует ходить на русские пограничные слободы, и отклонить их от намеченного крупного похода в количестве двух тысяч человек. Значительно позднее, в 1803 году на собрании султанов, старшин и биев состоялся так называемый «обет» об уничтожении барымты. [3]

Таким образом, состав участников собраний старшин является непостоянным и неоднородным. Более устойчивым был, повидимому, состав тех регулярных собраний, которые созывались в годы ханства Тауке.

Круг вопросов, для обсуждения которых собирались старшины, был довольно разнообразен. На широких собраниях с участием хана обсуждались вопросы войны и мира. Такие собрания созывались в связи с осложнением внешнеполитической обстановки или в тех случаях, когда предполагалось совершить крупный поход (например, на собрании старшин в 1728 году решено было отправиться в поход на калмыцких тайшей). [4]

С вопросами внешнеполитическими были связаны вопросы об отправлении послов с какими-либо поручениями или об

---

[1] «Журнал» Тевкелева, л. 57.

[2] ЦГАДА. «Киргиз-кайсацкие дела», 1745. д. 7, лл. 6—7.

[3] «Материалы по истории Казахской ССР, т. IV. М.—Л. 1940, стр. 213—217.

[4] ЦГАДА. «Киргиз-кайсацкие дела», 1728, д. без №, л. 3.

отпуске послов, задержанных по разным причинам. На собраниях старшин в 1732 году неоднократно обсуждалось настойчивое требование Тевкелева о возвращении в Россию и об отъезде его конвоя в Уфу. Категорический отказ старшин отпустить Тевкелева был вызван опасением, как бы не пришли русские «воевать» их. Вопрос об отпуске посла Арслана стоял и на собрании старшин, созванном Абулхаиром в ноябре 1746 года.

На собраниях старшин обсуждался также размен пленных. Тевкелев неоднократно говорит об этом, называя такие собрания «конференциями о полонениках», где старшины требовали, чтобы пленных как русских, так и казахов «положа цену, отдавать на выкуп». [1]

Собрания старшин выносили свои решения и по вопросу о смене аманатов (заложников). Когда в 1744 году из джунгарского плена вернулся султан Аблай, то «на совете обще положили, дабы будущею веснею Баракова сына Шигая солтана к Галдан Чирину (Галдан-Церену) в аманаты отдать и тем Абулмамбетова сына сменить». [2] Отправление аманатов и смена их интересовали и старшин, которые также посылались в аманаты. Абулхаир, обещая императрице посылать ежегодно по одному своему сыну, писал: «Очень бы хорошо было, ково из своих племянников с ево сыном послать, а из доброжелательных старшин, кто доброе намерение имеет, тот сам или из детей своих отправит».

Регулярные собрания старшин созывались в определенные месяцы ежегодно: весной, в мае, и осенью, в октябре и ноябре. Эти сроки были связаны с перекочевками на летние и зимние стоянки. Тевкелев писал в 1732 году: «А в мае месяце всегда у них живет собрание, где будут ханы, салтаны и знатная старшина». [3]

Ежегодные майские собрания старшин, которые называются в источниках «собраниями всенародными», «народными зборами», были многолюдными по своему составу, являясь собраниями всего жуза. В собраниях всего жуза участвовали хан, султаны и старшины. Однако мы не имеем указаний в источниках о том, какова была роль народа в них. Имеются сведения, что собрания в мае не созывались в тех случаях, когда грозила опасность от внешнего врага. Приехавший к Тевкелеву 21 мая 1732 года Чакчак Букенбай-батыр звал его с собой в Средний жуз, сообщив, что «ныне у них собрание всенародное не будет, для того, что Средняя орда получила ведомость: от хонтайши идет на них

---

[1] «Журнал» Тевкелева, лл. 118—119.
[2] ЦГАДА. «Киргиз-кайсацкие дела», 1743, д. 3, л. 124.
[3] Там же, стр. 202.

войско, и для такой причины всякой будет свой улус беречь».[1]

На майских собраниях обсуждались вопросы обороны от врага и крупные походы. 20 мая 1744 года на «народный збор» был вызван капитан Гладышев, где старшины предупредили его о том, что «ныне ехать в Каракалпаки не можно, до того, пока... мы их, каракалпак, не приведем совершенно в чювство».[2] Полковник Кошелев в 1732 году намерен был представить майскому собранию старшин «реэстр о набегах воровских киргиз-кайсаков, которые учинили башкирцам обиды», в расчете на то, что по этому вопросу собрание выскажет надлежащее решение и взыщет за «обиды».[3] Таким образом, в компетенции майских собраний, повидимому, были и вопросы урегулирования межплеменных взаимоотношений. Регулярными были и осенние собрания, которые установились в годы ханства Тауке.

Еще более широкими по своему составу были объединенные собрания трех жузов. По сведениям бия Султана и Халбия, все три жуза собирались ежегодно для совещания (маслагат) на холме Мартубе (в горах около Сайрама). Здесь обсуждали, «где зимовать, где летовать, как достигнуть спокойствия и как воевать». Бий Султан утверждал, что эти собрания не изменяли обычаев. До нового собрания жузов решения последнего не нарушались.[4] В 30-х годах только Младший и Средний жузы устраивали такие объединенные собрания. Старший жуз не принимал в них участия по причине большой удаленности его кочевий.

В источниках имеются некоторые указания, кто участвовал в таких съездах. Очень показательным в этом отношении является собрание Младшего и Среднего жузов в ставке Абулхаира в 1748 году по вопросу о возврате русских пленных, о котором подробно рассказано в «сказке» сакмарского казака Кубека.[5] В этом собрании принимали участие все наиболее влиятельные старшины Младшего и Среднего жузов, причем отмечено, что «тех старшин было немалое число». Письмо Тевкелева было оглашено «при всех киргисцах». Остается, однако, неясным, кого разумел Кубек под этими «киргисцами». Абулхаир потребовал, чтобы старшины, выслушав письмо Тевкелева, «немедленно собрались и советовали... и на чем положат, к нему б пришли и докладывали».

---

[1] «Журнал» Тевкелева, л. 87.

[2] ЦГАДА «Киргиз-кайсацкие дела», 1744, д. 4. «Журнал» кап. Гладышева, 1744 г., марта 15 — мая 20.

[3] ЦГАДА. «Киргиз-кайсацкие дела», 1732, д. 1, л. 109. Письмо Тевкелева от 28 мая 1732 года.

[4] Городеков, указ. соч., стр. 25.

[5] ЦГАДА. «Киргиз-кайсацкие дела», 1748, д. 3, лл. 128—131. Рапорт переводчика Гуляева оренбург. губ-ру Неплюеву, 14 янв. 1750 года.

Здесь, повидимому, имеется в виду вошедший в быт и закрепленный обычаем совет старшин, который, обсудив вопрос, должен был доложить о своем решении хану на более широком собрании при участии «всех киргисцев».

«Сказка» Кубека очень интересна как редкий источник, где освещается самый процесс принятия решений. Интересен и другой момент. В этом собрании вместе с ханом участвует и жена его, ханша Попай, причем ей принадлежит здесь активная роль. Кубек довольно подробно рассказывает о выступлении ханши на собрании. И это не единственный случай активного участия Попай в собраниях старшин. В «сказке» сообщается о том, что на большом собрании в 1747 году у ханши Попай собрались все старшины Среднего и Младшего жузов, которые советовали выдать одну из ее дочерей замуж за джунгарского хун-тайджи, чтобы таким образом укрепиться в Туркестанском владении. Но это желание старшин не встретило сочувствия у ханши, несмотря на то, что сам хан согласился с советом старшин. Ханша со своей стороны говорила, что «в сторону Джунгарии и к Туркестану ехать от такого довольственного кочевья и думать не надлежало», и предлагала старшинам просить о построении города у реки Илек. Авторитет ханши, очевидно, был достаточно высок, если старшины заявили ей, что «они и это исполнять будут». [1]

Объединенные собрания жузов созывались для обсуждения различных вопросов, требующих общих решений. Так, одно из решений вышеуказанного собрания Младшего и Среднего жузов заключалось в том, чтобы пленных как русских, так и калмыцких отдать. Если кто-либо будет противиться, у того «всем миром взять насильно» и возвратить их Тевкелеву. На этом же собрании было решено «содержащегося в аманатах сына Абулхаира Коз-Ахмета заменить другим его сыном Айчуваком, причем намечено было с этой целью отправить хана и многих старшин к Тевкелеву в Оренбургскую крепость. Кубек сообщает о том, что несколько дней спустя состоялось и второе, еще более многолюдное собрание, в котором участвовали батыры Букенбай и Джаныбек. «И в том совете, — говорит Кубек, — Средней орды дела исправлять положили на Джаныбек-тархана». Таким образом

---

[1] Этим не исчерпывается активная роль ханши Попай. Позднее, после смерти хана Абулхаира, она ведет переписку с оренбург. губ-ром Неплюевым и в одном из писем своих от 23 авг. 1748 года настойчиво требует посылки военных отрядов для преследования и наказания убийцы хана — султана Барака. (Витевский, указ. соч., т. III, стр. 718). В источниках отмечена политическая роль и другой ханши — Султан-Нагир-ханым, жены Касима. Моголистанский историк Мухаммед-Хайдар рассказывает об успешном ее посредничестве в примирении хана Тагира с моголистанским ханом Султан-Саидом. (Вельяминов-Зернов, указ. соч., ч. II, стр. 193—197).

собрание двух жузов определило свою роль и в выполнении решений.

Самый факт существования объединенных съездов Младшего и Среднего жузов свидетельствует об их хозяйственно-политических связях и об оторванности в этом отношении Старшего. Но связи эти существовали, видимо, до тех пор, пока серьезные внешнеполитические события, а также внутренние процессы не порвали их, сделав жизнь Старшего жуза обособленной. Об этой прошлой общей жизни трех жузов и говорят Султан-бий и Хал-бий, вспоминая о ежегодных собраниях в горах Сайрама.

Самым широким по своему составу было так называемое «великое собрание», которое в русских источниках называется также сеймом. Оно созывалось в исключительных случаях — во время серьезных осложнений внешнеполитической обстановки, когда требовалось избрание вождя и решительный отпор врагу. Такое собрание было созвано в «годы великого бедствия» для избрания Абулхаира предводителем объединенного ополчения трех жузов. «Если они (казахи — Н. А.) хотят итти сильными партиями, — пишет Паллас, — или действительно настанет война, то бывают у них большие собрания для совета и выбирают одного из старшин или начальников себе предводителем».[1]

Некоторые интересные детали о таких собраниях сообщает Левшин. При обсуждении вопросов, относящихся к хозяйственно-политической жизни всех жузов, «они принимают вид сеймов». В них участвовали родоначальники, все старшины и батыры, которые обсуждали свои дела в присутствии народа. В течение нескольких дней происходили совещания, протекавшие в спорах и обсуждениях. После долгих прений составлялось «общее положение», которое объявляли присутствующему на собрании народу. Собрание не выносило никакого решения, когда разногласия приводили к ссорам. Тогда разъезжались по домам, «не сделав ничего кроме шума».[2]

Когда нужно было решать вопрос, связанный с вассальным владением, хан созывал собрание старшин этого владения. В 1742 году Абулхаир созвал собрание каракалпакских старшин для разрешения вопроса о месте построения города на Сыр-Дарье. В докладной записке Гладышева говорится, что старшины, согласившись с желанием хана, положились на его волю. «А после того,—пишет Гладышев, — говорили меж собою, что когда российское войско сюда прибудет и будет оного мало, то они свое разведут по местам и там же побьют. Буде же оного будет много, то они оттуда уйдут».[3]

---

[1] Паллас, указ. соч., ч. I, стр. 579.
[2] Левшин, указ. соч., ч. III, стр. 169.
[3] ЦГАДА. «Киргиз-кайсацкие дела», 1742, л. 4, л. 13.

В наших источниках мы не имеем сведений о межплеменных собраниях — курултаях. Межплеменные вопросы в политической жизни XVIII века обычно разрешались крупными военными походами, которые предварительно обсуждались на «сейме», а также набегами и барымтой.

Широкие собрания и съезды происходили в ханской ставке около ханской кибитки или в степи на перекочевке.[1] По маловажным делам созывались собрания в аулах и аймаках. Некоторые собрания проводились в мечети в гор. Туркестане.[2] После принятия российского подданства они устраивались также в Оренбурге, перед мечетью около менового двора.

Яркий материал о собраниях старшин 30-х годов дает «Журнал» Тевкелева. Главными вопросами этих собраний, как увидим ниже, был вопрос российского подданства и отпуск в Россию царского посла Тевкелева. Созывались они обычно по инициативе старшин, по вызову которых присутствовал на них и хан.

Зависимость хана от собраний старшин, определявших его решения, широкая компетенция и активная роль их в феодальной борьбе говорят о крупном значении этих собраний в политической жизни казахского общества XVIII века.

Следует отметить, однако, что совет биев при хане, который имел такое же значение, как феодальная курия, уже не играл той роли, какую завоевали себе собрания старшин. Мы не имеем указаний о постоянном совете в правление Абулхаира. Но крупная политическая роль таких советчиков хана, как Букенбай, Есет, Худай Назар мурза, а позднее и Джаныбек, выступает совершенно определенно.

С этим узким кругом батырской группы согласованы решения и действия хана.

Оживление в 30-х годах собраний, которые носят эпизодический характер, в противоположность регулярным осенним собраниям при Тауке, объясняется условиями феодальной борьбы и сложностью внешнеполитической ситуации в связи с назревшим вопросом принятия российского подданства. Самый характер этих собраний, с резкой оппозицией против хана, говорит об ослаблении его связей с широким кругом старшин.

Конкретная обстановка собраний старшин показывает, какую крупную роль играли они в политическом строе Казахстана первой половины XVIII века, особенно в 30-х годах, и как определялось ими положение ханской власти. Но это только одна сторона вопроса. Институты биев первой полови-

---

[1] Собрание старшин по вопросу об отпуске посла. ЦГАДА. «Киргиз-кайсацкие дела», 1746, д. 3, л. 97.

[2] Собрание по вопросу о замещении владения Абулмамбетом или Сеитом в начале 40-х годов XVIII века. (Там же, 1744, д. 4, л. 107).

ны XVIII века представляют собой пример того, как в процессе усиления политической роли их используются патриархально-родовые пережитки.

Следует, прежде всего, отметить, что в них выступают традиции родового старейшинства. Об этом говорит представительство на народных собраниях родовыми старшинами и, например, тот факт, что на собраниях бии одного рода, окруженные сородичами, держались совместно. Звание аксакала продолжало считаться почетным так же, как и старшинство возраста. Но наряду с этим старшина как родоправитель должен был иметь, по словам Мейендорфа, состояние и многочисленную семью (связи с многочисленным родом). Нужно было два этих условия и крепкий ум, чтобы управлять народом».[1] Связи со знатными родами определяют и выборы старшин в управители родов, причем традиции родового старейшинства используются как средство для укрепления политической власти и феодальных прав их. Таким образом, совет и собрания старшин превращаются в органы власти патриархально-феодальной знати, где представители ее используют свое положение, воздействуя определенным образом на решения собраний. «Во время бывших народных сеймов, — пишет Мейер, — первородство алимулинцев строго соблюдалось. Их мнение и приговоры были обязательны для байулинцев и семиродцев, но не наоборот: на приговор бия семиродского или байулинского в частном деле можно было апеллировать бию алимулинскому, и он имел право уничтожить приговор».[2] В то же время отношения с ханом и султанами представителей родовой знати дают основание расценивать политическую роль институтов бийства как крупного звена в системе патриархально-феодальной власти.

Что представляли собой так называемые «народные собрания»? Этот вопрос сводится к тому, какую роль играл народ в выборах и в смене представителей власти — хана, султанов и старшин.

Конкретная история выборов хана в присутствии народа, о чем говорилось выше, показывает, как устойчив был этот пережиток родовой демократии в политическом строе казахских жузов XVIII века. Но следует заметить, что роль народа в этих собраниях по существу была изолирована классовой солидарностью биев с представителями «белой кости», которые допускали лишь пассивное участие народа в выборах хана, собирая толпы любопытных, где могли раздаваться только неорганизованные голоса недовольства или одобрения.

Но это положение, с другой стороны, укрепляло ту «вольность» народа, которая являлась объектом недовольства са-

[1] Meyendorff, указ. соч., стр. 48—49.

[2] Л. Мейер. Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб. 1865, стр. 4.

мих ханов. Абулхаир, жалуясь на неустойчивое положение своей власти, говорил, что он «имя только носит ханское, а воли над подданными не имеет». Источники неоднократно говорят о том, как условно было воздействие власти в том случае, если она почему-либо не соответствовала желаниям народа.

При таком положении не в интересах бийства был полный отрыв от народных масс, тем более, что выборы биев еще не утратили своего реального значения. В этих случаях сохранял свою устойчивость и пережиток родовой демократии, как одно из явлений неписанного адата и патриархально-родового быта. Принцип выборности имел место и в отношении биев, ведущих судебное разбирательство. В конкретной действительности этот принцип сосредотачивал и закреплял судебные функции в руках тех представителей родовой знати, которые могли защищать интересы своих сородичей, причем здесь открывались широкие возможности для всякого рода злоупотреблений (взятки, подкупы, «подарки»).

В заключение остановимся на других сторонах компетенции биев. Некоторые законодательные функции их были отмечены выше. По преданию, в годы Тауке семь биев постоянного совета составили «законы семи судей», известные в истории под именем «законов Тауке».

Деятельность старейшин (аксакалов), биев и батыров тесно связана с их дипломатическими функциями. Они фигурируют в роли послов во взаимоотношениях между жузами, со среднеазиатскими владениями, выполняют различные дипломатические поручения, сопровождая султанов, отправляющихся в качестве послов в Россию. Султанов Нуралы и Эралы, отправленных в Оренбург на свидание с Урусовым, сопровождали 75 старшин, в числе их были и батыры Букенбай и Джаныбек, которые на приемах у Урусова вели с ним официальные переговоры о караванной торговле и об участии в ней султанов и старшин.[1]

Особенно оживилась дипломатическая деятельность в 30-х годах XVIII века в связи с принятием российского подданства. Букенбай, Есет и другие батыры их круга ведут переговоры по всем вопросам с Тевкелевым, являясь его советчиками. Они играют крупную роль в осуществлении подданства и других владений. Выполняя дипломатические поручения, аксакалы, бии и батыры нередко выступали как представители родов. Сообщая о принятии подданства Средним жузом, хан Кушук в письме своем к Тевкелеву от 20 декабря 1735 года писал: «Послали с пяти родов 5 человек».[2] В качестве послов бии и батыры использовались и ханами и султанами.

---

[1] «Журнал» Урусова, 1740, д. 8. ЦГАДА. «Киргиз-кайсацкие дела».
[2] ЦГАДА. «Киргиз-кайсацкие дела», 1735, д. 2, лл. 5 — 6.

Прямой обязанностью биев была их административная и судебная деятельность. Бии являлись, прежде всего, управителями подвластных им родов (старшинами). Броневский писал об этом следующее: «Аул или род составляет как бы одно семейство, дети и ближние родственники суть подчиненные бия — старейшине в роде. Роды таковые бывают иногда довольно многочисленны». [1]

Усиление политической роли батыров было связано с расширением их феодальных прав. Некоторые батыры (Букенбай, Есет, Джаныбек и др.) стояли во главе крупных родов.

Интерпретируя сведения Броневского, К. Леонтьев указывает на то, что следует различать биев мелких, начальствовавших над аулами (аульные бии), и родовых биев, управлявших целым родом. Сведения, полученные Леонтьевым путем личных опросов, устанавливают, что аульные бии избирались аксакалами своего отделения или аула, родовые же бии выбирались биями аулов, обычно из родственников умершего бия. [2] Имеются указания на то, что ранее существовал так называемый «ордынский бий». Последним из таких биев в Среднем жузе был Теленчи, умерший, повидимому, в 20-х годах XIX века. [3]

В роли ордынских биев выступали в годы ханства Тауке три знатных бия, которых он назначал управителями трех жузов. Званием ордынского бия в Старшем жузе был наделен наместник хана Жолбарса Толе-бий Алибеков.

Изучение институтов бийства показывает, что постоянный совет биев и собрания старшин являлись органами власти патриархально-феодальной знати. Об этом свидетельствует: 1) состав их (бии в постоянном совете при Тауке, бии, батыры, аксакалы в собраниях старшин); 2) традиции родового старейшинства (роль аксакалов в собраниях старшин) и 3) значение патриархально-родовых пережитков в них (связи с крупными родами, старшинство возраста и пр.).

Усиление политической роли представителей патриархально-феодальной знати было обусловлено укреплением их социально-экономического положения и их феодальных прав.

В первой половине XVIII века устойчиво сохраняется право совета биев. От него зависели решения хана. Нарушение этого права явилось поводом конфликта Абулхаира с бийством в 30-х годах. В годы ханства Тауке бии получили и законодательные функции в постоянном совете. Вместе с объединением некоторых родов расширялись и функции их управителей. В качестве управителей крупными родами (старшин) бии расширяли и свои судебные функции.

[1] Броневский. «Отеч. записки», 1830, ч. 42, № 120, стр. 91.

[2] К. Леонтьев. Обычное право киргиз. «Юридический вестник», 1890, т. V, кн. 1—2, стр. 118.

[3] Там же, стр. 119.

Усиление политической роли биев и батыров было связано и с общим процессом феодализации, в ходе которого развивались тенденции к хозяйственному и политическому обособлению. Начала государственности казахских жузов развивались на базе отсталого натурального хозяйства при низком уровне экономики.

В условиях феодальной борьбы и неустойчивости ханской власти усиливается процесс феодальной раздробленности. Эти условия не могли создать крепкого централизованного государства.

Тормозом в развитии государственности казахских жузов была также патриархально-феодальная организация их. В частности, органы власти патриархально-феодальной знати (институты биев) были тем пережитком, который препятствовал централизации власти. Эти пережитки мешали и созданию прочного государственного аппарата.

ПОЛОЖЕНИЕ ХАНСКОЙ ВЛАСТИ

Тауке

Одна из задач нашего исследования — показать внутриполитическую обстановку Казахстана первой половины XVIII века. Это связано с изучением основной темы присоединения Казахстана к России, предпосылки которого обозначались в социально-политической жизни казахских жузов в 30-х годах XVIII века.

Здесь мы рассмотрим основные черты политического строя в правление Тауке и Абулхаира. Содержание первого раздела главы составляют вопросы внутренней политики Тауке, характеризующие один из этапов в развитии казахской государственности. Во втором разделе ее рассматриваются положение ханской власти и главные моменты внутренней политики Абулхаира.

Время Тауке очень слабо освещено в исторической литературе. В источниках, в частности в таком большом архивном собрании, как «Киргиз-кайсацкие дела»,[1] мы не имеем ни одного документа, связанного с именем Тауке. Так называемые «законы Тауке» («жеты-жарга» — законы семи судей), представляющие собой кодификацию обычного права, дошли до нас лишь в переводах и отрывочных записях, сделанных в начале XIX века со слов казахских биев.[2]

---

[1] ЦГАДА. Ф. «Сношения России с киргиз-кайсаками».

[2] Отрывочные записи законов Тауке вошли в отдельные сборники обычного права казахов: П. Маковецкий. Материалы для изучения юридических обычаев киргизов, вып. I. Омск. 1886; Д. Самоквасов. Сборник обычного права сибирских инородцев. Варшава. 1876; Н. Гродеков. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области, т. I. Юридический быт. Ташкент. 1889. Левшин, указ. соч., ч. III, стр. 170—177.

Между тем время Тауке — один из наиболее интересных периодов истории казахского народа, чрезвычайно важный для понимания целого ряда существенных сторон истории Казахстана первой половины XVIII века.

В наших источниках мы не имеем никаких указаний на то, в какой обстановке произошло избрание Тауке. Генеалогия Тауке не могла возбуждать сомнений, поскольку он должен был стать преемником своего отца хана Джангира, одного из представителей старшего ханского рода, достаточно упрочившего свое положение. Выборы Тауке при этих условиях могли быть торжественным признанием наследственной власти хана, узаконенной обычаем и исторической традицией. Но этот династический момент еще не мог до конца обеспечить прочное положение ханской власти Тауке. Эта власть должна была окрепнуть в условиях феодальной раздробленности, где могли быть центробежные стремления султанов и биев.

Мы попытаемся показать социальную базу ханской власти Тауке и его взаимоотношения, прежде всего с биями.

Занимая положение старшего хана, Тауке так же, как и его отец хан Джангир, жил в Туркестане. В первые годы своего правления Тауке, очевидно, владел Ташкентом. По свидетельству бухарского историка Мухаммед-Эмина, включившего в свою историю краткий очерк жизни и деятельности хана Субхан-Кулия, последний в 1678 году посылал Хошика-бия в Ташкент дли свидания и переговоров с ханом Тауке.[1]

Русский казак Кобяков, посланный из Тобольска боярином С. Салтыковым к Тауке для выяснения причин набегов казахов на слободы Тобольского уезда, в своих «распросных речах» в Сибирском приказе рассказал о том, что у хана Тауке «под владением... казачьих городов 25, в которых живут торговые бухарцы». При этом Кобяков отметил: «А городы у них, Тевкихана, все сделаны из сырого кирпичю... А всего их, воинских людей, будет с 20.000 человек, да каракалпаков 6.000 человек, которые кочуют по Сыру реке... А хлеб у Тевкихана родитца многое число, пшеница и ячмень и проса... А рогатова скота и коров у них, казахов, нет, и баранов, и овец, и лошадей, многое число. а питаютца скотом».[2] Интересны некоторые детали в этой характеристике владений Тауке, в частности сведения о количестве воинских людей. Пользуясь привычной русской терминологией, Кобяков, к сожалению, не показывает социального положения тех, кого он называет воинскими людьми. В массе своей это, очевидно, боеспособная часть родового

---

[1] Вельяминов-Зернов, указ. соч., т. II, стр. 379—380.
[2] ДАИ, т. X, док. № 80, XIV, стр. 389 — 390.

ополчения, имевшая оружие и изготовлявшая боеприпасы (порох) своими средствами. Кобяков сообщает о том, что «большого ружья, пушек, и иных в городках у Казачьей орды нет, а мелкого ружья доброго многое число. И то ружье они, каракалпаки, и Казачьей орды люди покупают в Бухаре, а порох делают у себя в городах». Казак Сартов в своих распросных речах также отметил, что свинец и порох казахи покупают в городе Теркестане.[1] Сведения Кобякова о воинских людях подтверждаются Скибиным и Трошиным

Пробираясь к Туркестану в улусы Тауке, они идут «тайной дорогою, чтоб в улусах не быть и на воинских людей не наехать», однако два раза подвергаются преследованиям воинских людей, сначала у Ишимского брода, а затем в районе реки Сары-Су. (Скибиным отмечен также караул на пути через реку Чу, у выхода на калмыцкую дорогу). В военной схватке с ними царские послы, дойдя «отходным боем» до реки Сары-Су, вынуждены были укрепиться в засаде. «И те воинские люди нам говорили, — рассказывает Скибин, — им де то не дорого, что пожитки наши и скот они пограбили, надобны им головы наши».[2]

Расположение кочевий воинских людей вблизи городов и в улусах Тауке может быть объяснено, если учесть ту сложность и напряженность внешнеполитической обстановки, в которой оказалось Казахское ханство в конце XVII и начале XVIII веков (постоянная угроза Джунгарии).

Особенно важно было сосредоточить военные силы на подходах к богатым районам Семиречья, куда направлялся основной натиск джунгар.

К владениям Тауке примыкали кочевья батыров знатных родов. На восток от г. Туркестана, где находилась ханская ставка, между реками Талас и Арыс, по реке Боролдаю и на склонах Каратаусских гор были расположены кочевья Джомарта, одного из крупных батыров поколения Садыр, сильного рода Найман Средного жуза. К югу от Туркестана по реке Чирчику располагались кочевья другого батыра — Борте из рода Найман-Матай.[3] Северо-восточнее реки Чу кочевали Кереи. С этим родом был связан Букенбай, выдвинувшийся в ряды крупных батыров в борьбе с Джунгарией. Мы не имеем прямых указаний в наших источниках в отношении того, где располагались его кочевья в начале 20-х годов.

---

[1] ЦГАДА. «Киргиз-кайсацкие дела», 1733, д. 1. л. 297.

[2] ДАИ, т. X, док. № 80, XIII, стр. 377.

[3] Сборн., посв. В. В. Бартольду. Туркестанские друзья, ученики и почитатели. Ташкент, 1927. (Статья — «Ак-табан-шубрынды», — «Великие бедствия и великие победы казахов», стр. 59).

Связи Букенбая с родом Кереи, кочевавшим по реке Чу (зимние кочевья) и в районе реки Сары-Су (летние кочевья), участие его в съезде в Кара-Кумах в 1710 году дают основание предполагать, что его зимние и летние кочевья располагались в этих районах. Следует отметить также, что летние кочевья Кереи по реке Сары-Су примыкали с запада к кочевьям алимулинцев (рода Алчин). Это обстоятельство могло определить ранние связи Букенбая с Младшим жузом. По реке Чу располагались также кочевья родов Увак и Гирей, о которых Тевкелев отзывался следующим образом: «Увак, Гирей и Тараклы хотя в Средней орде всех родов бессильнее, да всех богатее».[1] Повидимому, желанием усилить их и было вызвано объединение этих родов, сделанное ханом Тауке. Между Сыр-Дарьей и Аму-Дарьей были зимние стоянки Жеты-руу, составившегося из семи родов, также объединенных Тауке. К кочевьям семиродцев примыкали с юга зимние кочевья алчинцев (поколения Байулы), одного из крупных родов Младшего жуза. К сожалению, мы не имеем в наших источниках сведений о том, где были расположены кочевья в борьбе с Джунгарией.[2] И, наконец, к владениям Туркестана примыкали кочевья Старшего жуза. Активное участие в борьбе с Джунгарией одного из батыров рода Ошакты — Сайрыка (родственника батыра Тайлака) свидетельствует о том, что в это время еще существовали политические связи Старшего жуза со Средним. Тевкелев вспоминает, что «в Большой орде... весьма сильный род Конград, и оной род принадлежит к Средней орде, который из давных лет от Средней орды отстал, кочует с Большою ордою вместе и оной род Конград разделяется на девять родов».[3]

Неизвестно точно, когда порвались эти связи. Более поздние данные отмечают летние кочевья рода Конград на востоке, в районе реки Талас,[4] и по реке Арыс — на юго-запад от Чимкента.[5]

В начале XVIII века сильно выросла политическая роль и батыра Есета, возглавлявшего в Младшем жузе объединение Жеты-руу.

---

[1] «Книга Азиатского департамента», № 21, л. 150. «Красный Архив», 1938, № 2 (87), стр. 155—156.

[2] Краткие сведения о батыре Тайлаке как участнике борьбы с Джунгарией имеются в рукописи Гавердовского «Обозрение Киргиз-кайсацких степей» (ЛОИИ, № 34 329, лл. 52—53).

[3] «Книга Азиатского департамента», № 21. «Красный архив», 1938, № 2 (87), стр. 156.

[4] Карта расселения казахских орд. «Материалы по истории Казахской ССР», т. IV. М.—Л. 1940.

[5] Э. Шмидт. Материалы по родовому составу казахского населения юго-западной части Чимкентского уезда. (В сборн., посв. В. В. Бартольду. стр. 301—305).

Окружение Тауке крупными представителями военной знати — батырами — имело большое значение в борьбе Казахского ханства с Джунгарией, так как многие батыры были активными участниками этой борьбы.

Политика Тауке была направлена, прежде всего, на объединение слабых и маловлиятельных родов и увеличение таким образом количества сильных. Это объединение имело своей целью прекратить и межродовые столкновения, выражавшиеся в многочисленных барымтах. Источники совершенно определенно говорят об этом. «Чедтиру (Жеты-руу — Н. А.), т. е. семь родов соединены вместе при Тевкехане по такой причине, что (они — Н. А.)... по одиночке у алчинцов, по их киргис-кайсацкому обычаю, для возвращения своей обиды от них брать баранту были не в состоянии, и всегда они от алчинцов разорены бывали». Поэтому семиродцы просили Тауке, «чтоб их от алчинцов, каким ни есть способом, оборонить».[1]

Столкновения между родами возникали по разным поводам. Это были споры из-за пастбищ, вследствие того, что не были закреплены права отдельных общин на районы кочевий. Они возникали также из-за угона скота, в связи с кровной местью и пр. Эти столкновения отражались на скотоводческом хозяйстве, так как барымта была источником обогащения сильных родов и совершенно расстраивала хозяйство пострадавших от нее.

Мероприятие Тауке, направленное к тому, чтобы прекратить межродовую вражду, должно было ослабить и дробление родов, в процессе которого слабели хозяйственно-политические связи между ними. Укрепить их было очень важно в условиях напряженной внешнеполитической обстановки. Вместе с тем это мероприятие Тауке было одним из средств укрепления социальной базы ханской власти, упрочения связей хана с родами, которые под его покровительством из маловлиятельных превращались в сильные. Однако существовала опасность обособления других родов, окрепших уже давно и не нуждавшихся в покровительстве хана. Центробежные стремления их могли усилиться в процессе феодальной раздробленности. Но в политике Тауке были тенденции, которые способствовали укреплению политических связей.

Крупное значение в этом отношении имели совет биев и регулярные собрания их. Предание говорит о том, что Тауке собрал на урочище Куль-Тобе (Сыр-Дарьинская область) семь биев, в числе которых был влиятельный бий Толе Алибеков. Эти бии соединили старые обычаи ханов Касима и Ишима в новые обычаи, называемые «жеты-жарга» («законы семи

---

[1] «Книга Азиатского департамента», № 21. «Красный архив», 1938, № 2 (87), стр. 154.

судей»). Облеченные в форму кратких изречений и пословиц, они известны в истории как «законы Тауке».

Эти законы явились систематизацией и переработкой адата, сложившегося задолго до Тауке. Изменения, внесенные в старое обычное право казахов законами Тауке, были созданы тем, что это право в условиях развивающейся феодальной экономики уже не разрешало целого ряда вопросов в области социальных отношений. Так, например, охраняя родовую собственность на скот родовыми тамгами, оно не предусматривало охрану развивающейся семейной собственности на скот. В условиях усиления социально-экономического значения биев оно не определяло феодальных прав их.

В годы ханства Тауке совет биев сделался постоянно действующим учреждением. Ему принадлежали совещательные функции — то право совета, согласно которому хан должен был считаться с решениями биев. Таким образом, ограничивалась власть хана. Но в то же время, при условии согласованности решений и действий хана с советом биев, хан мог рассчитывать на их поддержку. Совет биев при Тауке имел и некоторые законодательные функции (участие биев в составлении законов Тауке). Кроме того, в его компетенцию входили судебные дела. Большая часть таких дел решалась биями единолично, но в особо важных случаях, не желая брать на себя ответственности за правильность своего решения, бии представляли свои предложения на одобрение совета в Куль-Тобе.

Каков был состав совета биев? Источники сохранили нам лишь отрывочные сведения по этому вопросу. Так, одним из семи биев совета был Толе Алибеков, участвовавший в составлении «жеты-жарга» и игравший крупную роль при Тауке не только в совете, но и позднее, как один из трех биев, избранных для управления жузами. В Старшем жузе был избран Толе-бий, в Среднем — Казбек-бий, в Младшем — Айтяк-бий.

Таким образом, принцип выборности при хане Тауке еще не утратил своего реального значения.

Позднее Толе-бий сделался наместником хана в Ташкенте, с которым до 1739 года разделял власть. Эти владельцы Ташкента собирали с города ежегодную подать. Башкир Тюкан Балтасев в своей «сказке» характеризует Толе-бия, как одного из крупных феодалов: «Нынешней же весны находящийся в Большой орде знатнейший Тюлябий. . . пребывание свое более в Ташкенте имеет и около оного городки свой заводит».[1] После смерти Жолбарса Толе-бий продолжал управлять Ташкентом до 1749 года, сделав сборщиком податей своего конюха Юнуса Ходжу. Изгнанный затем из Ташкента Кусяк-

[1] ЦГАДА. «Киргиз-кайсацкие дела», 1744, д. 4, лл. 116—123.

беком,[1] он сделал попытку вернуть себе прежнее положение и прислал в Оренбург своих послов с предложением подданства. Имя Казбек-бия также нередко фигурирует в источниках в ряду влиятельных старшин.

Наряду с советом биев, крупную роль в годы ханства Тауке играли «народные собрания».[2] По словам русских послов Скибина, Трошина и Кобякова «декабря в 20 день (1693 г. — Н. А.) призвал к себе Тевкихан Казачьей орды татар лучших людей». В другой раз они рассказывали: «Приезжали к нему, Тевкихану, из ближних его тургустанских (туркестанских — Н. А.) улусов...хожи, и казаки и говорили про Русь». Так царские послы сообщали об участниках собраний. Правда, в их специальной терминологии мы не видим биев и батыров, участие которых в собраниях было обязательным. Кроме того, в них участвовали «лучшие люди» из татар. Говоря о них, Скибин и Трошин, очевидно, имели в виду тех татарских мурз, которые, как увидим ниже, играли крупную роль в улусах Тауке. И, наконец, на собрания приезжали ходжи, представители духовной мусульманской знати.

Собрания созывались по инициативе старшин и хана. Главная роль в собраниях старшин принадлежала представителям родовой знати. В особо острых случаях право совета старшин превращалось в категорическое требование, невыполнение которого повлекло бы за собой резкое обострение их отношений с ханом. Однако старшины не могли предъявить серьезных претензий к Тауке, так как его генеалогия от старшего ханского рода была достаточно упрочена и не вызывала сомнений. К тому же реальное положение Тауке как главного хана никем не оспаривалось.

В то же время и сам Тауке не упускал случая, чтобы подчеркнуть свое ханское достоинство и реальную силу своей власти. Когда на официальном приеме у хана царские послы Скибин и Трошин предложили ему при слушании речи о здоровьи царя снять шапку и последовать таким образом примеру султана турецкого, Тауке заявил: «Турской салтан или кызылбашской шах, чем ево, Тевкихана, выше? Таковы же, что и он».[3]

Собрания старшин в годы ханства Тауке созывались не только в экстренных случаях, когда нужны были конкретные решения по крупным внешнеполитическим вопросам, поставленным самой жизнью. Тауке установил регулярные осенние собрания. Одна из статей его «законов» гласит: «Чтобы сам

---

[1] Левшин предполагает, что Кусяк-бек мог быть одним из наместников джунгарского хун-тайджи Галдан-Церена. (Левшин, указ. соч., ч. II, стр. 80—81).

[2] «Народные собрания» в русских источниках называются собраниями старшин.

[3] ДАИ, т. X, док. № 80, XIII, стр. 379.

хан, равно как и все султаны, старейшины и правители родов, собирались осенью в одно место, в средине степи, для рассуждения о делах народных». Другая статья «законов» требует, чтобы ни один человек не являлся на собрание иначе, как с оружием. Безоружный не имел голоса и младшие могли не уступать ему места.[1] Это постановление, прежде всего, открывало возможность участия в собраниях представителей военной знати (батыров), а также тех воинских людей, которые составляли боеспособную часть населения улусов Тауке, его родовое ополчение. Наличие оружия, дающего право голоса, определяло и активную роль их в этих собраниях. Вместе с тем это мероприятие было смотром военных сил государства.

К сожалению, источники очень скупо говорят о том, как протекали регулярные осенние собрания. В народных преданиях сохранились воспоминания о том, что ежегодно «осенью собирались бии в ставке Тауке — «Ханабад», на холме Куль-Тобе, на левом берегу реки Ангрен, в 40 верстах на юг от Ташкента, где и происходили в течение полумесяца народные собрания. О них говорилось: «Куль-тобенин басында кунде кенес»: т. е. «на Куль-тобе собрания происходят ежедневно». Здесь разрешались вопросы войны и мира, крупные межродовые споры и пр. В этом плане интересны все сведения, которые могли бы осветить обстановку народного собрания в Кара-Кумах, состоявшегося в 1710 году и представлявшего собой одно из знаменательных событий в жизни Казахского государства первой половины XVIII века, так как это собрание было вызвано серьезными осложнениями внешнеполитической обстановки и определило активную роль некоторых батыров в борьбе с Джунгарией.

Некоторые постановления «законов» Тауке имели целью поднять экономическое положение родовой знати. Согласно им, всякий, могущий носить оружие (кроме султанов), ежегодно платил хану и биям подать — одну двадцатую часть своего имущества. Таким образом, было установлено регулярное обложение боеспособной части населения в пользу родовой знати и хана. Введением постоянного налога Тауке намерен был укрепить и органы патриархально-феодальной знати.

Кроме того, «законы Тауке» устанавливали «бийлык» — обязательную судебную пошлину в размере $^1/_{10}$ части суммы иска в пользу бия. В постановлениях Тауке говорится о том, что судить должен или сам хан или бии тех общин, к которым принадлежат истец и ответчик. «Законы Тауке» имели своей целью в таком случае не только поднять экономическое положение биев, но и укрепить их связи с ханом, по-

---

[1] Левшин, указ. соч., ч. III, стр. 177.

сколько судебная функция в отношении одних и тех же родов распространялась и на хана и на бия. Вместе с тем, укрепление судебной власти биев усиливало роль их в общине.

Законодательные постановления и конкретные мероприятия Тауке показывают главное направление политики хана. Она строилась с расчетом — обеспечить прочное положение государственной власти и установить политическое единство Казахского государства.

Крупные представители родовой знати, батыры и бии, разделяющие с ханом законодательные и судебные функции, активно участвовавшие в регулярных собраниях, — это то, что составляло реальную опору государства Тауке, определяя патриархально-феодальный характер его власти. Отсюда стремление Тауке к сохранению прочных связей с представителями родовой знати и к защите их интересов как для укрепления экономического положения их, так и политического значения.

Но в ближайшем окружении Тауке были не только представители родовой знати. Право распоряжения кочевьями открывало широкие возможности для расширения и укрепления связей с султанами. В источниках имеются указания о султанских кочевьях, расположенных в районе Туркестанского владения и в прилегающих районах: «А на тобольской дороге, — сообщает Кобяков, — к Тобольскому ближе, не доезжая до Туркестана за два дни, где живет Тевкихан, — город Сусак. А в том городе живет царевич хана Салтан».[1] Кас-султан является владельцем города Саурана. Скибин называет султанов Аблая и Казея, которые «пошли в русские государства городы с казаками войною». Более поздние данные (1718 г.) говорят о кочевьях Каипа и Абулхаира, а также султана Мамая в Алацких улусах, очевидно, в районе реки Илека, с выходом на Ногайскую дорогу. Отмечаются также кочевья Абулхаира при реке Иргиз.[2] Султан Барак, сын хана Турсуна, был владельцем Икана и других городов за Сыр-Дарьей.[3] В источниках имеются указания о связях султана Барака с родоправителем Среднего жуза бием Казбеком, который кочевал в районе горы Улу-Тау.[4] Отмечаются также связи Барака с султанами Батыром, Абулмамбетом и Аблаем в 20-х годах (кочевья Абулмамбета были в районе г. Туркестана, куда он откоче-

---

[1] ДАИ, т. X, док. № 80, XIV, стр. 389.

[2] «Памятники Сибирской истории XVIII века», т. II, док. № 41, стр. 162.

[3] Связи Барака с Иканом остались и в дальнейшем. В 1756 году «под конец своей жизни он пребывал в Икане». (Вельяминов-Зернов, указ. соч., т. II, стр. 368).

[4] ЦГАДА. «Киргиз-кайсацкие дела». 1744, д. 4. «Сказка» сакмарского казака Мансура Асанова 24 июня 1744 года.

вал после Анкрайской победы над джунгарами).[1] Султан Барак был связан и с найманами. В восточной части Среднего жуза кочевал брат его султан Кушук, бывший владельцем некоторых поколений из рода Найман.[2]

Таким образом султаны являлись владельцами городов, прилегающих к Туркестанскому владению. Эти города могли интересовать их, как пункты торговли и ремесленные центры.

Укреплению власти султанов способствовала феодальная раздробленность, которая вела к хозяйственному и политическому обособлению отдельных владений. Но связи Тауке с султанами могли быть упрочены на регулярных собраниях, в которых султаны должны были участвовать наряду с ханом и биями, а также через посредство крупных биев, избранных наместниками хана в трех жузах.

Однако в правление Тауке султаны не играли той роли, которая принадлежала представителям родовой знати. Причины этого явления кроются в патриархально-феодальном характере ханской власти. Социальной базой Тауке были, прежде всего, бии и батыри, социально-экономическое положение которых было упрочено мероприятиями Тауке.

Царские послы видели в кочевьях Туаке и в Туркестане татарских мурз, тобольских служилых татар и торговых бухарцев. Небезинтересна здесь роль мурзы Килдея. Встретившие русских послов в степи, по пути до урочища на реке Сары-Су, калмыцкие люди заявили послам: «мурза Килдейко к ним отпущен, а им в Русь ходить войною на слободы не по что. А преж сего ходили они... воевать для его, мурзы Килдейка».[3]

Некоторые факты, сообщаемые в распросных речах казака Кобякова, говорят о том, какую роль играли хищнические интересы татарских мурз в воровских набегах на русских торговых людей и на пограничные слободы. Присланный к хану, Андрей Неприпасов на приеме у него утверждал, что Килдеем был совершен набег в район Ямышева озера, в котором участвовало полтораста «воровских людей». Во время этого набега Килдею удалось перехитрить русских торговых людей. Когда последние, по его просьбе, переехали для торга со своими товарами за реку, «Килдей с теми воровскими людьми государственных людей почали бить и товары их грабить, и из луков стрелять и копьями колоть».[4]

Однако на собрании старшин в присутствии царских послов и хана возвращенный из плена мурза, порицая набеги

---

[1] Левшин, указ. соч., ч. II, стр. 164.

[2] Сбор., посв. В. В. Бартольду. Ташкент, 1927. (Статья — «Ак-табан-шубарынды», стр. 67).

[3] ДАИ, т. X, док. № 80, XIII, стр. 376.

[4] Там же, док. № 80, XIV, стр. 386.

на русские слободы, предупреждал собравшихся о последствиях этого «воровства». «За их де воровство, что они ходят в Тобольской уезд на слободы и под Тары войною, укажут великие государи наши смирить их войною. И они, татаровя, — замечает Скибин, — тех его речей не слушали».[1] Очевидно авторитет мурзы, репутация которого была сомнительна, в старшинской среде был невелик.

Ближайшим образом заинтересованный в налаживании для себя торга на русских границах, мурза Килдей использует возможности этого торга для осуществления своих набегов на русские караваны и пограничные слободы и в этом отношении стоит в ряду таких, как тобольский юртовский татарин Чока, о котором рассказывали, что он приходил со своими товарами в Туркестан «и водил Казачьей орды воинских людей под государевы слободы. А с ним было казаков с 300 человек», или тобольский юртовский татарин Таушка Мергень, который заявил царским послам: «Нам до государевых слобод какое дело? для того, чтобы мы люди торговые, а не воинские».

Скибин сообщает о том, что пошел из Туркестана «войною в трехстах человек Казачьи орды владелец Ишак Мерген с татары, а вожем с ним тобольский юртовский татарин Нагайской деревни Чока». Другой тобольский татарин Таушко Чичканов отправил со своими товарами из Туркестана в каракалпацкие владения тобольского татарина Бехметку Танатарова, назвав человеком своим. «А для торгу ли посылал, — замечает Скибин, — или для какова воровства, того неведомо».[2]

Интересно то, что тобольские татары Таушко Чичканов и Бахметка Танатаров участвуют и в походе хана Тауке на Ташкент.

Несомненно то, что тобольские торговые люди не ограничивались в своих караванных походах улусами Тауке, проникая и в Бухару, где они совершали не только торговые сделки, но и воровские набеги. Царским послам рассказывали, что Таушка Мергень совершил воровской набег на Бухару, где он «ограбил Казачьи орды людей. А взял бухарских денег полтретьяста рублей». Посланная за ним два раза погоня с ярлыком от хивинского хана для того, чтобы захватить у него ограбленное имущество, не достигла своей цели, так как «Таушка от тех посыльщиков откупился».

Пришлые торговые люди в улусах Тауке, являясь вожаками отдельных воинских отрядов из казахов, совершают свои грабительские набеги на владения Тауке и прилегаю-

---

[1] Там же. док. № 80, XIII, стр. 379.

[2] ДАИ, т. X, док. № 80, стр. 381—382. Из статейного списка Ф. Скибина и М. Трошина.

щие кочевья. Неизвестно, какими путями втягивали они в свои грабительские походы воинских людей из казахов. Надо полагать, что здесь или разжигались инстинкты дешевой наживы или же вступала в свои права грубая сила внеэкономического давления, так как народные массы по данным источников, желали «быть в миру с Россией».[1]

Тауке в своих объяснениях с русскими послами, с одной стороны, пытается отмежеваться от преступных действий в отношении России мурзы Килдея и других, подобных ему, а с другой, — упорно обещает с его возвратом прекратить набеги на русские границы. Судя по тому, что Тауке с возвращением мурзы из плена «и караван хотел отпускать в Тобольск со всякими товарами попрежнему»,[2] можно допустить, что он был реально заинтересован в связях с торговой верхушкой тобольских татар, тем более, что уже определился один из важнейших караванных путей, идущий из Бухары вдоль реки Сары-Су, пересекающий затем реки Нару и Ишим и направляющийся к Тобольску.[3] От Тобольска этим путем шли и русские послы Скибин и Трошин к улусам Тауке, в районе реки Сары-Су.

Но в ближайшем окружении Тауке были не только представители резкой оппозиции в отношении России. Так, по поводу ответа Таушки Мергеня Василию Кобякову, «что им до государевых слобод никакого дела нет», один из «лучших людей» Тауке, Берху-батыр, стал упрекать Таушку в том, что он «непристойные слова говорит».

Тауке, как показывают источники, стремился сохранить связи с бухарскими торговыми людьми. Кобяков в своих распросных речах отметил, что в «казачьих городах», находящихся под владениями Тауке, живут торговые бухарцы.[4]

Каракалпаки по Сыр-Дарье, торговые бухарцы в городах, улусные калмыки, тобольские юртовские служилые татары — вот тот пестрый люд, о котором говорят русские послы, рассказывая о своих встречах по пути в Туркестан и в ханские улусы. Труднее воспроизвести социальный состав этого люда. Несомненно, здесь сказались своеобразные условия оседлого и полуоседлого хозяйства в городах и вблизи городов, а также условия развивающегося обмена и напряженной внешнеполитической обстановки, с которыми влились сюда элементы пришлые и где упрочились связи с теми, которые значительно раньше освоили эти кочевья. Но реальную силу улусов Тауке составляли не эти элементы.

---

[1] «Памятники Сибирской истории XVIII века», т. II, док. 41, стр. 159. Отписка Б. Брянцева сибирскому губ-ру М. Гагарину, 1718 г., март—май.

[2] ДАИ, т. X, док. № 80, XIV, стр. 388.

[3] «Материалы по истории Казахской ССР», т. IV. М.—Л. 1940. Карта направлений караванных путей (прилож.).

[4] ДАИ, т. X, док. № 80, стр. 389.

Не случайно Тауке окружил себя кочевьями «воинских людей». Именно в этих районах, где происходили крупные столкновения с джунгарами в конце XVII и в начале XVIII вв., были реальные стимулы к выдвижению батыров как героев военной отваги и доблести и как представителей военной знати, связанной вассальными отношениями с ханом и, прежде всего, «обязанностью военной помощи». «В 30—40-х годах XVII века уже значительная часть родовых старшин, — говорит Чулошников, — представлена не простыми казахами, а батырами, в которых нельзя не видеть оформившуюся уже к тому времени одну из прослоек феодальной верхушки казахского общества».[1]

Первые победы над джунгарами в 20-х годах XVIII века в юго-восточной части бывшего Тургайского уезда были одержаны батырами Младшего жуза. На съезде в Кара-Кумах в 1710 году выступал Букенбай, ставший позднее одним из крупных представителей казахского батырства.

После смерти Тауке ему наследовал его сын Болат (1718—1730 гг.), который занял положение «старшего хана». Источники говорят о том, что Болат не пользовался ни влиянием, ни авторитетом, и что в годы его правления были междоусобия. Наряду с Болатом, уже в 1718 году источники называют двух ханов — Каипа и Абулхаира. К сожалению, дата начала их ханства не устанавливается. При слабом и неавторитетном Болате реальное положение старшего хана удалось завоевать Каипу. Абулхаир считался младшим ханом. Такое же положение он занимал, повидимому, до избрания его в военачальники объединенного ополчения для осуществления военного похода против джунгар. Борьба за укрепление этого положения определяет взаимоотношения Абулхаира с представителями враждебной султанской группировки — Каипом и Батыром.

Состояние Казахского ханства после смерти Тауке, когда возобновились родовые распри и началась борьба за положение старшего хана, говорит о том, что начала государственности, укрепившиеся во время ханства Тауке, не были достаточно прочными. Это объясняется не только тем, что во главе государства после смерти Тауке стоял такой неавторитетный хан, как Болат.

В самой структуре государства Тауке, патриархально-феодального в своей основе, были такие моменты, которые не могли обеспечить прочность этих начал.

Изменения в социально-экономическом положении биев не могли прекратить родовой вражды, возникавшей по раз-

[1] А. Чулошников. К истории феодальных отношений в Казахстане в XVII—XVIII вв. «Известия Акад. наук СССР», 1936, № 3, стр. 503.

ным поводам (споры из-за пастбищ, из-за угона скота и пр.). В частности, «законы Тауке» не уничтожали обычая кровной мести. Таким образом, межродовые столкновения и патриархальнородовые пережитки явились серьезным тормозом в развитии государственности.

Тауке стремился через своих наместников, ставших во главе жузов (биев), и путем объединения собраний жузов укрепить хозяйственно-политические связи между ними. Кодификацией обычного права казахов, введением постоянно действующих органов власти, Тауке удалось упрочить государственную власть. Но годы борьбы с Джунгарией расшатали начала государственности. Тауке не удалось преодолеть усиливающегося процесса феодальной раздробленности. Уже в конце ханства Тауке определилась линия той вражды в султанской среде (Каип и Абулхаир). Это был один из этапов усиления центробежных стремлений и феодальной борьбы, разгоревшейся в 30-х годах XVIII века.

Следует остановиться на некоторых моментах внешней политики Тауке. К началу XVIII века сложились исторические традиции борьбы за территориальное расширение и политическое единство Казахского ханства. Политика Касима, Хакк-Назара и Тевеккеля, направленная на объединение политически разобщенных казахских племен, протекала в трудной борьбе с Моголистаном за обладание богатыми пастбищами в районе Сыр-Дарьи и торгово-ремесленными центрами — крупными городами (Туркестан, Ташкент и др.) в районе Семиречья. Значительно расширившее свою территорию при Касиме, пережившее затем период упадка при его преемниках и вновь усилившееся при Хакк-Назаре и Тевеккеле, Казахское ханство, однако, не было прочным, объединенным.

В условиях территориальной разобщенности кочевий и обособленности районов на обширной территории перед Тауке стояла трудная задача укрепления хозяйственно-политических связей между жузами и преодоления политического распада Казахского ханства. Но решение этой задачи осложнялось тем обстоятельством, что на долю казахских жузов в конце XVII и первых двух десятилетий XVIII века выпала вся тяжесть борьбы с джунгарскими хун-тайджи Галданом-Бошохту (1676—1697 гг.) и Цеван-Рабтаном (1699—1727 гг.).

Уже с самого начала правления Тауке крупными вторжениями джунгарских ойротов был опустошен весь юг Казахстана. В 1684 году был разрушен г. Сайрам. Крупные столкновения с Джунгарией возобновились в 20-х годах XVIII века, когда ойроты, вторгаясь в казахские владения, опустошали кочевья, истребляли население аулов. Временные успехи войск Тауке (в 1713 году) не остановили дальнейшего натиска Джунгарии.

В этих условиях стояла сложная задача — сохранить независимость Казахского государства. Учитывая трудности внешнеполитической обстановки, Тауке стремился поддержать мирные взаимоотношения с Бухарой.

В конце XVII века перед Тауке встал вопрос и о взаимоотношениях с Россией. Он встал с большой остротой в связи с приездом к хану русских послов, которые передали требование царского правительства о прекращении нападений на сибирские слободы, так как в 1680—1681 гг. казахские отряды совершали набеги на селения Тобольского уезда и на слободы у Ямышева озера. Русские послы требовали также возврата русских пленных, захваченных во время этих набегов. Когда Тауке в присутствии послов спросил старшин: «Задержать ли ему их или отпустить, и на русские городы и слободы им войной ходить ли или мирно жить?» вопрос этот вызвал резкие разногласия среди старшин. Некоторые из них заявили, что «они на русские городы и слободы войной ходить готовы... и мирно жить не хотят».[1] Решение этих старшин могло стать обязательным и для Тауке, так как хан согласно патриархальному обычаю, должен был подчинять свои решения совету старшин. Однако Тауке занял в этом вопросе выжидательную позицию. Эта линия в поведении хана определялась не только устойчивой традицией обычая. Очень важно было не обострять разногласий внутри государства в то время, когда была опасность крупных вторжений Джунгар. Эта опасность требовала готовности к борьбе и со стороны тех, от кого Тауке, как от своих вассалов, мог ожидать военной помощи.

Не желая обострять отношения со старшинами, Тауке все же намерен был укрепить мирные взаимоотношения с Россией. Эти намерения сделались более определенными, когда после опустошительных вторжений джунгар встала реальная угроза порабощения казахского народа. Позднее, а именно в 1716 году, Тауке отправил послов к царскому правительству с просьбой о принятии в российское подданство. Это были первые этапы укрепления связей с Россией, которые имели свое продолжение в политике его преемника, хана Абулхаира, принявшего российское подданство в 30-х годах XVIII века.

Абулхаир

Время Абулхаира — это, в основном, 30-е и 40-е годы XVIII века. Первые годы его ханства почти не отражены в источниках, если не считать отдельных отрывочных сведений. Между тем некоторые вехи его биографии очень важны

---

[1] ДАИ, т. X, док. № 80.

для понимания положения ханской власти в истории Казахстана первой половины XVIII века.

О семейной родословной Абулхаира имеются лишь немногие сведения. По словам Вельяминова-Зернова, «Абулхаир имел отцом Аджу, рожденного от Ирыша, сына Айчувака и внука Булякай-Куяна Усякова (Осекова — Н. А.), причем семью Абулхаира звали Булякай-Куянской.[1] Избранный затем в ханы, Абулхаир начал собой новую династию, оказавшись, таким образом, вне традиционных рамок наследования ханской власти по линии Жадига.

Возникает вопрос, как произошло это отступление от традиции, и каким образом Абулхаир сделался ханом? Вопрос этот уместен потому, что династический момент в ханстве Абулхаира имел серьезные последствия в дальнейшем, в частности, он сыграл крупную роль в его взаимоотношениях с султанами Батыром и Бараком.

Переход ханской власти к младшей линии связан с процессом хозяйственного и политического обособления Младшего жуза, когда в нем утвердился род Осека. В источниках, однако, нет указаний о том, в какой обстановке совершилось избрание Абулхаира. То обстоятельство, что Абулхаир начинал новую династию ханов, вряд ли могло обеспечить его избрание в спокойной обстановке и сделать выборы торжественным признанием в лице его ханской власти, неавторитетной уже потому, что она порывала с традиционным наследованием.

Если Абулхаиру удалось получить признание ханской власти, то, видимо, лишь потому, что у него были какие-то другие преимущества — либо военные доблести, либо прочные связи с крупными представителями родовой знати. Позднее, когда совершилось убийство Абулхаира его врагом Бараком, жена хана Попай и младший сын его Коз-Ахмет в письме к оренбургскому губернатору Неплюеву, ссылаясь на преданность им алчинцев, байулинцев и семиродцев, просили прислать к ним военный отряд для преследования и наказания Барака.[2] Опорой власти Абулхаира был также род Шекты, один из наиболее влиятельных родов Младшего жуза.[3] Повидимому, уже в 20-е годы определились связи

---

[1] Вельяминов-Зернов, указ. соч., ч. II, стр. 369. (Год рождения Абулхаира не установлен).

Булякай-Куян — один из сыновей Осека, современника хана Среднего жуза Хакк-Назара. (Левшин, указ. соч., ч. II, табл. I. «Родословная казахских ханов»).

[2] Витевский, указ. соч., т. III, стр. 718.

[3] Шекты — один из шести родов поколения Алим-улы (рода Алчин). В своем «описании родов» 1747 года Тевкелев указывает, что в шести родах, а именно: Шекты, Каракисяк, Шомекей, Дюрткара, Каракете и Карасакал владельцем был хан Абулхаир. («Книга Азиатского департамента», № 21, «Красный Архив», 1938, № 2 (87), стр. 153).

Абулхаира с некоторыми представителями влиятельных родов Среднего жуза, например, с Букенбаем (род Керей). В этом плане существенны все указания источников, которые могли бы осветить обстановку съезда в Кара-Кумах в 1710 году с участием в нем Абулхаира и Букенбая, а также факты, на основании которых можно проследить эволюцию связей Абулхаира с батырами и с другими представителями родовой знати. Мы имеем в виду, в частности, взаимоотношения Абулхаира с батыром Есетом, владельцем поколения Жеты-руу,[1] усиление которого было вызвано объединением этих родов еще в годы Тауке. Повидимому, связи Абулхаира с небольшим кругом родовой знати, упрочившиеся в 30-х годах, определились еще раньше положением его как султана, владельца подвластных ему родов. В связи с этим вызывает сомнение то, что при выборах в ханы Малой орды Абулхаира поддерживала слабая партия.[2]

Надо полагать, что Абулхаиру при его избрании нужны были если не многочисленные, то во всяком случае авторитетные голоса такой партии, которая могла бы закрепить за ним звание хана в том положении, которое создалось для него как представителя младшего ханского рода.

В избрании Абулхаира, возможно, имели значение и его личные качества. Некоторые исследователи,[3] а также царский посол Тевкелев, лично знавший Абулхаира, отмечают, что наряду с лукавством хан отличался энергией и решительностью в действиях. Эти качества помогли ему закрепить свое шаткое положение и пригодились в дальнейшем, когда это положение стало еще более неустойчивым.

За недостаточностью данных не представляется возможным установить дату начала ханства Абулхаира. Левшин делает предположение, что Абулхаир был избран в ханы еще при жизни Тауке, в самом конце его ханства, ввиду преклонных лет последнего.[4] Другая версия избрания Абулхаира го-

---

[1] Поколение Жеты-руу (Семиродское) составилось из 7 мало влиятельных родов Младшего жуза: Табын, Тама, Кердары, Кереит, Джагалбаклы, Тиляу, Рамадан. («Книга Азиатского департамента, № 21, «Красный Архив», 1938, № 2 (87), стр. 154).

[2] Л. Мейер. Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб. 1865, стр. 6.

[3] Левшин, Витевский, Мейер. В этой связи заслуживает внимания замечание В. Григорьева о том, что в Средней Азии существовало глубокое уважение к наследственности верховной власти в тех династиях, которые однажды достигли ее. «Человек «черной кости» должен обладать огромной решимостью, чтобы присвоить себе титул «верховного повелителя». («Замечания к путевым запискам доктора Бланкеннагеля о Хиве в 1793—94 гг.». «Вестник ИРГО», СПб. 1858).

[4] Левшин, используя данные статьи Миллера «О песочном золоте» в кн.: «Ежемесячные сочинения и переводы...», янв. 1760, кн. 1, отмечает, что «имена Абулхаира и Каипа... мы встречаем здесь (в 1717 году) в первый раз». (Левшин, указ. соч., ч. II, стр. 67, прим.).

ворит о том, что на народном съезде в Кара-Кумах в 1710 году, собравшемся во время борьбы с Джунгарией, «был избран старшиной (старшинами — Н. А.) в семействе ханском Абулхаир ханом, а Букенбай предводителем».[1] В этих указаниях наиболее вероятен тот факт, что избрание Абулхаира произошло еще в годы Тауке. Это вызвано было, с одной стороны, требованиями внешнеполитической обстановки, а, с другой, — определившимся еще в годы Тауке процессом политического обособления Младшего жуза и усилением в нем младшего султанского рода Осека. Но точная дата избрания Абулхаира остается пока не установленной.

В архивных материалах «Киргиз-кайсацких» и «Калмыцких дел» имя Абулхаира до 20-х годов XVIII века почти не упоминается. В «Описании калмыцких народов» Бакунина имеется краткое указание на существование вассальных отношений Абулхаира к калмыцкому хану Аюке.[2]

Более определенно говорят источники о том, что он выступает как хан в 1718 году, когда вместе с Каипом, занявшим положение старшего хана, совершает крупный поход на джунгарских ойротов с войском в 30 тыс. человек.[3]

Какова была общественно-политическая обстановка в казахских жузах в 20-х годах XVIII века?

Некоторые моменты ее отражены в «ханских листах» 1718 года. Здесь говорится о стремлении Абулхаира показать свое подчиненное положение в отношении Каипа. Это могло быть вызвано некоторой предусмотрительностью Абулхаира, поскольку за ним не было упроченного положения старшего ханского рода. «Царское пресветлое величество, — говорил Абулхаир русским послам, — соизволит благоденствовать на престоле своем, а Хаип хан дома. А мы, люди молодые, служить готовы».[4]

К сожалению, источники не позволяют проследить достаточно полно реальные отношения Абулхаира и Каипа в первые годы их ханства. Поскольку исторически за представителями старшего ханского рода до 20-х годов сохранилось никем не оспариваемое положение главных и старших ханов, можно предположить, что заявление Абулхаира русским послам, что он «по указу Хаип хана калмыков воевать готов»,

---

[1] Витевский, указ. соч., т. I, стр. 135.

[2] «Аюка кочевал и за Яиком... и от Далай-ламы первой он испросил себе около 1690 года титул ханской. При нем же тогда кубанские, хивинские и киргис-кайсацкие солтаны, в том числе и бывшей Абулхаир хан киргиз-кайсацкой во услужении бывали». ЦГАДА. «Калмыцкие дела», д. 1, л. 6.

[3] «Памятники Сибирской истории XVIII века», т. II, док. № 41, IV, стр. 157.

[4] Там же, т. II, док. № 41, V, стр. 161. (Из отписки Б. Брянцева сибирскому губ-ру М. Гагарину, 1718 г., март—май).

соответствовало его действительному положению младшего хана, связанного со старшим обязанностью военной помощи. Другой вопрос, как реализовалась эта помощь. Не исключена возможность, что одной из причин неудачи совместного похода на джунгар Абулхаира и Каипа в 1718 году была несогласованность их действий как военачальников, которая, по сообщению пленного татарина Бутука Куцашева, привела к тому, что хан Каип после бегства казахского войска вынужден был один вернуться в свои улусы.[1]

Если нельзя точно установить, с какого года началась вражда между Абулхаиром и Каипом, то во всяком случае можно отметить основную линию дальнейшего поведения Абулхаира.

Это его стремление занять прочное положение главного и старшего хана. «Повелевая большою частью Меньшей орды, — пишет Левшин, — и простирая власть свою на некоторые орды Средней, он (Абулхаир — Н. А.) думал о пользе народа своего, но еще более заботился о средствах усилить и возвысить себя над соперниками и врагами своими. а особенно над ханом Каипом, которому также подвластна была часть Меньшей орды».[2]

Но, судя по тому, как уверенно обещал Каип царскому правительству «воевать контайшу», можно предполагать, что положение Каипа как наследника Тауке было достаточно прочным.

Царское правительство было сильно заинтересовано положением ханской власти, о чем говорит Наказ от 14 октября 1716 года тобольскому сыну боярскому Никите Белоусову, посланному к хану Каипу. Этим наказом предписывается узнать, «кто и как в Казачье орде имеет силу, и кому они послушны. И есть ли владельцы, кроме Хаип хана, у них. И все ли Хаип хану оне, Казачья орда, послушны, или есть иные владельцы, которых оне могут слушать».[3] Особая заинтересованность положением Каипа обясняется тем, что незадолго до посылки к нему Никиты Белоусова Каип отправил своих послов в Тобольск с заявлением о том, что он желает быть с Россией в вечном миру.

Из источников также видно, каким авторитетом пользовался Каип у царского правительства, которое ведет с ним официальные переговоры о том, «в какое время им послать воевать контайшу и из которых мест». Это подчеркивается и ханом Абулхаиром, когда он говорит, что «по указу хана Каипа калмык воевать готов».[4]

---

[1] Там же, док. № 41. IV, стр. 157—159.

[2] Левшин, указ. соч., ч. II, стр. 93.

[3] «Памятник Сибирской истории XVIII века», т. II, док. № 41, стр. 152—153.

[4] Там же, стр. 160.

Таким образом, уже вскоре после смерти Тауке наметилась линия борьбы за положение старшего хана. Чтобы достичь его, важно было иметь авторитет вождя, приобретенный в крупных сражениях с джунгарами. Другим привходящим обстоятельством, определяющим перевес в этом соперничестве, было узаконенное традицией происхождение от старшего ханского рода. В силу этого Каип как потомок Жадига мог рассчитывать на положение главного хана, которое ему удалось достигнуть уже в конце правления Тауке.

Старший хан жил обычно в г. Туркестане и благодаря этому имел возможность установить более тесные связи с городскими ремесленными центрами и среднеазиатскими рынками. Старший хан мог требовать военной помощи не только от султанов, но и от других ханов, и они должны были выполнять эти требования.

Положение старшего хана давало ему возможность укрепить хозяйственно-политические связи между жузами путем распределения владений среди султанов (по праву распоряжения кочевьями) и путем созыва широких народных собраний для разрешения общих вопросов.

Старший хан имел возможность расширить сферу своей дипломатической деятельности, поскольку внешнеполитические отношения осуществлялись по традиции, главным образом, старшими ханами.

Званием старшего хана представители ханской власти дорожили и добивались его, борясь с другими претендентами. Примером такой борьбы могут служить отношения Абулхаира с Каипом. Подчеркивая свое подчиненное отношение к Каипу как старшему хану, Абулхаир с самого начала своего ханства оказался непокорным вассалом. Это проявилось во время неудачного совместного похода на ойротов в 1718 году, когда обнаружилась несогласованность их действий.

В условиях феодальной раздробленности положение старшего хана осложнялось теми центробежными тенденциями, которые усиливались вместе с ростом обособленности владений и усилением власти их владельцев.

Преодоление распада Казахского ханства и его объединение было трудной государственной задачей, особенно трудной потому, что решать ее приходилось в годы борьбы с Джунгарией. Однако история этой борьбы говорит о том, как выросшая потребность объединения народных сил под руководством вождя укрепила на этом этапе положение ханской власти. Очевидно, решающим в укреплении ханской власти в это время было не происхождение от старшего ханского рода, а определенные личные качества: храбрость, решительность в действиях, делавшие популярным военным вождем.

В источниках мы не имеем прямых сведений о том, чем было вызвано избрание Абулхаира, а не кого-либо другого

в вожди крупного ополчения на широком народном собрании в «годы великого бедствия».

Отрывочные данные источников не позволяют также судить о той среде, которая явилась реальной опорой власти Абулхаира в первые годы его ханства. Посол Кобяков, заявив в своем доношении в Колл. ин. дел в 1726 году о желании старшин Младшего жуза быть в российском подданстве, отметил: «А в упомянутых улусах народов их будет со 100 тысяч человек, и все те люди военные».[1] Возможно, что последнее сообщение рассчитано на то, чтобы усилить заинтересованность Колл. ин. дел. в протекторате России над Младшим жузом, султаны и старшины которого в каждый острый момент осложнения внешнеполитической обстановки могли оказать военную помощь.

Представление о том, что возвышение Абулхаира связано с наиболее влиятельными представителями военной знати (батырами Букенбаем, Джаныбеком и Есетом), видимо, имеет серьезные основания. Вся дальнейшая история взаимоотношений Абулхаира с ними в обстановке феодальной борьбы показывает, насколько прочны были эти связи, и какую роль они сыграли в 30-х годах XVIII века, когда стоял вопрос о подданстве России.

Они могли сыграть крупную роль и в избрании Абулхаира в вожди ополчения. К сожалению, у нас мало данных, говорящих об обстановке избрания Абулхаира, которое произошло, по преданию, на широком народном собрании в районе реки Бадам у горы Орда-Басы («главная ставка»), расположенной на запад от Чимкента.

Активная роль Абулхаира в борьбе с Джунгарией имела большое значение в укреплении его связей с батырами и в его возвышении. Судя по тому, что память народа сохранила имя Абулхаира в названиях мест, отмеченных крупными победами казахов над джунгарами, можно полагать, что это была популярность, которая выходила из рамок узкого круга военной знати, запечатлевшись и в памяти народа.

Дальнейшая история борьбы с ойротами, перенесенная от главных центров ее в районы, примыкающие к Уралу и Волге, где казахи столкнулись с волжскими калмыками, показывает, что Абулхаир сыграл в ней немаловажную роль. Выступая как вождь крупного ополчения (на реке Темир осенью 1723 года),[2] он производит нападение на улусы калмыцкого хана Аюки и крупных калмыцких тайшей Досанга и Лекбея.[3] Затем во главе 10-тысячного войска вместе с ханом

---

[1] ЦГАДА. «Киргиз-кайсацкие дела», 1730 г. от 20 июля, до 30 апр. 1731 г., л. 61.

[2] ЦГАДА. «Калмыцкие дела», 1723, д. 3, лл. 23—24.

[3] Там же, 1723, д. 5, лл. 26—27.

Семеке и султаном Среднего жуза Бараком, перейдя реку Урал в 1726 году, он совершает набег на улусы калмыцкого тайши Лобжи. Этот поход вылился в крупное военное столкновение в степи между Уралом и Волгой.[1]

Годы борьбы с Джунгарией, выдвинувшие Абулхаира в ряды вождя, сыграли значительную роль не только в его возвышении, но и в усилении авторитета батырства, военная помощь которого могла быть широко использована в условиях военно-феодальной власти хана. Общие интересы борьбы с сильным противником, с победами над которым открывались возможности возврата богатейших пастбищ в Семиречьи, утраченных под натиском джунгар, были реальным стимулом для упрочения этих связей. Кроме того, наиболее дальновидными батырами Абулхаира, видимо, было учтено то положение, которое начал занимать Младший жуз в жизни Казахского ханства накануне принятия российского подданства. Продвижение его кочевий в район реки Эмба означало приближение к русским границам, расширение летних пастбищ и новые источники доходов, на которые рассчитывала казахская знать в условиях протектората России. Отсюда становится понятной ориентация ее на представителя ханской власти Младшего жуза, где упрочилось положение Булякай-Куянской фамилии потомков Осека.

Однако положение Абулхаира, завоеванное им в условиях внешнеполитической опасности, имело свою реальную силу, главным образом, до тех пор, пока на первом плане были задачи борьбы с врагом. Имеются указания на то, что после Ангкрайской победы Абулхаир отступил к русским границам[2] и вскоре затем отправил посольство в Уфу с просьбой о принятии его в подданство. Этот факт говорит о том, что для Абулхаира создались трудности, которые не были разрешены победами над джунгарами. Это был раскол в султанской среде, определившийся накануне принятия российского подданства. Характерно, что в то же время султан Абулмамбет, откочевав от Оренбурга, где ждали его приезда, удалился к Туркестану. А сыновья Абулхаира султаны Эралы и Нуралы, избегая встречи с Абулмамбетом, покинули окрестности Оренбурга.[3]

К этому времени назрела вражда, которая расшатала вассальные связи. Мы имеем в виду взаимоотношения Абулхаира с султанами Среднего жуза — Батыром, Абулмамбетом и Бараком.

---

[1] ЦГАДА. «Киргиз-кайсацкие дела», д. I. (Из «Описания калмыцких народов» В. Бакунина, лл. 36—37).

[2] Сбор., посв. В. В. Бартольду. Ташкент. 1927 (статья — «Актабан-шубарынды», стр. 68).

[3] Левшин, указ. соч., ч. III, стр. 139—144, 164.

Тевкелев отметил в своем «Журнале» непримиримо враждебное отношение Абулхаира к Батыру. «Абулхаир хан ево (султана Батыра — Н. А.) ненавидит, как собаку, понеже оной Батырь-салтан труждаетца, чтобы Абулхаир хана кайсаки убили до смерти, а ево б учинили вместо ево ханом. И многие плуты ево сторону держат и желают Абулхаир хана искоренить, а ево ханом учинить».[1]

В «Журнале» Тевкелева отражен тот период взаимоотношений Абулхаира и Батыра, когда они достигли наибольшей остроты, вызванной упорным желанием Абулхаира укрепить свое положение старшего хана.

По данным некоторых источников, султан Батыр пользовался большим влиянием в Младшем жузе. Отмечено также, что причиной вражды Абулхаира и Батыра явился отказ Батыра подчиниться требованию хана отправиться в поход на туркмен. Это требование Абулхаира к Батыру говорит о попытке превратить его в вассала. Поэтому невыполнение его могло стать поводом к началу вражды между ними.

Но была и другая, более глубокая причина непримиримых отношений Абулхаира и Батыра. В «Журнале» Тевкелева довольно определенно говорится о том, что лежало в основе этой вражды. Это была борьба за власть, обострение которой было вызвано определившимся положением Абулхаира как старшего хана. Батыр упорно желал быть избранным в ханы, а затем добиться утверждения своего ханского звания царским правительством, с целью упрочить свою власть и достигнуть положения старшего хана. Когда тархан Джаныбек стал упрекать Батыра в том, что «ему другим ханом быть весьма неохотно и непорядочно», то Батыр напомнил Джаныбеку, что и сын его Каип-Джан находится в Хиве, следовательно, «ему, Батырь-салтану, от такого звания остаться бесщестно, но хотя над малым числом киргизов ханом быть должно».[2]

Повидимому, Батыр очень настойчиво добивался ханства, и избрание его в ханы стоило ему многих подарков. В источниках имеются указания, что «он на ханство поднят по неотступной его просьбе». Осенью 1749 года Батыр пытается войти в соглашение с оренбургским губернатором Неплюевым и добиться расположения царского правительства. Однако Колл. ин. дел предписала Неплюеву в просьбе Батыра об утверждении его ханом отказать и потребовать, «чтобы ханом он не писался». Это решение Колл. ин. дел было вызвано

---

[1] «Журнал Тевкелева», л. 116.

[2] ЦГАДА. «Киргиз-кайсацкие дела», 1748, д. 3. «Сказка казачьего атамана Смаила и муллы Абдрезякова», 20 ноября 1748 года.

Батыр, сделавшись ханом хивинским в 1728 году, сумел продержаться на этом посту всего лишь шесть недель, после чего бежал в казахские степи.

тем, что к этому времени определилась его джунгарская ориентация.

Но в основе политических притязаний Батыра были не только его честолюбивые замыслы как потомка Жадига, уязвленного тем, что Абулхаир, а затем его сын Нуралы оказались его соперниками. Добиваясь утверждения в ханском звании, Батыр упорно хотел того, чтобы азиатским купцам был разрешен проезд через его улусы.[1] О том же писал и его сын Каип, хан хивинский, стараясь убедить, что целесообразнее направлять караваны через владения его отца, султана Батыра, а не через улусы Нуралы. Это был прямой хозяйственный расчет — взимать в свою пользу торговые пошлины с проходивших караванов.

Таким образом, здесь выступают притязания владельца, который хочет добиться монопольного права на то, чтобы установить караванный путь через свои улусы, считая, что «всяк порознь свои улусы иметь может». Это свидетельствует о сепаратистских тенденциях Батыра и о его стремлении к хозяйственному и политическому обособлению. Вместе с тем здесь было намерение укрепить связи с среднеазиатскими рынками и городскими ремесленными центрами. Эти тенденции могли только усилить процесс феодальной раздробленности.

Не менее последователен был Батыр и в своей вражде к Абулхаиру, не переставая быть врагом его и после своего избрания в ханы. Позднее ханша Попай, во избежание всяких «злодейств» со стороны Батыра, вынуждена была держать около себя караул в течение нескольких дней.

Но Батыр был не одинок в своей вражде к Абулхаиру. Врагами Абулхаира были также султаны Среднего жуза Барак и Абулмамбет.

Султан Барак, сын хана Турсуна, владевшего городами за Сыр-Дарьей, был одним из военачальников в борьбе с джунгарами в 1723—1730 гг., выступая как владелец сильного рода Найман.[2] В наших источниках мы не имеем сведений о том, как протекали военные действия Барака. Участие его в этой борьбе было обусловлено положением его как вассала, который связан обязательством военной помощи.

Подчиненное положение его в отношении Абулхаира вряд ли могло удовлетворить Барака, который очень ревниво относился к тому, что Абулхаир стал старшим ханом, не имея традиционной генеалогии. Позднее, после совершенного им убийства Абулхаира, оправдываясь перед судом биев, султан Барак говорил: «Нашу фамилию зовут Тогим-Шигайской, а его, Абулхаира, ханская фамилия Белгкай-Коянская, и его

---

[1] П. Рычков. История Оренбургская. СПб. 1896, стр. 92.
[2] Там же, стр. 71.

род против нашего силою не будет, ибо наша фамилия честная и многолюдная». Так определил Барак свое отношение к происхождению Абулхаира, считая его потомком второстепенного рода. Это обстоятельство имело серьезное значение в его враждебных отношениях к Абулхаиру.

Уже с 20-х годов определились связи Барака с султанами Абулмамбетом и Аблаем, участниками борьбы с Джунгарией. У Барака были также родственные связи с одним из ханов Среднего жуза — Кушуком, владельцем рода Найман. Барак и Абулмамбет могли рассчитывать на солидарность и другого хана Среднего жуза — Семеке, который с трудом мирился с положением Абулхаира как старшего хана после того, когда последний в его глазах нарушил право совета старшин.

Барак был также связан и с главным врагом Абулхаира— Батыром.

Оренбургский губернатор Неплюев, высказывая свои соображения по поводу того, каким способом привести к присяге Барака, писал о нем: «Тот Барак султан между всеми киргис-кайсацкими владельцами за знатнейшего и многолюднейшего султана почитается». [1]

Эта оценка интересна тем, что она свидетельствует о связях Барака с крупными родами.

Любопытны некоторые детали, связанные с именем Барака, подчеркивающие, на что способен был этот властный и энергичный султан в осуществлении своих честолюбивых замыслов. Он совершил убийство Абулхаира, рассчитывая на то, что оно проложит ему дорогу к власти, но не учел всех последствий этого преступления. Многие роды, которыми он управлял в Среднем жузе, отложились от него, причем некоторые из них готовы были в своей злобе на Барака выдать его семье Абулхаира. В его владении осталось всего 500 кибиток.

Однако, ловкий султан нашел и здесь выход из положения. Когда бии Каракисякского рода задержали Барака по пути в Джунгарию и, упрекая его в убийстве Абулхаира, угрожали выдать семье покойного хана, Барак сумел расположить к себе четырех биев, а затем отдал им себя на суд. Разумеется, такой суд должен был оправдать Барака и, даже более того, укрепил его позицию.

В 1749 году Барак уже предпринимает поход против верхних каракалпаков с войском в 8000 человек. Влияние Барака в 50-х годах было так велико, что оно распространялось даже на некоторые влиятельные роды Старшего жуза. Барак сделался владельцем сильного рода Конград и неко-

[1] Аналогичную оценку Барака дает и П. Рычков, который называет его «Знатнейшим и сильнейшим» среди казахских султанов. («История Оренбургская». СПб. 1896, стр. 67).

торых других родов этого жуза. Это было то время его власти, которое названо Витевским «золотым веком Барака».[1]

Нам остается сказать еще об одном крупном представителе враждебной Абулхаиру султанской группировки — султане Абулмамбете, который был одним из военачальников в борьбе с Джунгарией. Однако Абулмамбет не обладал способностями вождя. Соперничество между ними, повидимому, началось еще с того времени, как Абулхаир был избран в военачальники общенародного ополчения.

В дальнейшем враждебное отношение Абулмамбета к хану выявилось еще более. Обвиняя во всех «злодействах» Абулхаира, Абулмамбет, в частности, ставил ему на вид то, что он явился причиной раскола в султанской среде. Абулмамбет был уверен, что Абулхаир потерял свой авторитет среди всех подвластных ему. Сделавшись ханом Среднего жуза, Абулмамбет по примеру Барака послал своего сына в аманаты в Джунгарию.

Так определилась султанская группировка потомков Жадига, спаянная общим своим происхождением, враждой к Абулхаиру и стремлением к политическому и хозяйственному обособлению, в расчете на главную роль в торговле с среднеазиатскими рынками.

Борьба Абулхаира с нею могла бы быть успешной, если бы ему удалось подорвать влияние этих потомков Жадига во владениях Среднего жуза. Но для этого Абулхаир должен был противопоставить им силу своей власти, обусловленную прочными отношениями как с другими султанами, так и с крупными представителями бийства и батырства.

Признание своей власти Абулхаир получил, прежде всего, среди султанов Младшего жуза. Это были сыновья хана, которые были, однако, недостаточно устойчивы в своих вассальных отношениях. Надежнее в этом смысле был небольшой, но прочно спаянный с ханом круг военной знати, в центре которого стоял батыр Букенбай. Позднее Букенбай засвидетельствовал Тевкелеву, что после смерти хана Тауке только Абулхаир был главным ханом.[2] Это заявление Букенбая интересно тем, что оно имеет в виду ранние годы ханства Абулхаира. В противовес тому, что сам Абулхаир признавал за собой подчиненное положение в отношении Каипа, Букенбай не считал Каипа старшим ханом.

Характерно, что позднее Абулхаир, как старший хан, был признан ханом Среднего жуза Семеке, несмотря на выражен-

---

[1] Витевский, указ. соч., т. III, стр. 721—722. В 50-х годах определилась джунгарская ориентация Барака, который отправил своего сына в аманаты в Джунгарию, а сам откочевал к Туркестану. (П. Рычков. История Оренбургская. Оренбург. 1896., стр. 73).

[2] «Журнал» Тевкелева, л 52.

ную им обиду за то, что «он (Абулхаир—Н. А.) без согласия ханов и старшин, подданство принял».[1]

Аналогичное представление о положении ханской власти дают в своей «сказке» казахские послы Кулумбет-бей и Сейткул-батыр, которые называют вассалов Абулхаира и главные города их владений, а именно: «Жолбарс-хан, главный город его Ташкент, хан Семеке — Туркестан, Кушук-хан, главный город его Сайрам... И они, ханы, заключает Кутлумбет-бей, послушны ему же Абольхаер-хану».[2]

Такое же представление о ханской власти получили и башкирские послы, прибывшие вместе с казахскими послами в Москву в сентябре 1730 года. Затрудняясь назвать имена казахских ханов, они отметили, что «все ханы во всех делах слушаются ево, Абулхаир-хана».[3]

Интересно в этом отношении одно из писем Абулхаира к Тевкелеву 1731 года[4] о границах его власти в Хиве и в Бухаре.

Выражая желание и готовность принять российское подданство, Абулхаир писал: «Бухарской хан, Аболфеиз хан, отдался в мою же волю. Брат мой, хивинский хан Албас (Аббасхан) отдался в мою же волю; Барак хан, владение ево 4000, город Ташкент, Сири (Сайрам — Н. А.) Торкостан в наших руках». Не менее гордо звучит самосознание Абулхаира в его письме — «указ» к хивинцам с объявлением войны Хиве. Напоминая хивинцам об их обещании, согласно присяге, слушать его указы и своего хана почитать, как наместника Абулхаира, он упрекает хивинцев в том что они «то все позабыли и стали делать ему всякие противности».[5]

Насколько Абулхаир дорожил престижем своей власти в Хивинском владении, говорит тот факт, что когда приехавший к Тевкелеву тюленгут хана Нуралы Байбек Аглук сообщил о нежелании хивинских старшин принять российское подданство, указав, что «Абулхаир хан волю имеет в киргис-касаках, а в Хиве ему воли нет», Абулхаир заявил Товкелеву, что «он за ту злобу будет с хивинцами воеватца».

Усиление процесса феодальной раздробленности как одного из последствий разгрома казахов джунграми в 1723 году сказалось на положении ханской власти в Среднем и Младшем жузах.

В Среднем жузе укрепили свое положение два хана: Семеке, владелец родов Аргын и Керей, и Кушук, который

---

[1] «Журнал» Тевкелева, л. 56.
[2] ЦГАДА. «Киргиз-кайсацкие дела», 1730, д. без №, лл. 68—69.
[3] Там же, лл. 49—50.
[4] Там же, 1730—1731, д. без №, л. 121.
[5] Журнал» Тевкелева, л. 81.

был ханом в поколении Найман, кочевавшем в восточных районах. Кроме них, как мы упоминали уже, в Среднем жузе было два владельца из султанов — Барак и Абулмамбет — потомки Жадига. В этой системе двоеханства Семеке занял в отношении Кушука положение старшего хана. Авторитет Семеке был выше и в Младшем жузе, судя по тому, что Абулхаир через своих послов с ним ведет переговоры о подданстве России.[1] Показателен в этом отношении ответ Семеке послам Абулхаира, что он «желает быть в подданстве российском не по совету Абулхаира хана, а сам своим желанием».[2]

Взаимоотношения Семеке и Абулхаира интересны с точки зрения положения ханской власти и политических связей Младшего и Среднего жузов в начале 30-х годов XVIII века. В хозяйственно-политической жизни этих жузов все же не было такой разобщенности, как между ними и Старшим жузом. П. Рычков в своем перечислении летних кочевок Младшего жуза отмечает их близкое соприкосновение с кочевьями Среднего: «Однако ж случается иногда и то, что по иным рекам и речкам, особливо ж по Ори, Минлибаю, Камышле и по другим, в реку Орь впадающим, также по Арлыке, Кумаке, по Сундуке (притоки реки Урал — Н. А.) Средней орды киргизцы по нескольку кочуют, ибо у них между собою в том никакого разлада нет и споров не бывает».[3] Соприкосновение кочевий Младшего и Среднего жузов по притокам Ори и Урала отмечают и посланные в казахские владения казак Иван Лапин и оренбургский казачий урядник Федор Найденов.[4] В доношении Тевкелева от 26 августа 1731 года отмечены кочевья Абулхаира по реке Тургай, в одном из обычных районов кочевий Среднего жуза, где и «другие ханы кочуют при нем».[5] Казак Бекбов Сартов сообщил о кочевьях хана Семеке с войском своим по реке Большой Тургай в ур. Бешмуле.[6]

Надо полагать, однако, что это далеко не исчерпывающие сведения о хозяйственных связях Младшего и Среднего жузов, и что они не отражают всей сложности взаимоотношений на почве пользования кочевьями. С усилением процесса феодальной раздробленности неизбежно должны были обостряться хозяйственно-политические отношения между жузами.

---

[1] «Журнал» Тевкелева, л. 49.
[2] Там же, л. 56.
[3] П. Рычков. Топография Оренбургской губ. Оренбург. 1887, стр. 98—99.
[4] «Книга Азиатского департамента», № 21. «Красный Архив», 1938, № 2 (87), стр. 157—158.
[5] «Красный Архив», 1936, 5 (78).
[6] Там же, 1733, д. 1, л. 296.

В этих условиях расширялись возможности нарушения права распоряжения кочевьями, принадлежащими хану. Здесь была почва для роста сепаратистских генденций его вассалов, заинтересованных не менее, чем хан, в пользовании лучшими пастбищами и в усилении политической власти в своих владениях.

С этим процессом связан тот раскол в султанской и старшинской среде, который имел место в 30-х годах в Среднем и Младшем жузах.

В Младшем жузе укрепил свое положение Абулхаир и его сыновья, султаны Эралы и Нуралы. Но ханская власть Абулхаира не распространялась на весь Младший жуз. Тевкелев в своем доношении от 5 января 1732 года писал: «А в Малой орде один Обулхаир хан, да двое салтанов: зять ево Батырь Махомет салтан (султан Батыр — Н. А.) да сын его Нуралы салтан». [1]

Особенно показательны в этом отношении стремления Батыра, ставшего во главе части общин многочисленного и влиятельного рода Шекты, обособить свои улусы, добиться прохождения караванов азиатских купцов через свои владения и таким образом получить новые источники обогащения.

Но более определенно процесс феодальной раздробленности выступает во взаимоотношениях Младшего и Среднего жузов со Старшим. Сообщая Тевкелеву краткие сведения о состоянии ханской власти в казахских жузах в 30-х годах, Букенбай говорит: «А Большая орда кочует от них в дальном расстоянии за Бухарами и с Среднею и с Малою ордами оная не съезжается. [2] Об удаленности кочевий Абулхаира от владений Старшего жуза говорит и Левшин. Но его замечание может быть принято только в отношении летних кочевий Абулхаира, которые располагались в 30-х годах по реке Иргиз, а также по реке Илек[3] и в верховьях Эмбы в 30-х годах, [4] в то время как зимние кочевья его были в районе Аральского моря, [5] неподалеку от владений Старшего жуза. Между тем, власть Абулхаира, которую он стремится подчеркнуть в отношении Старшего жуза, действительно не распространялась на его владения по причине их обособленности в условиях бывшего до 1734 года подчиненного положения Старшего жуза Джунгарии.

История Старшего жуза чрезвычайно слабо отражена в источниках. Мы позволим себе остановиться на положении

[1] Красный Архив, 1936, № 5 (78), стр. 201.
[2] «Журнал» Тевкелева, л. 52.
[3] Так называемые «Алацкие улусы».
[4] Посол калмыцкого хана Аюки встретил Абулхаира с войском в конце августа 1723 года на реке Темире (правый приток Эмбы). ЦГАДА. «Калмыцкие дела», 1723, д. 3, лл. 23—24.
[5] «Журнал» Тевкелева, л. 58.

в нем ханской власти в лице Жолбарса, ставшего с 1728 года и владетелем города Ташкента. Приезжавшие в 1742 году в Ташкент Шубай Арасланов и Мансур Асанов рассказывали о том, что с ташкентским владетелем ханом Жолбарсом до 1739 года разделял власть сильный старейшина по имени Толе-бий, и что они собирали с города ежегодную подать.[1]

Хан Жолбарс, видимо, не пользовался большим авторитетом в своем Ташкентском владении. Так, при свидании с поручиком Миллером хан сообщил, что Толе-бий требовал возврата ограбленных товаров, угрожая в противном случае не отдавать сына своего в аманаты к джунгарскому хунтайджи Галдан-Церену. Жолбарс жаловался Миллеру, что «они (ограбившие караван — Н. А.) в том его не слушают». Характерно, как закончил свою карьеру ташкентский владетель хан Жолбарс.

На третитй день после выезда Миллера из Ташкента он был зарезан в мечети узбеками, которые, по словам Миллера, «не могли более переносить обид кайсатских, от которых хан не оборонял и судил неправо».[2]

Мы уже отметили, какую видную роль играл ближайший наместник Жолбарса Толе-бий Алибеков, который продолжал управлять Ташкентом и после смерти Жолбарса. Мансур Асанов в своей «сказке» отметил, что «знатнейший кайсаченин Тюля-бий и в Ташкенте больше хана почитается»[2].

Положение Толе-бия как правителя Ташкента является типичным для той политической роли, которую сумели завоевать в Ташкентском владении наместники хана и которая является показательной для процесса феодальной раздробленности.

При создавшейся обособленности Старшего жуза и значительной самостоятельности Среднего жуза, в обстановке вражды Каипа и неустраненной опасности нового нападения Джунгарии определился кризис ханской власти, который явился одним из основных стимулов к принятию российского подданства. В «Журнале» Тевкелева ярко охарактеризовано такое положение ханской власти.

В заключение следует остановиться на некоторых сторонах как внешней политики Абулхаира, так и внутрифеодальных отношений.

Наши архивные материалы освещают некоторые новые данные о тех изменениях, которые намерен был сделать Абулхаир в составе старшин. Пытаясь поднять авторитет своей власти, Абулхаир намеревался искоренить «противных

---

[1] Левшин, указ. соч., ч. II, стр. 80.

[2] Отчет о поездке в Ташкент Поспелова и Бурнашева. «Вестник ИРГО», 1851, ч. I, кн. 1, стр. 53—54.

стариков», враждебных ему старшин, и вместо них упрочить положение молодых старшин.

Стремясь создать себе прочную социальную базу, Абулхаир не порывал с традициями своего предшественника — хана Тауке, усилившего политическую роль родовой знати. Но, если Тауке был заинтересован в том, чтобы упрочить положение биев, то Абулхаир хотел искоренить «противных старшин», т. е. тех представителей патриархально-феодальной знати, со стороны которых он испытывал опозицию. Это, повидимому, были старейшины, аксакалы, не желавшие признавать Абулхаира представителем младшего ханского рода.

Тевкелев в своем «Журнале» достаточно определенно говорит о том, каким образом Абулхаир хотел искоренить враждебных ему старшин. Рассчитывая в первую очередь обезопасить себя, когда будет устроена крепость в устье реки Орь, Абулхаир намеревался поступать с ними «ласково», а затем, обещав щедрые подарки, пригласить их в крепость. где и взять под караул с тем, чтобы затем немедленно отправить в Россию, «а иных для страху тут же казнить»[1].

Таким образом, когда предстояло устранить старшин, которые стояли на пути хана, Абулхаир действовал лукаво и решительно.

В борьбе с ними он мог рассчитывать на реальную помощь влиятельных лиц, державших сторону хана и решительно не желавших примкнуть к лагерю его противников. Здесь Абулхаир мог в первую очередь использовать своего ближайшего советчика Букенбая, не сомневаясь, что в самый трудный момент (как это было на собрании старшин 10 окт. 1731 года), он сумеет поднять свой авторитетный голос против враждебных старшин. Но положение, в каком оказался Абулхаир, вынужденный серьезно опасаться за свою жизнь и быть настороже в отношении старшин и враждебной султанской группировки, было трудным.

Отсюда становится понятным настойчивое желание Абулхаира упрочить свою социальную базу. Отсюда и его упорное искание поддержки и протектората царского правительства. Этим вызвано и его намерение отправить «противных стариков» в Россию. Абулхаир совершенно определенно рассчитывал на вмешательство царского указа, который мог бы упрочить положение молодых старшин. Жалуясь Тевкелеву, что он «в великой скудости находится, понеже от противной партии весьма разорен», Абулхаир обещал ему «противной стороны старшину тайным образом стариков всех искоренить, а на место их указом ея и. в. будет из молодых старшин-

[1] «Журнал» Тевкелева, лл. 118—119.

ских детей старшинами определять, которые, видя, что над стариками учинено, будут жить спокоем».[1]

Еще более категорически сформулированы эти планы Абулхаира в «Представлении» Тевкелева 1733 года, где говорится о том, что намерен он, Абулхаир, «противной партии стариков и простых стариков всех искоренить».

Таким образом, гонение Абулхаира распространилось и на тех старшин, которые, в оценке Абулхаира не были достаточно влиятельными. Отсюда понятно, почему наиболее резкая оппозиция исходила от так называемых старшин «мелкой статьи».

В одном из объяснений с Тевкелевым Абулхаир рекомендует не принуждать старшин к присяге, советуя довольствовать их подарками. Он заявил: если «знатные старшина нашу (ханскую — Н. А.) партию будут держать и гиргиз-кайсацкие народы от старшин отстать не могут».[2] На этом основании Абулхаир настойчиво убеждал Тевкелева, чтобы он «ничего не жалел и всех старшин дарил».

У Абулхаира не было того авторитетного голоса, который мог бы пресечь выпады против него враждебных старшин, ни той реальной власти, которая могла бы положить предел выступлениям против него. Объясняется это тем, что положение Абулхаира было гораздо труднее, чем положение его предшественника — хана Тауке.

Абулхаиру не удалось укрепить отношения с широким кругом старшин. Поэтому хан неоднократно подчеркивает свое неустойчивое положение. На собрании старшин 1 декабря 1731 года в ответ на предъявленное ему обвинение в принятии российского подданства без согласия старшин Абулхаир заявил, что «он, хан, только имя носит ханское, а воли над поддаными не имет».[3]

Продолжая традиции Тауке, Абулхаир, однако, упрочил свои связи с небольшим кругом знати. Это была сплоченная батырская группа во главе с Букенбаем — реальная опора власти хана.

Положение Тауке было значительно устойчивее, так как власть его была упрочена традиционным наследованием и политикой, которую проводил хан в отношении биев. Улучшив социально-экономическое положение биев и усилив их политическую роль, Тауке не нарушал права совета, закрепленного обычаем и традиций. Абулхаир был менее последователен в своем отношении к исконным обычаям, нарушая право

---

[1] ЦГАДА. «Киргиз-кайсацкие дела», 1732, д. 1, л. 196. Докладная записка Тевкелева в Колл. ин. дел.

[2] «Красный Архив», 1936, № 5 (78), стр. 197. Донесение Тевкелева 5 янв. 1732 года.

[3] «Журнал» Тевкелева, л. 25.

совета старшин в тех случаях, когда он не рассчитывал встретить их сочувствие своим политическим планам.

Политика Абулхаира так же, как и политика Тауке, была направлена к созданию объединенного Казахского ханства. Серьезными препятствиями в осуществлении этого были обостренные отноения с Джунгарией, а также обостренные отношения Абулхаира с ханами и султанами Среднего жуза, то же с широким кругом старшин. Это обусловливало неустойчивое положение его власти. Отсюда стремление Абулхаира к обеспечению внешней безопасности и к укреплению ханской власти.

В своих стремлениях упрочить власть Абулхаир намерен был заменить аксакалов молодыми старшинами. Но в этих планах еще не было тенденций к созданию чиновного аппарата ханской власти.[1]

Абулхаир мог найти опору своей власти лишь среди узкого круга султанов, родственных ему по крови, и представителей батырства.

Обострение взаимоотношений Абулхаира с враждебной султанской группировкой и с широким кругом старшин создали то положение в жузах, которое явилось одним из активных стимулов в стремлении Абулхаира принять российское подданство.

---

[1] Позднее Кенесары и **Арынгазы вводят есаулов и казиев вместо старейшин и биев.**

ГЛАВА III

БОРЬБА С ДЖУНГАРИЕЙ В 20-х годах XVIII века

С начала XVIII века Казахское ханство переживало глубокие потрясения, вызванные обострением борьбы с Джунгарией. Эти потрясения поколебали те начала государственности, которые укреплялись политикой Тауке, продолжавшего традиции своих предшественников — Касима и Хакк-Назара.

Годы вторжений джунгарских ойротов были «годами великого бедствия». Это были годы обнищания страны, которые запечатлелись в народных преданиях как время «тяжелых испытаний, лишения былого счастья и богатства». Потребовалось напряжение всех сил казахского народа, когда решалась судьба его — быть или не быть под игом Джунгарии. Народные предания сохранили память о казахских батырах, ставших героями этой победы. «Опасность примирила внутренние междоусобия и направила всех к одному предмету»,— так отметил Левшин подъем национального самосознания, который можно рассматривать, как новый этап в борьбе с Джунгарией, ознаменованный крупными победами. Однако эти победы не могли обеспечить мирного существования казахского народа и окончательно пресечь стремление джунгарских владык к новым агрессивным действиям.

Задача этой главы — показать основные черты общественно-политического строя Джунгарии и главные этапы борьбы с нею до 30-х годов XVIII века.

Наиболее острые моменты борьбы связаны с крупными вторжениями в казахские кочевья джунгарских хун-тайджи Батура, Галдана-Бошохту и Цеван-Рабтана (с середины XVII до средины XVIII вв.).

Таким образом эта борьба падает на годы ханства Джангира, Тауке и Абулхаира.

Уже с средины XVII века Джунгария становится самым опасным соседом на восточных границах казахских кочевий. Эта опасность определилась с тех пор, как во главе ойротских племен стал чоросский хан Батур, первый из ойротских вождей, принявший титул хун-тайджи.

О том, куда были направлены политические планы хунтайджи и других джунгарских владык, говорит курултай 1640 года, где было принято так называемое «Степное уложение», или «Устав взысканий», составление которого приписывается Батуру. Одна из задач этого съезда заключалась в том, чтобы «дать отпор надвигавшейся на Монголию манчжуро-китайской волне».[1] Но были и другие задачи. Это был один из этапов в политике Батура, направленной к преодолению феодальной раздробленности. Состав курултая 1640 года, явившегося обширным съездом ойротской и монгольской знати, участниками которого были и торгоутские тайши (Хо-Урлюк и его сыновья Елдень и Дайчин, перекочевавшие в низовья Волги[2]), говорит о намерениях Батура укрепить политические связи. Некоторые исследователи[3] считают, что на этом съезде могли быть речи о завоевании новых земель и о восстановлении монархии Чингиз-хана.

«Степное уложение»,[4] содержание которого составляет целый ряд военных статей, говорит, прежде всего, о военной организации страны, где были заложены основы той обороны от «великого неприятеля», которая была связана с осуществлением широких агрессивных планов.

Этот памятник является также характеристикой социальных отношений Джунгарии, показывая, какую роль в этом государстве играли, так называемые, «владельцы» и целая система различных взысканий, начиная с натуральных сборов и кончая всякого рода наказаниями, вплоть до смертной казни.

Что представлял собой общественно-политический строй Джунгарии?[5]

---

[1] Г. Грум-Гржимайло. Урянхайский край и Западная Монголия. Л. 1926, стр. 639.

[2] По данным источников, Хо-Урлюк перекочевал к берегам Волги в 1630 году. Причиной выхода торгоутских тайшей из ойротского союза были не только феодальные распри. Как показывают архивные материалы, он был вызван также стремлениями освоить кочевья в низовьях Урала и Волги в связи с обострением вопроса о кочевьях на территории Джунгарии. (ЦГАДА. «Калмыцкие дела» XVII века. Воеводские отписки средины XVII века).

[3] Гурий. Очерки по истории распространения христианства среди монгольских племен. Казань. 1915, стр. 139—140.

[4] Мною использован текст «Уложения». изд. по спискам Г. Шереметьева в журн. «Северный Архив» за 1828 год. Этот текст является русским переводом древнейшей редакции «Устава взысканий» 1640 года, который имеется в архивном собрании. ЦГАДА «Калмыцкие дела». В дальнейшем мы будем указывать — «Устав взысканий».

[5] Джунгар (монг) — лев. крыло. Джунгария — название государства, образовавшегося в результате феодального распада ойротского союза. В состав ее вошла территория Западной Монголии, а также Илийский край. Основное население Джунгарии — ойротские племена: торгоуты, хошоуты, дурбэны, чорос, калмыки и др.

Являясь крупной кочевой державой, где главной отраслью хозяйства было скотоводство, Джунгария сохранила основные черты структуры монгольского общества эпохи Чингиз-хана. В общественно-политическом строе этого государства ярко выражены и рабовладельческие тенденции. Сохранились в нем и пережитки патриархально-родового быта.

«Уложение» дает представление об иерархической структуре ойротского общества. Наверху стоит хан, носивший титул хун-тайджи. Далее следуют «владельцы ханской крови»: тайджи[1] — вожди, племен, нойоны — управители улусов и зайсаны — управители аймаков. Старейшие зайсаны получили звание тарханов и были освобождены от податей. Дети нойонов, рожденные от матери, не принадлежавшей к роду нойонов, назывались табангоутами. Они занимали промежуточное положение между нойонами и зайсанами. Широкие массы основных производителей были на положении феодально-зависимых и рабов.

О том, как велика была власть хун-тайджи, П. Рычков писал, что «за сильнейшего почитается и власть над всеми поддаными своими подобно самодержавной имеет».[2]

Распределение пастбищ было в руках хун-тайджи. Одна из статей «Уложения» налагает взыскания на того, кто «кроме определенного своего к кочеванию места будет кочевать на чужом месте». В том случае, если аймак занимал чужое кочевье с зайсана, стоявшего во главе его, взималось 9 голов скота.[3]

Ближайшим совещательным органом хун-тайджи был совет зайсанов.[4] В особо экстренных случаях он собирался ежедневно,[5] как, например, в начале 1723 года.[6] В резиденции хун-тайджи был также суд («зарго»), состоящий из 10 зайсанов, который мог за важные преступления приговорить к смертной казни.[7]

«Начальные первые люди» хун-тайджи — это его зайсаны, среди которых первым зайсаном у Цеван-Рабтана был Черендондук, кочевавший на запад от Ургенча. О нем рассказы-

---

[1] Тайши в русских источниках.

[2] П. Рычков История Оренбургская. Оренбург. 1896, стр. 5.

[3] «Устав взысканий», стр. 69.

[4] И. Унковский. Посольство к зюнгорскому хун-тайджи Цеван-Рабтану. СПб. 1887, стр. 194. («Записки ИРГО» по отд. этнографии, т. X, вып. 2). В дальнейшем мы будем указывать — «Журнал» Унковского.

[5] Это обстоятельство крайне удивило Унковского. Позднее он узнал, что ежедневные собрания зайсанов были вызваны тем, что войска хун-тайджи «Казачью орду разбили». («Журнал» Унковского, стр. 102).

[6] В собрании зайсанов 29 янв. 1723 года участвовали представители феодальной верхушки — около 500 человек и ламы.

[7] «Журнал» Унковского, стр. 194. («Иных же, — писал Унковский, — привязав к лошадиным хвостам руки и ноги, и тако оные лошади на бегу тем людям и руки и ноги отрывают»).

вали, что с ним такое же количество людей кочуют, как и с хун-тайджи. У Цеван-Рабтана, по сведениям Унковского, было 13 зайсанов, которые обычно вели дипломатические переговоры с послами и поэтому присутствовали на приеме их в юрте хун-тайджи.

Крупную роль при дворе хун-тайджи играло ламское духовенство. Ламы участвовали в собраниях зайсанов. Во время различных празднеств они устраивали пышные церемониальные шествия. В «Журнале» Унковского имеется подробное описание празднеств в Урге, в частности, торжественной процессии лам перед новым годом («Цаган-Сара» или «Белый месяц»). О том, какую роль играли ламы при дворе хун-тайджи, говорит хотя бы тот факт, что на поминки по умершей жене хун-тайджи было роздано ламам около 10 тыс. баранов и большое количество лошадей, верблюдов и быков.[1]

Однако круг вассалов хун-тайджи был значительно шире. Унковский отметил, что Цеван-Рабтан «иных войною, иных же и ласкою под единым своим владением содержит».[2] Очень показательны в этом смысле взаимоотношения хун-тайджи с восточным Туркестаном (Малая Бухария). Унковский рассказывает, что хун-тайджи после того, как бухарцы отказались давать ему дань, «их войною смирил» и забрал к себе беков и лучших людей». «И до днесь, — заключает Унковский, — оной Эрке хан, и многие беки и лучшие бухарцы при нем, контайше, яко под неволею кочуют».[3]

В структуре ойротского общества были черты, указывающие на пережитки патриархально-родового быта.

Ойротское общество делилось на роды. «Уложение» указывает на существование целой градации родовых союзов. Первичным родовым союзом был хотон, который представлял собою соединение нескольких кибиток, населенных родственниками четвертой и пятой степени родства и имевших общее родовое хозяйство. Соединение нескольких хотонов, родственных между собой, образовывало аймак, имеющий общее кочевье на более обширной территории. Аймаки составляли еще более крупное объединение — оток (знамя). Некоторые названия отоков, как например, Орат (Ойрат), Киргиз, Тюленгут и др. говорят о том, что отоки были крупными родоплеменными объединениями. Возражая восточным авторам, в частности, Иакинфу, Б. Владимирцов указывает, что количество отоков в процессе развития феодальных отношений увеличивалось и потому неверным является представление о Джунгарии как только о союзе «четырех ойратов».[4]

---

[1] Там же, стр. 125. [2] Там же, стр. 195. [3] Там же, стр. 186.

[4] Б. Владимирцов. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934, стр. 157.

Оток был, повидимому, крупной военно-административной единицей. Члены отока были связаны не только родовыми кочевьями и общими перекочевками. Объединенные общим знаменем, отоки выходили против врага.

Соединение отоков образовывало улус, во главе которого стоял наследственный нойон, подчиненный вождю племени. Центром Улуса была ставка нойона, к которой стягивался весь улус во время военных походов.

Сложной градацией родовых союзов: хотон, аймак, оток и улус определялась и организация войска. «Войско,— пишет Георги, — разделено было на полки неравночисленные, а полки — на сотни. Каждый полк имел знамя, украшенное изображениями их бога войны, также змей, тигров, львов и проч.»

Каждый полк состоял из стрелков, которые, по описанию Георги, «сходили с лошадей, когда палили из ружей, из луконосцев, которые, столпясь, пускали тучею стрелы, и из копейщиков, решавших битву».[1]

Войско ойротов представляло собой крупную силу. У Цеван-Рабтана, по сведениям Унковского, было войско, состоявшее примерно из 60 тыс. человек. Во время военных походов оно доходило до 100 тыс.[2] Войском располагали подвластные ему управители улусов, отоков и аймаков.

Некоторые статьи «Уложения» говорят о том, каким образом увеличивались человеческие ресурсы страны и восполнялись потери в живой силе во время военных походов. Одна из статей предписывает: из 40 кибиток женить ежегодно 4 человек холостых, причем 10 семей должны оказывать каждому из них помощь в выплате калыма за невесту. В случае невыполнения этого предписывалось с 10 кибиток взять штраф — два верблюда, 5 лошадей и 10 овец.

Некоторые данные говорят о том, что рабы использовались в военных походах. Раб по «Уложению» приравнивался к дорогой вещи. Полагалось одинаковое вознаграждение за спасение из огня или воды раба, лат и панцыря. «А кто чьего раба или рабыню или латы или панцырь из пожару или из воды вытащит, тому за каждый из оных с хозяина взять одну лошадь и одного барана».

За убийство раба взыскивалось 45 скотин, а за убийство рабыни — 27 скотин.

О том, как ценилась живая человеческая сила, которая нужна была в условиях войны, видно из статьи «Уложения»: «Ежели кто человека убьет, и за то с оного взять великий штраф — 100 овец». О том же гласит и другая статья:

---

[1] Георги, указ. соч., ч. 4, стр. 8.

[2] «Журнал» Унковского, стр. 26.

«А ежели отец сына убьет и за то с оного, кроме его собственной фамилии, взять всех людей и имение».[1]

Вопрос снаряжения войска разрешался конкретными мероприятиями. «Уложение» предписывало: «В каждой год 40 кибиток должны сделать себе двои латы. А ежели не сделают, и за то взять с них штрафу одного верблюда и одну лошадь».[2] Иакинф по этому поводу писал: «Таким образом по истечении 20 лет не осталось бы в Северной Монголии ни одной юрты, которая не имела бы по крайней мере одной брони».[3]

Штрафы взыскивались за многие преступления предметами вооружения — панцырями, латами, каюками и так называемыми «жестокими вещами», а именно — пищалями и саблями. Поскольку в степной войне незаменимую роль играла лошадь, она также была объектом взыскания.

Вооружение ойротов было следующее: лук, копье, сабля, кинжал, фитильное ружье.[4] П. Рычков писал, что «и пушки у них есть, заведенные одним шведом, бывшим в плену во владениях хун-тайджи, которые во время военных походов возят на верблюдах и, не снимая с них, стреляют, но весьма не действительно, — замечает Рычков, — и так употребляются больше для страху, нежели для вреда неприятелям.[5]

В ойротском войске, повидимому, существовала и некоторая специализация частей его по отдельным видам вооружения (стрелки, лучники, копейщики).

Статьи «Уложения» предусматривают взыскания в случае нарушения порядка, установленного для обеспечения внешней безопасности, а также за преступления во время военных действий. Это наиболее строгие штрафы, от которых не освобождаются как тайши, так и другие феодалы. В «Уложении» говорится: «Ежели кто наш пограничный небольшой улус разорит, и за то с того разорителя взять на владельца 100 панцырей, 100 верблюдов и 1000 лошадей». П. Рычков отметил, что «на границах их (ойротов — Н. А.) для всякой осторожности содержатся у них немалолюдные караулы».[6]

Смертная казнь угрожала тому, «кто увидит приближение великого неприятеля или о том через кого уведает, да другим не объявит». «И того, — гласит статья «Уложения», —

---

[1] «Устав взысканий», «Северный архив», кн. 2, стр. 262—273.

[2] Там же, стр. 26.

[3] Иакинф. «Историческое обозрение ойротов или калмыков». СПб, 1834, стр. 52.

[4] «Устав взысканий», стр. 260.

[5] П. Рычков. Топография Оренбургской губернии. Оренбург. 1887, стр. 26. Здесь Рычков имеет в виду Рената, который во время пребывания своего в плену у джунгар научил их делать пушки и другое огнестрельное оружие.

[6] Там же, стр. 26.

с детьми и со внучаты разорить, и самого его и со всею фамилией умертвить».[1]

Военные статьи «Уложения» говорят о поведении во время боя, об обороне «владельцев», хун-тайджи и тайшей, о взаимоотношениях с союзниками и пр. За уход с поля боя налагаются строгие взыскания, но размер их определяется социальным положением того лица, которое совершило преступление.

Самым крупным штрафом караются хун-тайджи, которые за уход с поля боя должны платить 100 панцырей, 100 верблюдов, 50 кибиток людей и 1000 лошадей. За то же преступление с тайшей взыскивается 50 панцырей, 50 верблюдов, 25 кибиток людей и 500 лошадей; с нойонов — 10 панцырей, 10 верблюдов, 10 кибиток людей и 100 лодашей: с ближайших воинов хун-тайджи (дружинников) и служителей при дворе его — 1 кибитка, 1 панцырь и 8 скотин.[2]

Градация взысканий за нарушение дисциплины на поле боя говорит о том, как расценивалась ответственность за эти преступления. Самое большое взыскание падает на «главного владетеля». Но, по существу, не меньшая ответственность лежит и на рядовом воине, с которого берется последний панцырь и две лошади. Не менее серьезным было взыскание и с «подлого человека»,[3] который лишался своей единственной лошади и сайдака и карался, кроме того, обычаем, по которому он вынужден был надеть женское безрукавное платье, как символ трусости и позора.

Эта статья свидетельствует также о наличии большого количества зависимых людей как у хун-тайджи, так и у его вассалов. Военные статьи «Уложения» показывают, какую роль в системе штрафов играли и предметы вооружения.

«Уложение» оберегает интересы представителей феодальной верхушки, налагая самые тяжелые наказания за преступления против них. «Ежели кто великого владетеля (хун-тайджи — Н. А.) обесчестит, и за то оного разорить».[4] Другая статья предписывает награду за оборону тайши во время боя и смертную казнь за измену ему. «Кто во время боя оборонит владельца от рук неприятельских, и того пожаловать тарханом. А кто при таком случае владельца оставит, и того разорить и умертвить».[5]

Подвластные хун-тайджи обязаны обеспечить ему быстрое передвижение во время военной опасности. Одна из статей «Уложения» предписывает давать подводы во время прибли-

[1] «Устав взысканий». стр. 266.

[2] Там же, стр. 264—265.

[3] Этот термин в русских источниках по своему социальному содержанию равнозначен термину «черные люди», «простой народ».

[4] Устав взысканий», стр. 269.

[5] Там же, стр. 265—266.

ством рабов и широко использовали зависимых производителей. с которых взыскивался ежегодный оброк скотом, а также взимались различные чрезвычайные натуральные сборы. По первому зову тайши или нойона «черные люди» должны были выступить в поход, под страхом смертной казни оборонять в бою прежде всего своего вождя. Подвластные тайше не имели права уйти от него или перейти к другому феодалу. Зависимые от них производители должны были изготовлять латы, сабли, кинжалы и другие предметы вооружения, а также боеприпасы. Не было никакой уверенности в том, что завтрашний день не заставит выступить в поход или не потребует какого-нибудь чрезвычайного оброка.

«Уложение» является разработанной системой эксплоатации и покоренных народов. В отношении вассальных владений проводится та же основная линия — «взять на владельца». Это было требование дани, различных взысканий в пользу хун-тайджи, тайшей и нойонов. «По шкуре корсачей с души» взыскивалось с казахов Старшего жуза, когда была упрочена его зависимость от Джунгарии при Галдан-Церене,[1] и после вторжения Джунгар в его владения в 1741 году. Ясак взимался также соболями и другими ценными мехами.[2] Барабинские татары платили ясак и орлиными перьями, которые шли на изготовление стрел.[3]

Широко практиковались также сборы предметами вооружения (порох, панцыри, латы и пр.). Послы Галдан-Церена, приехавшие в 1744 году в Туркестан с требованием дани, собрав жителей города, «взяли на него, Галдан-Чирина (Галдан-Церена) пороху ручного и свинцу по осьмидесяти по пяти пуд».[4]

О том, как заинтересованы были джунгарские хун-тайджи в ясачном сборе, говорит та статья «Уложения», которая предписывает зайсанам приказать ясачным сборщикам собрать всех подвластных людей, ушедших в другие улусы. В случае невыполнения этого приказания «Уложение» в свою очередь предписывало взять с ясачного сборщика 9 голов скота и лишить его чина. Но ответственность за невыполнение в равной мере ложилась и на зайсана, если он не сумел организовать сбора и не воздействовал в этом направлении на сборщика. «Уложение» требовало в таком случае взыскать с него 9 голов скота.[5]

Каждый сборщик отвечал за сбор ясака с 40 кибиток. Взыскание ясака считалось «государевым делом» и поэтому

---

[1] Левшин, указ. соч., ч. II., стр. 79.

[2] «Журнал» Унковского, стр. 3.

[3] Иакинф, указ. соч., стр. 53.

[4] ЦГАДА. «Киргиз-кайсацкие дела», 1744, д. 4 лл. 116—121. «Сказка» сакмарского казака Мансура А...нова 2. июня 1744 года.

[5] Указ Галдана. «Северный архив», 1828, кн. 3, стр. 65.

ясачным сборщикам, в частности нойонам, разрешалось применять к неплательщикам даже телесные наказания.

Вассальные владения должны были поставлять людей для джунгарского войска. В условиях вассальной зависимости Старший жуз должен был собрать «знатных молодых людей», которых джунгарские нойоны «переписали в службу и оставили их с таким приказом, дабы были в поход готовы». [1] Призванные в джунгарское войско должны были являться со своим снаряжением. «Всякий подданный, — писал Георги, — долженствовал по первому повелению явиться к стану своего князя с верховой лошадью, оружием и провиантом». [2]

В условиях зависимости требовалась также посылка аманатов в ставку хун-тайджи. Для содержания аманата взыскивались особые сборы.

Вторжения ойротов имели целью захват территорий и, прежде всего, пастбищ, так как кочевое скотоводство было основной материальной базой Джунгарии. Накопление многочисленных стад требовало расширения кормовой базы. Остро ощущался недостаток хороших пастбищ на дальних кочевьях. Это было одной из причин перекочевки торгоутских тайшей к Волге. Богатые пастбища привлекали джунгар также в Семиречье.

Восточный Туркестан со времени его завоевания в 1678 году явился для Джунгарии источником богатых запасов золота, а также горячей серы и селитры, необходимых для изготовления боеприпасов.

Военные походы сопровождались захватом большого количества пленных, которые превращались в рабов. Рабы представляли собой даровую рабочую силу в хозяйстве джунгарских владельцев. Они были предметом купли и продажи на восточных рынках.

Таким образом, завоевательная политика Джунгарии была связана с захватом экономических ресурсов как во время военных вторжений, так и в условиях, когда хун-тайджи, укрепив свою власть в вассальных владениях, внедряли в них систему «взысканий».

Хун-тайджи претендовали и на непосредственное вмешательство в политическую жизнь своих вассальных владений. Говоря о положении ханской власти в Старшем жузе в условиях его вассальной зависимости от Джунгарии, П. Рычков отметил, что власть хана имела лишь номинальное значение, так как хан и бии вынуждены были подчиняться воле хун-тайджи.[3]

---

[1] ЦГАДА. «Киргиз-кайсацкие дела», 1744, д. 4, л. 242. «Сказка» вахмистра Уракова, 1744 года.

[2] Георги, указ. соч., стр. 7.

[3] П. Рычков. Топография Оренбургской губернии. Оренбург. 1896, стр. 18.

Крупную роль в вассальных владениях играли и наместники его. Известно, что Толе-бий, один из влиятельных биев Старого жуза, был изгнан из Ташкента наместником хун-тайджи Кусяк-беком. Кроме того, в вассальных владениях широко использовали свои права нойоны, не останавливаясь перед самыми жестокими мерами для взыскания ясака.

Таким образом, «Уложение» является ярким источником, показывающим феодальный строй Джунгарии. Унаследовав традиции военно-феодальной организации империи Чингиз-хана, это государство было построено на системе феодальной эксплоатации зависимого населения, как ойротов, так и завоеванных народов. Это была система различных натуральных сборов в пользу хун-тайджи и его вассалов.

Большое количество рабов и широкая продажа их на восточных рынках указывает на рабовладельческие тенденции этого государства.

Уставом взысканий 1640 года был регламентирован режим того раннефеодального государства, где крупному феодалу-скотоводу нужны были рабы и большое количество зависимых производителей как материальная база для благополучного существования.

Принцип родовой иерархии, родовая месть, обязательные браки для поддержания рода, целая градация родовых союзов и пр. — все эти пережитки патриархально-родового быта служили лишь средством для укрепления военно-феодальной организации государства и той системы взысканий, которая, по существу, являлась системой феодального гнета.

Это государство должно было обеспечить «оборону владельца», и в первую очередь хун-тайджи, который являлся «главным владетелем» обширных пастбищ, многочисленных стад и большого количества рабов. Военная добыча была одним из основных источников обогащения. Той же цели служила и система взысканий различных штрафов и сборов, взимаемых в пользу хун-тайджи и тайшей.

От управителей улусов — нойонов требовалось, прежде всего, выполнение «государева дела» — взыскание дани с вассальных владений. По размерам натуральных сборов видно, как расценивались различные нарушения военной дисциплины, как оберегались хозяйство и личность хун-тайджи и его вассалов.

В «Уставе взысканий» узаконены такие наказания, как «разорение имения», телесные наказания, пытка и смертная казнь. Смертная казнь с истреблением всей семьи, вплоть до третьего поколения, грозила тому, кто скроет приближение «великого неприятеля», кто изменит «главному владетелю» во время боя.

Эти взыскания вызваны и условиями внешнеполитической обстановки. Беспокойство по поводу приближения «великого

неприятеля» было беспокойством о состоянии восточных границ, откуда грозила опасность вторжения Китая. В этих условиях перед Батуром, унаследовавшим традиции своего предшественника Хара-Хулы,[1] стояла задача преодоления центробежных стремлений отдельных тайшей и объединение ойротских племен. Очевидно, этим обусловлены и высокие штрафы, взимаемые с тайшей в случае нарушения ими военной дисциплины (уход с поля боя). Как ближайшие вассалы хун-тайджи, они должны были в первую очередь обеспечить ему военную помощь. Характерно, что самое крупное взыскание за уход с поля боя налагается на хун-тайджи. Так, «Уложение» узаконивает активную роль главы государства и его вассалов в военных походах.

Внедряя систему военно-феодальной эксплоатации и порабощения широких масс зависимого ойротского населения и населения вассальных владений, Батур и его преемники намерены были создать такое государство, которое должно было обеспечить безопасность их вассалов для того, чтобы осуществлять широкие завоевательные планы.

С 40-х годов XVII века агрессия Батура направляется в сторону казахских владений.

В 1643 году произошло массовое вторжение ойротов в пределы Казахстана, в восточную часть Семиречья. Батуру удалось собрать для этого похода значительное войско. Первая победа была на стороне Батура. Без особых затруднений он нанес крупное поражение казахам. Нападение было стремительным и для Джангира неожиданным. Оказавшись в чрезвычайно трудном положении, он успел собрать лишь небольшое войско и, не имея возможности вступить в открытый бой с крупным войском хун-тайджи, воспользовался гористой местностью, решив здесь задержать противника. Устроив засаду в ущелье, окопав вход в него глубоким рвом и заградив высоким валом, Джангир разместил в этой засаде половину своего войска, а с другой скрылся за горой, с тем, чтобы напасть на джунгар с тыла. Ему удалось задержать джунгар в горном проходе на несколько дней до подхода войск бухарского хана, после чего ойроты вынуждены были отступить.[2]

Военные успехи Джангира дали возможность казахам отстоять свою независимость. Но все же ойроты завладели восточной частью Семиречья. В 1643 году Батур продвинулся до реки Чу.

---

[1] Хара-Хула возглавлял ойротские племена с конца XVI века до 1634 года. (Иакинф, указ, соч., стр. 44).

[2] Иакинф, указ. соч., стр. 55. Вельяминов-Зернов, указ. соч., ч. II, стр. 378—379. Фишер И. Сибирская история, стр. 444—445. Левшин, указ. соч., ч. II, стр. 58—60.

Совершив успешные военные походы, Батур значительно расширил пределы своего государства. С средины XVII века государство ойротов уже занимало обширную территорию между Алтаем, Тянь-Шанем и пустыней Гоби. Таким образом, восточная часть Семиречья и территория, расположенная между верховьями Иртыша и озером Балхаш, также вошла в состав владений Батура. В верховьях Иртыша находилась ставка хун-тайджи. Торгоутскими тайшами были освоены кочевья в низовьях Волги, где они появились в 1630 году с 50 тыс. кибиток. В 1640 году совершаются крупные походы торгоутских тайшей в район Уфы, к низовьям Урала и Волги. В 1634 году были сделаны нападения тайшей на Тюменский и Тарский уезды, сопровождавшиеся опустошениями русских селений.[1]

Однако остается неясным, в какой мере эти действия связаны с завоевательными планами Батура. Существенно отметить, что в районе Урала и Волги еще в половине XVII века создались предпосылки для той борьбы за кочевья, в которой в 30-х годах XVIII века столкнулись интересы казахских и калмыцких феодалов.

Завоевательная политика Джунгарии продолжалась и после смерти Батура. Властолюбивые замыслы преемника Батура, его сына Галдана, были направлены на завоевание Северной Монголии. Это были владения главы Хухунора Гуши-хана. Галдану удалось захватить часть владений его брата, хошоутского хана, а в 1678 году он совершил нападение на элютского хана Аблая-Ноина, занимавшего удел в западной части Южной Монголии. Аблай-Ноин был взят в плен и предан смерти.

Галдан обратил свои агрессивные действия против Восточного Туркестана (Малой Бухарии), который и был присоединен к Джунгарии в 1678 году. Этой крупной победой Галдан, по словам Иакинфа, «обеспечил себя в содержании войска». Восточный Туркестан сделался источником больших богатств хун-тайджи.[2]

С приобретением Восточного Туркестана открылся новый источник запасов золота (в районе г. Яркенда) и различных минеральных богатств. «Золото вымывается в селении Карья в таком количестве, — писал позднее Ч. Валиханов, — что жители подать свою оплачивают этим металлом и имеют возможность продавать его в частные руки».[3] Хун-тайджи могли

[1] ЦГАДА. «Калмыцкие дела». Воеводские отписки 40—50-х годов XVII века.

[2] За эти военные подвиги Галдан получил в 1679 году от Далай-ламы титул «бошохту» (благословенный). Иакинф, указ. соч., стр. 67.

[3] Ч. Валиханов. О состоянии Алтышара или шести городов восточной Китайской провинции Нин-Лу (Малая Бухария). «Записки ИРГО», 1861, № 2, стр. 13—14.

рассчитывать и на такое сырье, как горючая сера и селитра, которые шли на изготовление пороха.[1] Отсюда можно было получать красильные материалы и хлопчатую бумагу.

Здесь были благоприятные условия для развития земледелия, скотоводства, садоводства и огородничества. Поля Восточного Туркестана давали богатые урожаи пшеницы, ячменя, риса и кукурузы.[2] Здесь были хорошие пастбища, где паслись большие стада лошадей, овец и верблюдов.

Восточный Туркестан мог давать высокосортные фрукты, а также овощи и пряности. Яркенд славился черносливом, грецким орехом и высокосортным вином.

Значительная часть этих продуктов поступала во владения хун-тайджи.

(С приобретением Туркестана расширялись торговые связи Джунгарии с восточными рынками) Из его владений шел давно установившийся Теректинский путь, по которому торговые караваны могли ходить из Азии в Китай. Бадахшанский путь связывал Восточный Туркестан с Бухарой. Кара-Хурумский проход открывал пути в Тибет и в Индию.

В центральном городе Аксу сходились все дороги Восточного Туркестана. Отсюда шли дороги во все города Малой Бухарии, а также в Заилийский край. С Заилийским краем связывала Восточный Туркестан северная дорога, которая направлялась через восточное понижение Тянь-Шаня на Беркуль, Урумчи и в Или. Кроме того, Заилийский край мог сообщаться с Восточным Туркестаном южной дорогой, которая шла на запад через Пичан, Турфан и Урумчи.[3]

Со времени Галдана Заилийский край считался уже владением хун-тайджи. Главная ставка его находилась на реке Или. Кочевья его вассалов были расположены в Илийской области: в Урумчи, Чжулдусе, Менасе, Баянтае и других местах.[4]

По карте Рената они располагались, главным образом, по склонам гор и по верховьям рек вдоль Семиреченского Ала-тау, вдоль рек, текущих к оз. Балхаш, к северу от реки Или, на южном берегу озера Иссык-Куль и т. д.

Таково было в кратких чертах хозяйство Галдана в одном из крупных вассальных владений.

Захват Восточного Туркестана отразился на хозяйстве

---

[1] Большие запасы серы и селитры отмечены в окрестностях Кучи, в районе Турфана и Яркенда.

[2] Большое количество зерна поступало в Джунгарию. В сентябре 1722 года Унковский записал в своем «Журнале»: «Провианту прислано ему на месяц: муки пшеничной 40 мешков, круп просяных — 10 мешков, баранов — 50, козлов — 10 и по тому во вся месяцы давали».

[3] Ч. Валиханов, указ. соч., стр. 7.

[4] «Записки о землях, лежащих близ западной границы Китая». Перевод с кит. «Сибирский вестник», 1823, ч. 1, стр. 101—103.

улусов хун-тайджи. Унковский, приехавший в 1722 году в Ургу, в ставку преемника Галдана — Цеван-Рабтана, рассказывал: «Скота довольно имеют: лошадей, верблюдов, коров, овец великих, коз». Любопытны сведения Унковского и о состоянии земледелия во владениях хун-тайджи: «Ныне пашни у них от часу умножаются..., понеже, о том контайши приказ есть».[1]

Унковский был очевидцем пышных приемов при дворе хун-тайджи, богатых празднеств в Урге по случаю нового года и проч., в которых участвовала вся придворная знать во главе с хун-тайджи и большое количество лам. Наряду с этим Унковский столкнулся с фактами иного порядка, говорящими о том, на чем строилось благополучие джунгарской верхушки. Ойротки, приезжавшие для продажи лошадей и верблюдов в Ургу, жаловались Унковскому на то, что они «в худом состоянии пребывают». Они рассказывали, что ежегодно для хун-тайджи забирают в их кочевьях более 300 женщин и что они «за свой кошт» шьют к латам каюки и другое снаряжение, которое высылают войскам. Ежегодно берут у них также лошадей и другой скот, который отправляется в Ургу. А у престарелых и бездетных воинов, которые сами уже по болезни и старости служить не могут, забирают служителей и их хозяйство со всем имуществом. Эти факты говорят о том, как снаряжалось войско хун-тайджи, которое осуществляло широкие завоевательные планы.

С именем Галдана связан один из самых трудных этапов борьбы казахских жузов с Джунгарией — 80-е годы XVII века. Уже с начала ханства Тауке крупным нападениям подвергались владения южного Казахстана. Не случайно эта территория привлекла внимание ойротов. Еще в ранний период экономического развития южных районов здесь вырос целый ряд городов, которые сделались центрами торговых связей кочевых и оседлых племен и среди них такие города, как Сайрам и главный город Таласской долины Тараз.[2] С захватом городов южного Казахстана джунгарским хун-тайджи открывались возможности овладеть не только торговыми центрами, но и территорией, где проходил главный караванный путь, связывающий Казахстан с восточными рынками.

К 80-ым годам XVII века казахи были вытеснены джунгарами из Семиречья, потеряв здесь богатейшие пастбища. «С тех пор власть ойротов в Семиречьи, — говорит Бартольд, — никем не оспаривалась и многочисленные войны их с казаха-

[1] «Журнал» Унковского, стр. 195, 64—68.

[2] К югу от Тараза были расположены города: Атлах (Отлук), Хамукент, Сусы, к востоку — Кулан, Мерке и др. Рост городов в южных районах Казахстана связан с развитием караванной торговли.

ми, монголами и китайцами не имели отношения к этой области».[1]

В 1681—1684 гг. Галдан совершает крупные походы на Сайрам, в 1680—1682 и 1685 гг. — против киргизов и ферганцев. В 1684 году Сайрам был сильно разрушен Цеван-Рабтаном. Во время этого вторжения были захвачены и другие города, которые вынуждены были сдаваться один за другим под натиском ойротов. Успех джунгарских войск был обеспечен на этот раз как внезапностью и стремительностью их удара, так и появлением во главе их Цеван-Рабтана.

В 90-х годах затянувшаяся война с Китаем и Северной Монголией отвлекла Галдана от агрессивных действий в отношении казахских владений, так как война с этими государствами потребовала большого количества войска и участия лучших полководцев. О военных силах Галдана и о масштабах его военных действий можно судить хотя бы по тому, что в 1690 году он совершает второй поход на Халху (Северную Монголию) с 40-тысячной конницей, и кроме того еще рассчитывает на военную помощь Тибета. Китайский император Канси в своей речи к высшим сановникам государства вынужден был согласиться с тем, что Галдан, захвативший большое количество городов (Сайрам, Яркенд, Кашгар, Турфан и др.), а также земли бурутов (кара-киргизов), был сильным противником.[2]

В 1699 году, когда главным владетелем Джунгарии сделался Цеван-Рабтан, выдвинувшийся как полководец при разгроме Сайрама, все земли к югу и западу от Иртыша перешли в его управление. С именем Цеван-Рабтана в истории казахского народа связаны годы «великого бедствия».[3]

Захват южного Казахстана не разрешил до конца завоевательных планов хун-тайджи и, прежде всего, в отношении казахских степей. Очередной задачей в политике Цеван-Рабтана был дальнейший натиск на казахские владения. Хун-тайджи привлекал район Сыр-Дарьи, с захватом которого можно было расширить территорию богатых пастбищ.

Это открыло бы путь к дальнейшему вторжению в казахские владения. Но для этого требовались значительные силы.

---

[1] В. Бартольд. Очерки истории Семиречья. Фрунзе. 1943, стр. 84—85.

[2] Грум-Гржимайло, указ. соч., стр. 661, прим. I.

[3] Цеван-Рабтан, один из трех сыновей Сэнге, был племянником Галдана. По данным источников, его воцарению предшествовала ссора с Галданом, причину которой некоторые исследователи видят в «непомерном властолюбии» Цеван-Рабтана. Результатом ее было бегство Цеван-Рабтана в 1690 году в Турфан, где он, воспользовавшись тем обстоятельством, что все силы Галдана отвлечены к востоку, перешел реку Бороталу и там укрепился. (Грум-Гржимайло, указ, соч., т. II, стр. 660, прим. 2).

У Тауке было около 80 тыс. войска, а кочевья военной знати и «воинских людей» располагались в окрестностях его ставки.

Искушенное в военных походах войско Цеван-Рабтана, которого, по словам Унковского, «около 100 тыс. собраться может», состояло прежде всего из конницы.[1]

Кроме того Цеван-Рабтан мог рассчитывать на войско вассальных владений Восточного Туркестана — кара-киргизов и пр. По сведениям Унковского, у кара-киргизов, подвластных хун-тайджи, «войска около 3000 доброго собраться может».

Снаряжение джунгарского войска обеспечивалось системой натуральных сборов и всякого рода взысканий. Специализация частей (стрелки, лучники, копейщики) и укрепление дисциплины, подчинение которой требовалось под угрозой смертной казни, были подготовкой войска к агрессивным действиям.

Однако успех вторжения в казахские владения мог быть обеспечен при благополучном состоянии других границ Джунгарии. С расширением вассальных владений (Восточный Казахстан, территория кара-киргизов, владения Старшего жуза) была укреплена юго-восточная граница Джунгарии.

Каково было положение на северо-восточной границе? Еще в 1699 году томские, красноярские и кузнецкие служилые люди в своих «распросных речах» в Сибирском приказе свидетельствовали, что «киргизы, воровские люди под Томской и под Красноярской и Кузнецкой подбегают по вся годы почасту, и людей побивают, и скот отгоняют и раззоряют. А теми киргизами владеет Чаган-контайша».[2] А в 1700 году ясачные татары Коурчичка и Калгушка, побывавшие в кыштымах киргизских, рассказали, что киргизы по требованию посланца хун-тайджи должны собирать омман[3] (плату за пощаду — Н. А.). Кроме того хун-тайджи потребовал возврата пленных. Это говорит о том, какие требования предъявлял хун-тайджи к кыштымам киргизских князцов, ставших его вассальными владениями на северо-востоке.

Под властью хун-тайджи участились феодальные набеги на русские селения. По сведениям сына боярского Кругляка, подвластные хун-тайджи киргизы и черные калмыки приходят под слободы и деревни Томского уезда «многолюдством... и чинят всякое разорение: деревни жгут, и скот отгоняют,

---

[1] «Журнал» Унковского, стр. 194. Унковский о джунгарском войске писал следующее: «Все конные. Оружие у них: луки, копья длиною в 7½ арш. и много имеют пищалей, и сабли имеют. Порох делают сами».

[2] Чаган-контайша, Чаган-Араптан — так называют русские источники Цеван-Рабтана. «Памятники Сибирской истории XVIII века», т. I, док. № 1, стр. 11. Уже в правление Батура ойротские тайши начали претендовать на захват территории к западу и к югу от Енисея. (Фишер, цз. соч., стр. 441).

[3] «Памятники Сибирской истории XVIII века», т. I, док. № 20, стр. 94.

и на пашнях людей побивают, и ни на какие промыслы ходить не дают. И на промыслах вверх по Томи реке промышленных и ясашных людей разоряют и побирают. И от того соболиного и звериного и иного никакого промыслу ни стало».[1]

Из этого описания видно, во что выливались набеги военных отрядов хун-тайджи. Для того, чтобы пресечь их, приказано было царским правительством выступить в поход служилым людям зимой, когда можно застать неприятеля врасплох на зимних стоянках.

Царской грамотой от 31 декабря 1700 года повелевалось также тобольским воеводам допросить калмыцких посланцев: по чьему приказу калмыки и киргизы делают набеги на деревни Томского и Кузнецкого уездов, так как еще весной того же года от зайсанов Цеван-Рабтана приехали два посланца в Томский уезд, якобы, для выяснения того, «от кого война с русскими людьми и задоры чинятца».

Однако тот факт, что в этих набегах участвовали не только киргизские князцы, подвластные хун-тайджи, но и «черные калмыки», говорит о том, что они совершались не без участия хун-тайджи. Осенью 1700 года киргизский князец Таин Ирка должен был, соединившись с ойротами, осадить Кузнецк. Это, однако, не удалось, хотя киргизские князцы подошли к самому городу.[2]

Все это характеризует положение, сложившееся на северо-восточных границах Джунгарии, имевшее свои последствия и для казахских владений.

С начала XVIII века на казахские кочевья посягали и башкирские феодалы, которые, продвинувшись от Уфы за Урал на Сибирскую сторону, намерены были итти на русские города, а затем совершать набеги на кочевья казахов и каракалпаков.[3]

Не урегулированы были взаимоотношения и с сибирскими казаками, а также с волжскими калмыками. Но самыми трудными были взаимоотношения с Джунгарией.

К началу XVIII века еще не изжиты были последствия тех крупных потерь, которые были результатом вторжения ойротов в казахские владения в 80-х годах XVII века. С потерей Семиречья Казахское ханство лишилось богатейших пастбищ. Этот факт положил начало той борьбе за кочевья, которая была близка и понятна широким народным массам. С захватом Семиречья был нанесен удар политическим и хозяйственным планам Казахского ханства, направленным к тому, чтобы упрочить связи с оседлыми районами, где были торговые и ремесленные центры. Потеря Сайрама, разрушенного полководцем Галдана Цеван-Рабтаном, была потерей связей

---

[1] Там же, т. 1, док. № 1, стр. 1—2.
[2] Там же, т. 1, док. № 20, стр. 95.
[3] Там же, т. 1, док. № 17, стр. 82.

с Восточным Туркестаном. В 80-х годах джунгары опустошили весь юг Казахстана. Не было никаких гарантий, что в ближайшие годы не последуют еще более сокрушительные удары.

Став в 1699 году главным владетелем Джунгарии, Цеван-Рабтан обратил свое оружие против владений Среднего жуза. Но китайскому двору хун-тайджи пытался доказать, что он начал воевать с казахами поневоле, что причиной этой войны является вероломная политика Тауке, а именно тот факт, что хан совершил нападение на его отряд, состоявший из 500 человек. Этот отряд сопровождал сына Тауке, который возвращался по требованию хана из джунгарского плена.

Цеван-Рабтан заявил, что хан «всех провожатых перебил. Мало того, умертвил одного из его, Цеван-рабтановых князей, а князеву жену с детьми и людьми, в числе более 100 кибиток увел к себе». Кроме того, Тауке, якобы, нападал на сына торгоутского хана Аюки, который вез к Цеван-Рабтану свою сестру, а его невесту, что наконец, Тауке захватил русских купцов, которые от него возвращались в Россию.[1]

В наших источниках мы не имеем подтверждений таких агрессивных действий Тауке в отношении Джунгарии.

Политика Тауке с самого начала была направлена в сторону укрепления положения для Казахского ханства в среднеазиатских владениях. Резиденцией Тауке был г. Туркестан. Кроме того, по сведениям Кобякова, в его владении были города, в окружении которых располагались кочевья хана, султанов, биев и батыров. В 1693 году Тауке совершает поход на китай-кипчаков, во время которого было взято два города. В 1695 году он ведет борьбу за обладание Ташкентом, неоднократно привлекавшим его предшественников. Но овладеть Ташкентом ему удалось лишь в последние годы жизни.[2] С Бухарой Тауке намерен был поддерживать мирные взаимоотношения, о чем говорит, например, прием, оказанный им бухарскому послу, и его готовность выполнить требование бухарского хана Субхан-Кули о возврате пленных.

Отдельные детали статейных списков русских послов Скибина и Трошина дают представление о том, как подготовлялся отпор военному наступлению Джунгарии в улусах Тауке. Послы отметили здесь большое количество воинских людей, караулы, расставленные при выходах на калмыцкую дорогу, и слышали о том, что хан располагает 80-тысячным войском.[3] Все это свидетельствует о напряженном положении в ко-

---

[1] Вельяминов-Зернов, указ. соч., ч. II, стр. 380—381; Иакинф, указ. соч., стр. 89—90; Леонтьев. Уведомление о бывшей в 1674—1689 гг. войне китайцев с зюнгорцами, стр. 67—68.

[2] Дата взятия Ташкента Тауке не установлена.

[3] ДАИ, т. X, док. № 80, XIV, стр. 386. В ответ на челобитие А. Неприпасова об отпуске послов Тауке сказал: Ныне осенью итти нельзя, пришли калмыки и стоят на Сары-Су реке».

чевьях Тауке, вызванном серьезной опасностью на восточной границе. Не безопасен был и тот путь, по которому шли послы в улусы Тауке, так как в степи им пришлось столкнуться с военными отрядами калмыков. Тауке не хотел отпустить их, мотивируя свой отказ тем, что калмыки стоят на реке Сары-Су.[1] Однако Тауке предпочитал укрепить оборону своих улусов и на первых порах воздержаться от наступательных действий против Джунгарии.

Иной политики держался его противник Цеван-Рабтан. Заверяя китайское правительство в том, что он воюет с казахами поневоле, Цеван-Рабтан с самого начала своего правления открыл агрессивные действия против Среднего жуза. Некоторые данные говорят о том, что победа во время первого наступления его была на стороне джунгар. К сожалению, источники не дают представления о том, как развернулись военные действия и каковы были потери казахского войска.

Вскоре Цевак-Рабтану удалось задержать в своих владениях бежавших в Джунгарию во главе с сыном хана Аюки Санжипом волжских калмыков, которых он расселил по разным улусам, отправив Санжипа обратно к Аюке.[2] Китайские источники отмечают, что с этого времени Цеван-Рабтан стал надменно относиться к пекинскому двору. «Действительно имеются основания думать, — пишет Грум-Гржимайло, — что именно в это время Цеван-Рабтан замыслил объединить всех ойротов и восстановить прежние границы Джунгарии, в частности, вернуть и те земли по верховьям рек Урунгу и Черного Иртыша, которые были потеряны в войне Галдана с Халхой, но главное свое внимание Цеван-Рабтан устремил на владения хошоутов.[3] Трудный поход к их владениям окончился безрезультатно. В 1719 году Цеван-Рабтан лишился княжеств Хами и Турфана. Таким образом, Цеван-Рабтан с начала XVIII века был отвлечен на ряд лет военными действиями, связанными с восстановлением прежних границ Джунгарии. Однако это не ослабило его действий против казахских владений.

---

[1] А. Позднеев. К истории зюнгорских калмыков. Прилож. в кн.: «Посольство к зюнгорскому хун-тайджи Цеван-Рабтану капитана И. Унковского. СПб., 1887, стр. 257.

[2] Санжип увел в Джунгарию в 1711 году 15 тыс кибиток волжских калмыков. Причиной этого была, повидимому, семейная ссора в доме Аюки.

[3] Хошоуты, отделившись от основной массы ойротского населения Джунгарии в средине XVII века, двинулись к югу и дошли до Тянь-Шаня. Перевалив через горы, они овладели всем Хухунором, раскинув свои кочевья вплоть до Тибетского нагорья. Во время похода Цеван-Рабтана в 1716—1717 гг. они занимали обширную территорию от Гималаев до Ала-Шаня. В 1714 году Цеван-Рабтану удалось разбить китайскую армию и захватить всю территорию Огунд-Годзы, куда, по сведениям Унковского, выходила так называемая калмыцкая дорога.

Крупное вторжение джунгарских войск произошло в 1710—1711 гг. Насколько серьезно было наступление джунгар, видно из того, что в 1710 году было созвано широкое народное собрание казахских жузов, съезд в Кара-Кумах, где предводителем ополчения был избран батыр Букенбай. Это было крупным событием в борьбе с Джунгарией. С этого времени определилась выдающаяся роль батыров в этой борьбе.

Созыв широкого собрания в Кара-Кумах был одним из этапов подъема народных масс, что и определило на некоторое время успех войск Тауке. Казахи вторглись в пределы ойротских владений, разорив большое количество кочевий пограничных ойротов и захватив много пленных. Но в 1713 году ойроты предприняли новые наступательные действия.

Некоторые этапы военного наступления Цеван-Рабтана в начале 20-х годов нашли свое отражение в статейном списке И. Чередова, посланного майором Лихаревым к Цеван-Рабтану для переговоров по поводу набегов джунгар на русские селения и слободы.[1]

Улусы хун-тайджи в 1713 году располагались по реке Или. В статейном списке Чередова отмечено, что ему по приезде к Цеван-Рабтану пришлось жить в урочище на реке Или «против его, контайштных, улусов». В районе реки Чаган-Узун были расположены «крайние улусы» хун-тайджи.[2]

У Чередова имеются краткие сведения о походе людей хун-тайджи на город Абакан и на острожек между Бией и Катунью. На приеме Чередова Цеван-Рабтан заявил: «На Бии и на Катуни в стрелке построен был отрожек, и та земля наша. Прежде поставленной острожек был, мы разорили и ныне внове ставить не дадим». Чередов должен был убедить хун-тайджи в том, что город тот построен на земле его царского величества, потому, что те земли расположены на сибирских реках. «А ежели он станет говорить, — заявил Чередов, — что он, хун-тайджи, кочует на тех землях, и ему отповедь чинить на то слово: многие иноземцы кочуют и неподданные на землях царского величества..., а своею землею николи не называют». Но Чередову не удалось убедить в этом ни хун-тайджи, ни его зайсанов. Последние в свою очередь заявили: «Мы кочуем на своей земле, и та земля наша из давных лет».[3]

Эти сведения Чередова показывают, в каком направлении могло развернуться наступление Цеван-Рабтана с начала 20-х годов. Поход на Абакан и захват острожков между Бией и

---

[1] «Памятники Сибирской истории XVIII в.», т. I, док. № 122, стр. 516—537. Наказ тарскому казачьему голове Чередову от 20 июня 1713 года и статейный список Чередова.

[2] Там же, т. I, док. № 122, стр. 521, 526. (Из статейного списка Чередова).

[3] Там же, т. I, док. 122, стр. 517, 522—523.

Катунью открывал путь для дальнейшего наступления. О том, что захват этих мест хун-тайджи был понят, как опасность, грозящая ударом и в сторону казахских владений, говорит тот факт, что казахи, в свою очередь, в 1714 году совершили поход на «крайние улусы» хун-тайджи.[1] Но на этот раз казахи потерпели поражение от джунгар.

Не безопасно было положение и в районе Ямышевой крепости. Здесь были расставлены военные отряды хун-тайджи, которые совершали свои нападения и на русские отряды. Известно, что экспедиции Бухгольца пришлось выдержать крупное столкновение с отрядами ойротов, которые обложили Ямышеву крепость со всех сторон и решили, прервав сообщение, стоять вокруг нее до тех пор, пока русские, истощив запасы, не вынуждены будут оставить укрепление.

Таким образом в середине 20-х годов XVIII века создалось то напряженное положение на северо-восточной границе, которое в 1716 году побудило Тауке через своих послов вести переговоры с царским правительством и заявить о своем намерении воевать с Джунгарией. Послы сообщили, что хан располагает войском в 20 или 30 тыс. человек. Повидимому, хан рассчитывал заручиться и военной помощью России. Но сибирский губернатор М. Гагарин, с которым велись переговоры, учел, что это грозило большими осложнениями во взаимоотношениях России с Джунгарией и нарушило бы хозяйственные планы освоения богатых золотом и серебром мест по Иртышу. А потому без царского указа «калмыцкого владельца воевать не велел».

О своей готовности «воевать контайшу» заявил через послов и хан Каип в 1716 году. Послы Каипа сообщили, что «у него Хаип хана, ссора (с калмыками — Н. А.) из давних лет». Кроме того, Каип обещал «ходить на контайшу войной в 20 и в 30 тысячах или с русскими воинскими людьми».[2]

К этому же времени относится еще один эпизод. Томский татарин, захваченный в плен калмыками по пути от Томска к Ямышеву озеру, в своих «распросных речах» рассказал о том, что вверху реки Или делают дощеники тому уже другой год... а над ними командир из шведов... И будто на тех дощениках контайша с богатством намерен бежать вниз по реке Или..., опасаясь войск российских».[2] Известно, что швед Ренат во время своего пребывания в джунгарском плену сыграл некоторую роль в военном хозяйстве Джунгарии, обучив местных ремесленников производству пушек и ружей-

---

[1] Это обстоятельство было причиной того, что хун-тайджи дал Чередову свой конвой в количестве 200 человек для сопровождения его до Иртыша.

[2] «Памятники Сибирской истории XVIII в.», т. II, док. № 41, стр. 152—153.

ному делу. Поведение же хун-тайджи, повидимому, вызвано было, с одной стороны, опасением репрессий со стороны России по случаю нападения калмыков на военный отряд Бухгольца, а с другой, дошедшими до него сведениями о переговорах казахских послов с царским правительством и опасением военного союза Казахского ханства с Россией.

Намерение Каипа и Абулхаира воевать с Джунгарией осуществилось лишь в 1718 году, когда они с 30-тысячным войском совершили крупный поход, во время которого произошло сражение на реке Аягуз. Кутлубей, один из участников этого сражения, рассказывал русскому послу Брянцеву: «И сошлись с ними калмык человек с тысячу, с которыми у них была баталия до вечера. И ночью калмыки, нарубя лесу, сделали деревянный вал выше калмыцкого, и с того валу по калмыкам стреляли два дни. И на третий же день явилось из стороны калмыцкого войска еще тысячи полторы и наехали на кошевые их станы, и кошевары, испужавшись, побежали, а за ними и их казачье войско». Сообщение Кутлубея подтвердилось. «В народе» рассказывалось о том, что на третий день боя совершено было новое нападение на казахское войско. «И они, казахи, стреляли по них из фузей, а калмыки напали на них с копьи жестоко, и они не стерпя того, побежали все, и за ними и калмыки гнали полдни, и их людей побили».

О бегстве казахского войска рассказывал и тюменский пленный татарин Бутук Куцашев. По его словам, от войска Каипа осталось всего два человека, а сам Каип вернулся в свои улусы.

Абулхаир и Каип, затеяв этот поход, видимо, рассчитывали использовать удобный момент обострения взаимоотношений Джунгарии с Китаем, когда военные силы Цеван-Рабтана могли быть отвлечены на восточные границы.[1] Взятые в плен ойроты убедили Каипа, что «калмыки Казачью орду ныне воевать не будут».

Таким образом, наступающей стороной на этот раз был Абулхаир и Каип. У них было явное превосходство в количестве войск, но победу одержали ойроты.

Как показывают отдельные эпизоды военных столкновений казахов с ойротами, успех военного предприятия в степных набегах как у тех, так и у других обеспечивался внезапностью ночного наступления конницы и стремительностью первой атаки. Набеги свои, — писал Левшин о казахах, — производят

[1] Брянцеву удалось узнать о том, что китайский военный отряд, дойдя до «крайних улусов» хун-тайджи, захватил в плен ойротских тайшей. А в лесу было обнаружено письмо, в котором китайцы, по словам Брянцева, требовали, чтобы «контайша на их земле не жил или шел бы с ними в бой».

они по большей части ночью, нечаянно и без всякого порядка, но с удивительным стремлением и криком, имея при себе разного рода оружие, как-то: сабли, ружья, стрелы, палки, каменья, наконец, арканы или веревки для пленения неприятелей. Первый удар или первая атака бывает всегда сильна и устоять против оной нелегко. В ней совокупляют они всю храбрость свою».[1] Наступление обычно начиналось метанием стрел, а затем следовало стремительное нападение толпою с криком «ги».[2]

Наступление по следам противника, как показывает Бакунин, было обычным приемом в военной тактике ойротов. Оно производилось после того, как противник с добычей или без добычи уходил от их улусов. Бакунин писал: «И тогда калмыки ходят за неприятелем по следам их и, догнав их, с ними дерутся с лучшим успехом, потому что неприятели, как сами, так и лошади бывают от похода уже утомленными».[3]

В условиях гористой местности устраивались засады в ущельях, где оставлялась часть войска, а другая, соединившись с подкреплением, совершала обход с тыла, нанося решительный удар. Астраханский губернатор А. Волынский, оценивая соотношение сил казахов и волжских калмыков в военных предприятиях, писал: «Калмыки, конечно, могут пропасть, ежели так сильно оные касаки на них идут, понеже они так перед касаками робки, например, где оных сот 5 или 6, а калмыки пятью или шестью тысячами не могут противу их устоять, понеже касаки имеют больше пищалей, нежели луков».[4]

Но в сражении при реке Аягуз оказалось как раз наоборот: значительно превосходящее по численности казахское войско вынуждено было в беспорядке отступить. И это не единичный факт такого неудачного исхода сражения для казахов в их военных столкновениях с джунгарами. Начальник Оренбургской экспедиции Кириллов, пытаясь объяснить причину потери казахскими ханами городов в среднеазиатских владениях, в своем представлении от 1734 года писал: «Все те киргиз-кайсацкие орды с зенгорскими калмыками в непристойной войне, и могли бы тех калмык одолеть, ежели б обще согласились. А у них один хан с войною пойдет, а другой оставляет, и так свое владение у калмыков теряют».[5]

В описании сражения при реке Аягуз неясна роль Каипа

---

[1] Левшин, указ. соч., ч. III, стр. 78.

[2] Броневский, указ. соч. «Отеч. записки», 1830, ч. 42, № 121, стр. 175. Завалишин, указ. соч., стр. 39.

[3] «Описание калмыцких народов» В. Бакунина. ЦГАДА. «Киргиз-кайсацкие дела», д. 1, лл. 36—37.

[4] ЦГАДА. «Калмыцкие дела», 1726, д. 5, лл. 185—186. Доношение А. Волынского от 10 июня 1725 года.

[5] Материалы по истории России, изд. А. Добросмысловым, т. I, стр. 35.

и Абулхаира и их поведение в отношении казахского войска. По рассказу мурзы Кутлубая, после того, как подоспело подкрепление ойротскому войску, а казахское войско обратилось в бегство, Каип и Абулхаир вернулись к своим улусам. Эти сведения не увязываются с сообщением пленного татарина Бутука Куцашева, по словам которого, после бегства казахского войска под натиском ойротов Каип, оставшийся только с двумя человеками, возвратился в свой улус. Если последнее сообщение имеет некоторые основания, то не следует ли предположить, что и на этот раз, в трудный момент сильного натиска ойротов, войско казахов под начальством двух ханов оказалось дезорганизованным как по причине внезапности нападения, так и благодаря внутренней несогласованности действий своих вождей, что и решило неудачный исход сражения. Это характеризует взаимоотношения Каипа и Абулхаира, выступавших вместе в ответственный момент борьбы с сильным противником. Но приведенные данные источников, к сожалению, не дают возможности внести окончательную ясность в этот вопрос.

Весной того же 1718 года джунгары, продвинувшись к городу Туркестану по рекам Бокан, Чаян и Арс, «рубили казачью орду».[1] Трудно установить, был ли этот набег ответом на поход Абулхаира и Каипа, так как точная дата их похода не установлена. Но самый факт столкновения около города Туркестана говорит о намерении джунгар овладеть главной ставкой казахских ханов. Так готовился главный удар джунгар, угрожавший захватом казахских городов.

В то же время улусы Абулхаира по Илеку были не безопасны от нападения волжских калмыков. Им угрожали набеги калмыцких тайшей и прежде всего одного из вассалов хана Аюки Дорджи Назарова, укрепившегося в верховьях Эмбы.[2]

Эта опасность для владений Младшего жуза могла увеличиться еще более по той причине, что царское правительство, намереваясь использовать своего верноподданного Аюку для охраны Яицкой линии, допускало мирные взаимоотношения последнего с казахами лишь в том случае, если они не повлекут за собой нападений на яицких казаков.[3]

Указ Сената от 1722 года[4] о назначении военной охраны для улусов хана Аюки, чтобы предупредить нападения на них башкир, крымских и кубанских татар свидетельствует о том, какой притягательной силой для казахов были кочевья в

---

[1] «Памятники Сибирской истории XVIII века», т. II, док. № 41, V, стр. 162.

[2] ЦГАДА. «Калмыцкие дела», 1720, д. 7, лл. 11—12. Доношение стольника Бахметьева Петру I от 22 апр. 1720 года.

[3] ЦГАДА. «Калмыцкие дела», 1721, д. 3, л. 4. Приговор Колл. ин. дел 25 мая 1721 года.

[4] Там же, 1722, д. 9, л. 3.

районе урала и Волги и как усиливалось тяготение их к русским границам. С другой стороны, из указа видно, в какой степени царское правительство было заинтересовано в обеспечении безопасности кочевий одного из верных своих вассалов, военная помощь которого была нужна для охраны пограничной линии.

Набеги казахов на кочевья калмыцких тайшей были не случайными. Отъезд посла хана Аюки к Абулхаиру в конце августа 1723 года для переговоров о мире говорит о серьезности создавшегося положения, о том, что назрела необходимость предотвратить повторение дальнейших столкновений с казахами и обеспечить безопасность кочевий у Яика и Волги. Посол Аюки, отправленный для выяснения вопроса о мире, встретил на реке Темир (правый приток Эмбы) Абулхаира во главе большого войска из казахов и каракалпаков, в количестве 15 тыс. человек. При встрече с послом Абулхаир заявил, что «идет он воеватца с калмыками. А будет де с ним Орда тысяч с 40».[1]

Для Младшего жуза создалась чрезвычайно трудная обстановка — опасность со стороны владений волжских калмыков на западной границе и опасность удара джунгар с востока, если бы пришлось отойти в сторону Туркестанского владения. По некоторым сведениям, хун-тайджи намерен был кочевьем своим приблизиться к каракалпакам, вследствие чего последние в свою очередь собирались продвинуться к кочевьям волжских калмыков[2]. Таким образом, еще острее вставал вопрос о кочевьях в районе Урала и Волги.

Казахам угрожала опасность объединенного удара с запада и востока. Из секретного доношения посланца тайши Досанга астраханскому губернатору Волынскому от 22 окт. 1723 года выясняется, что за семь или восемь лет до этого хан Аюка отправил посла своего Цагана Манжу к Цеван-Рабтану. В 1723 году вернувшийся Манжа привез с собой четырех послов хун-тайджи, с которыми Цеван-Рабтан передавал хану Аюке, что он (Цеван-Рабтан) воюет с казахами и с каракалпаками уже третий год. А ближайшей весной он намерен кочевать у Яика и Волги. В знак «обязательства дружбы» хун-тайджи просил Аюку прислать двух его родственниц, чтобы выдать их замуж за своих родственников. «И съезжатца б женихи и невесты, — писал хун-тайджи,— предбудущею весною, по сходу снега, за Яиком».

Аюка, получив это письмо, решил отправить в улусы хун-тайджи свою внучку. Однако намерения Аюки не встретили сочувствия у тех тайшей, которые боялись потерять

---

[1] ЦГАДА. «Калмыцкие дела», 1723, д. 3, лл. 23—24. Промемория из Колл. ин. дел от 28 ноября 1723 года.

[2] ЦГАДА. «Калмыцкие дела», 1722, д. 3, лл. 23—24.

свои кочевья в районе Урала и Волги. Один из них, Досанг пытался убедить Аюку в том, что «им с черными калмыками (джунгарами — Н. А.) кочевать будет тесно». Досанг был уверен, что хун-тайджи ближайшей весной будет воевать с Аюкой, сделает тайшей своими поддаными и будет кочевать в районе Урала и Волги.[1]

Намерения хун-тайджи укрепить связи с Аюкой были очередным этапом в завоевательной политике хун-тайджи. Это были намерения осуществить военный союз с ним, грозивший ударом для всех тех, кто стоял на пути к завоеванию экономического и политического господства.

Поэтому тайши не случайно боялись потерять свои кочевья. Тайши боялись, что кочевать им будет еще теснее, когда под натиском Джунгарии кочевья казахов и каракалпаков будут оттеснены к западу.

Опасность потери кочевий еще в большей степени грозила Младшему жузу, особенно если-бы хун-тайджи удалось соединить свои военные силы с Аюкой. Поэтому уже в начале сентября 1723 года Абулхаир во главе 20-тысячного войска выступает в поход на калмыцких тайшей. Вернувшись из разведки, военный отряд сообщил Досангу, что казахи переправились через Яик. Появление Абулхаира в районе Яика с крупным войском вызвало большую тревогу. Досанг немедленно отправил к Аюке бывших с ним тайшей с предложением, чтобы хан оставил свои улусы «в крепких местах», а сам с войском выехал на границу их. Извещая Аюку о том, что Дорджа Назаров, собравший пять тысяч войска, охраняет только свои улусы, Досанг просил Аюку оказать ему военную помощь и прислать оружие. Однако Досангу не удалось получить войска. Аюка, видимо, был в большом затруднении, судя по тому, что он сам настойчиво просил военной помощи у царского правительства, сообщив, что идет на калмыцкие улусы казахское войско в количестве 20 тысяч человек. В ответ на эту просьбу астраханский губернатор Волынский приказал послать военную команду и шесть эскадронов для охраны улусов тайши Аюки. Вскоре были получены сведения, что казахи разбили улусы Лекбая, состоявшие из двух тысяч кибиток, захватили большое количество скота и пленных.[2]

Опасаясь нападения на свои улусы и не рассчитывая на военную помощь Аюки, Досанг просил Волынского прислать ему 100 человек солдат с пушками и отряд донских казаков, жалуясь, что «они (калмыцкие тайши — Н. А.) пришли к крайнему разорению».

---

[1] ЦГАДА. «Калмыцкие дела», 1723, д. 5, л. 28. Доношение в Колл. ин. дел астрахан. губ-ра Волынского 3 окт. 1723 года.
[2] Там же, лл. 22—23.

Оказывая военную помощь Аюке и Досангу, Волынский намерен был обеспечить охрану пограничной линии и не допустить перехода казахов за Яик на «внутреннюю сторону». Волынский, очевидно, был не осведомлен о связях Аюки с Джунгарией и о том, что хун-тайджи намерен был укрепить эти связи, посягая на кочевья в районе Урала и Волги.

Войску Досанга и Аюки удалось задержать продвижение казахов к Яику. Но на этом не закончились столкновения Абулхаира с калмыцкими тайшами, осложняя борьбу с джунгарами в восточных районах.

В наших источниках нет достаточных материалов, освещающих главные центры борьбы казахских жузов с джунгарами на востоке. Вернувшийся осенью 1723 года посол Аюки сообщил, что уже в течение трех лет хун-тайджи воюет с казахами и каракалпаками. Это был один из самых трудных этапов борьбы, завершившийся годами «великого бедствия».

Самым крупным событием этих лет было вторжение джунгар в начале весны 1723 года. Наступление крупными силами шло с востока через горы Кара-тау в Таласский район. От этого вторжения, прежде всего, пострадали садыры. Топонимика этого района, является одним из свидетельств поражений, нанесенных джунгарами садырам[1]. На пути наступления джунгар были опустошены кочевья некоторых крупных батыров, в частности, Джомарта, который еще не успел покинуть свои зимние стоянки, расположенные по реке Боролдай. Предание повествует, что нападение на Джомарта было таким неожиданным, что не оказалось наготове даже верховых лошадей, и Джомарт со всей семьей пытался спастись у горного отвеса Улькен-Тура, где все были перебиты[2].

Другое нападение на кочевья батыров было совершено в районе реки Чирчик. Были опустошены также кочевья по реке Арыс, в районе горы Алие-Ата, и в верховьях реки Боролдай.

Успех этого крупного натиска джунгар в Таласском районе был обеспечен внезапностью его, многочисленностью войска и той военной подготовкой, в которой участвовал и пленный швед Ренат. Был использован также удобный момент, когда все хозяйство казахов было еще в сборе на

---

[1] Садыр-мурде — кладбище садыров в 25 в. на север от Чимкента; лог — Садыр-сай (лог садыров); Садыр-камалган-булак (ручеек, у которого застряли, т. е. были окружены и перебиты садыры).

Сбор., посв. В. В. Бартольду. Ташкент, 1927. (Статья «Ак-табан-шубрынды», стр. 59).

[2] А. Диваев. Мавзолей Кок-кесене. Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии, год X. [illegible]

зимних стоянках,[1] что могло дать крупную военную добычу. Удар, направленный на кочевья батыров, повидимому, был рассчитан и на то, чтобы, в первую очередь, ослабить силы, которые в дальнейшем могли оказать большое сопротивление.

Неподготовленность к встрече этого удара казахскими батырами объясняется не только внезапностью натиска джунгар. Это было то время, когда при слабом и неавторитетном Болате, который считался старшим ханом только номинально, определилась борьба Каипа и Абулхаира за положение старшего хана. При ослаблении вассальных связей в правление Болата и начавшемся раздоре в султанской среде не мог быть обеспечен организованный отпор врагу. Это было начало «годов великого бедствия».

Под натиском джунгар остатки Старшего жуза с небольшой частью Среднего жуза откочевали к Ходженту, причем Старший жуз вынужден был признать свою зависимость от Джунгарии, большая часть Среднего жуза отошла к Самарканду, Младший жуз — к Хиве и к Бухаре. Аргыны бежали на северо-запад от гор Кара-Тау — в Тургайскую область.[2]

Соединенными силами казахи пытались вернуть потерянные земли, но были отброшены к западу и ушли на Эмбу и к реке Урал, а также на Орь и Уй.

Крупную роль в разгроме казахских владений сыграл полководец Шуно-Даба — один из сыновей Цеван-Рабтана. Шуно-Даба захватил утраченный после Галдана Сайрам, а также города Харамурут и Ташкент.[3]

Лучшее вооружение, лучшая военная организация и усиленная военная подготовка, которая велась во владениях Цеван-Рабтана, обеспечили джунгарам эту победу.

Казахи вынуждены были бежать под натиском джунгарских войск. Большое количество населения было истреблено. Особенно пострадали кочевья Старшего жуза, в частности, аулы, где располагались садыры. По преданию, в аулах садыров остались в живых лишь двое, одна женщина и ее малолетний сын. Во время бегства многие бросали имущество и скот. Лишенные средств существования, беженцы умирали от голода. Особенно много погибало детей.

О том, в каком состоянии было хозяйство беженцев, Левшин пишет следующее: «Переходы сии влекли за собою неминуемое разорение и гибель. Стада и табуны ежедневно уменьшались; меновая торговля прекратилась, нищета и страдания

---

[1] Первые нападения джунгар в Таласском районе произошли в марте 1723 года. Сбор., посв. В. В. Бартольду, Ташкент. 1927. (Статья «Ак-табан-шурбынды», стр. 60).

[2] Левшин, указ. соч., ч. II, стр. 69—70.

[3] «Журнал» Унковского, стр. 192. Унковский получил также сведения о том, что пять тысяч семей казахов были захвачены Шуно-Даба, из которых тысячу семей увезли в улусы хун-тайджи.

сделались всеобщими; иные умирали от голода, другие бросали жен и детей своих. Наконец, бегущие остановились, но где же? — в местах бесплодных и не представляющих никаких удобств для кочевого народа».[1]

Бедствие 1723 года называется у казахов «ак-табан-шубырынды» — «великое бедствие». О Старшем и Среднем жузах говорилось: «ала-коль-сулама» — «полегли костьми у озера Ала-Куль».

Потеряв свой скот, беженцы вынуждены были питаться кореньями трав (алгыр — корень горького растения), точить сок из березы и пр. Оседание их в городах не могло обеспечить безопасного существования. Они нашли опустошенные, покинутые жителями города, заброшенные селения и пашни в окрестностях их.

В памяти народа эти годы запечатлелись, как годы обнищания и тяжелых испытаний. «С вершин Каратаусских гор спускаются откочевывающие (аулы); при кочевке одиноко (потерявший мать) идет один верблюженок. Как тягостна потеря близких родных: с черных глаз капают чистые слезы. Что это за година? Година тяжелых народных испытаний и лишения былого счастья и богатства. При всенародном бегстве пеших поднимается облако пыли, сильнее январьской снежной метели. Что это за время. — Время безначалия, беспорядочной паники».[2]

Около 1725 года были заняты Ташкент, Туркестан и другие города. Захват джунгарами городов в среднеазиатских владениях — самая серьезная потеря Казахского ханства. В разговорах с Тевкелевым Абулхаир неоднократно вспоминал об этом, когда ссылался на трудности внешнеполитической обстановки, побудившие его искать протектората России. Объективное значение этой потери заключалось в том, что казахи оказались оторванными от городских ремесленных центров и восточных рынков.

Непосредственным результатом этого события было то, что на запад хлынула новая волна беженцев. Осев в городах, они вынуждены были с остатками своего имущества снова двинуться в путь. Дорджа Назаров и наместник Калмыцкого ханства Черендондук в начале 1725 года донесли астраханскому губернатору Волынскому: «Кайсаки от утеснения хунтайджи со своих мест сошли и пришли к реке Эмбе, которая не далее 300 верст от реки Яика».[3] Некоторые подробности этих событий сообщил в сентябре 1725 года воевода Уфим-

[1] Левшин, указ. соч., ч. II, стр. 70.
[2] Сбор., посв. В. В. Бартольду. Ташкент. 1927. (Статья «Ак-табан-шурбынды», стр. 61—62).
[3] ЦГАДА. «Калмыцкие дела», 1725, д. 5, 185. Доношение астраханского губернатора А. Волынского в Колл. ин. дел. 10 июня 1725 года.

ской провинции кн. Шаховской полковнику Друмонту: «Киргиз-кайсаки с женами и с детьми великим собранием идут к реке Илеку, и их, каракалпаков и кайсаков, разбил хонтайша, и 2 города у них взял, и из жилищ их з женами и з детьми выбили, и многих порубили, и в полон побрали, а прочие остались под ево, хонтайшиной, протекциею».

Эти сведения подтвердили и яицкие казаки, которые рассказывали казачьему атаману Меркульеву, что «орда пришла к реке Яику».

Массовое продвижение казахов к Эмбе и к Илеку вызвало большую тревогу среди кочующих здесь калмыцких тайшей. Дорджа Назаров и Черендондук доносили Волынскому: «И собрався идут на них, калмык, войною в 30-ти тысячах, и хотят их завоевать, и теми местами, где они, калмыки, кочуют, завладать».[1] В сентябре 1725 воевода Шаховской писал полковнику Друмонту, что к Илеку пришло каракалпакское войско в количестве двух тысяч человек. 30 октября комендатом Кушниковым было получено сообщение о том, что казахи и каракалпаки в количестве 17 тыс. человек пришли к урочищу Каракум и что они намерены, перебравшись через Волгу, итти на Кубань.

К этому времени чрезвычайно осложнилась обстановка в районе Урала и Волги и, прежде всего, остро встал вопрос о кочевьях. Здесь создались условия, при которых неизбежно должны были столкнуться интересы калмыцких тайшей с прикочевавшими сюда под натиском джунгар казахами и каракалпаками. Особенно сложным было положение с кочевьями в районе Урала. Улусы Дорджи Назарова заняли кочевья близ Яицкого городка. Неподалеку от него располагались кочевья его сына Лобжи. Досанг с двумя своими братьями кочевал на нагорной стороне Волги, в 70 верстах от Астрахани. Наместник Калмыцкого ханства Черендондук, тайша Дондук-Омбо и ханша Дарма-Бала весной 1725 года откочевали по причине «оскудения кормов» к Саратову. Соперничество за обладание кочевьями привело к раздорам и среди калмыцких тайшей. Дондук Дайша жаловался Волынскому на то, что Досанг захватил его улусы. Черендондук, Дорджа Назаров и Шакур Лама намерены были по этому случаю «воевать Досанга». Шакур Лама просил Волынского разобрать ссору среди родственников Чакдоржапа. Черендондук в свою очередь требовал вмешательства Волынского, чтобы примирить его с Досангом, жаловался на людей Досанга, что «они чинят им обиды и отгоняют скот». Волынский доносил в Колл. ин. дел о том, что калмыки русских поданных донских казаков и астраханских

[1] Там же, л. 386. Доношение астрах. губ-ра А. Волынского и саратов. губ-ра В. Беклемищева 18 ноября 1725 года.

юртовских татар грабят, нападают на почтовые станы, отгоняют лошадей и убивают людей.[1]

Волынский намерен был, прежде всего, предупредить возможность откочевания волжских калмыков в сторону Джунгарии, о чем и писал полковнику Захарову: «Ежели кто из калмык для откочевания будет перебираться через Яик, чтоб им в том препятствовали и поступали с ними неприятельски». Этот наказ Волынского являлся требованием обороны пограничной линии, которую держали не только яицкие казаки, но и русские подданные калмыки. 10 июля 1725 года он доносил в Колл. ин. дел: «Намерен я, когда... разведаю подлинно о касаках, послать к ним из дворян со объявлением, дабы они ведали, что калмыки подданные Российской империи и для того, чтоб они, когда к ним в такое ближнее соседство пришли, войны с ними не имели. А между тем велю смотреть, не будут ли оной народ добровольно протекции ея и. в. желать. И буде к тому склонность покажут, то велю их тем под рукою обнадежить. Токмо, чтоб они сами просить о том знатных своих прислали».[2]

Однако намерение воевать более реальным было со стороны калмыцких тайшей, которые значительно ранее обжились и укрепились здесь. Лобжа, узнав о появлении 3 тыс. кибиток казахов в районе Урала, намерен был разорять их, о чем его отец Дорджа предупредил Волынского. Однако Волынский «чинить этого не велел».

У Волынского составилось совершенно определенное представление о том, что «калмыки перед касаками робки», что 5 или 6 тысяч их не могут устоять перед пятью сотнями казахов.

Однако Лобжа еще не раз пытался разорять прикочевавших к Уралу казахов. В «Описании калмыцких народов» Бакунина рассказывется о крупном столкновении осенью 1726 года ханов Абулхаира и Семеке и султанов Ишима и Барака с Черендондуком и калмыцкими тайшами Дорджей Назаровым, Лобжой и Дондуком Омбо. Поводом к этому столкновению был поход казахских султанов на улусы Лобжи.[2] Нападающей стороной на этот раз было казахское войско, в котором было 10 тыс. человек. Войско калмыцких тайшей собралось в количестве 30 тыс. Сначала успех был на стороне войск Абулхаира. Бакунин рассказывает, что казахи «улус Лобжи разорили и людей, сколько могли застать, побили, а жен их и детей и весь скот взяли в добычу». Но вскоре войско казахов было атаковано в степи по пути к Яику. Оказавшись в трудном положении, казахи спешно

---

[1] ЦГАДА. «Калмыцкие дела», 1725, д. 5, лл. 185—186.

[2] ЦГАДА. «Калмыцкие дела», 1725, д. 3, 71—76. Выписка из доношения астраханского губ-ра Волынского 13 мая 1725 года.

окопались и устроили защиту для скота. Войско тайшей нападало с трех сторон. После 4-дневной осады было объявлено перемирие. Калмыцкие тайши потребовали возврата пленных и лошадей. Кроме того, они поставили следующие условия: «А впредь на них, калмык, нападеней и воровских набегов не чинить и мир содержать через столько лет, как в то время родившейся младенец придет в возраст и в состоянии будет на лошади ездить и сайдаком владеть, в чем и присягали с калмыцкой стороны наместник ханства Черендондук, владельцы Дорджа Назаров, Дондук Омбо и Галдан и Данжин. А со стороны казахов ханы Семеке и Абулхаир, а также султаны Ишим и Барак».[1] Мирным соглашением был разрешен и вопрос о заложниках. Калмыки взяли у казахов 60 аманатов, среди которых были батыры Букенбай, Есет и знатные старшины.

В описании этого похода существенны следующие моменты: 1) в нем участвуют ханы Младшего и Среднего жузов Абулхаир и Семеке, а также султаны Ишим и Барак; 2) мирное соглашение с присягой казахских ханов, султанов и крупных калмыцких тайшей говорит о серьезности военного столкновения. То обстоятельство, что в качестве аманатов оказались крупные батыры, свидетельствует о том, что калмыцкие тайши хотели обезопасить себя со стороны тех, которые сыграли крупную роль в недавней победе над джунгарами (Калмык-Крылганская победа).

Таким образом, на некоторое время был установлен мир с волжскими калмыками. Это было очень важно, так как предстояло еще не раз столкнуться с джунгарами на востоке, куда нужны были более крупные силы.

До 1726 года поддерживались мирные взаимоотношения с Бухарой, но в дальнейшем они обострились. Особенно напряженными были взаимоотношения с Бухарой Старшего жуза, который в годы «великого бедствия» должен был признать свою зависимость от Джунгарии. Начальник Оренбургской экспедиции Кириллов в своем «представлении» в 1734 году писал: «Потеряв города и провинции контайше, одною Большою ордою подошли к самой Бухаре и всех их, узбеков, разорили. А город в такой жестокой осаде имели, что принуждены были человеческое мясо есть, и едва от плену спасались дачею многих подарков старшинам. А то подлинная правда, что баранов и овец, от коих бухарские овчинки выходили, едва не всех перевели».[2]

Нарушены были также взаимоотношения с каракалпаками.

[1] ЦГАДА. «Киргиз-кайсацкие дела». 1630—1736 гг., № 1. «Описание калмыцких дел» В. Бакунина, лл. 36—37.

[2] Материалы по истории России, изд. А. Добросмысловым, т. I. Оренбург. 1900. Доклад И. Кириллова 1734 года.

Уфимский татарин Максюта Юнусов, бывший в каракалпакских владениях в 1725 году, в своей «сказке» сообщал, что казахи и каракалпаки кочуют к морю по Сыр-Дарье и между ими бывают ссоры и бои». Таким образом, оказались безрезультатными попытки Абулхаира наладить торговые связи каракалпаков с Бухарой. Каракалпаки, как мы видели, тоже оказались под ударом джунгар и вынуждены были двинуться на запад. Юнусов сообщил, что в среднеазиатских владениях «калмыки казакские города и слободы все 32 места побрали, и людей многое число побили, и в полон побрали».[1] Исходом из создавшегося положения мог быть лишь организованный отпор врагу, который остановил бы дальнейшее продвижение кочевий на запад.

Крупную роль в организации этого отпора сыграл батыр Среднего жуза Букенбай, который в своих обращениях к народу говорил о тяжелых потерях в борьбе с ойротами, призывая к мести за гибель сородичей. Народное предание рассказывает, что слух о призывах батыра разнесся по степи и привлек к борьбе с врагом джигитов и других батыров.

Так было положено начало объединенным действиям ополчений, во главе которых стояли батыры трех жузов — Тайлак, Букенбай и Сайрык, ставшие, по преданию, героями борьбы с Джунгарией. В этой борьбе выдвинулся и молодой султан Аблай.

В юго-восточной части Иргизского уезда, на берегу Буланты,[2] в местности, получившей впоследствии название «Калмак-кырылган» (место гибели калмыков), произошла крупная битва казахов с ойротами. Эта битва завершилась победой казахов. Первая крупная победа над ойротами имела большое значение. Она подняла настроение народных масс, рассеяла панику и страх перед врагом. Однако эта победа не разрешила всех трудностей внешнеполитической обстановки.

О серьезности положения на восточной границе говорит созыв широкого народного собрания трех жузов, на котором вождем общенародного ополчения был избран Абулхаир. Точная дата его избрания, однако, не устанавливается. Повидимому, оно произошло после примирения с волжскими калмыками, т. е. после 1726 года, к этому времени Абулхаир, совершивший неоднократные походы на улусы калмыцких тайшей, завоевал себе авторитет как военачальник ополчения. Кроме того, у него упрочились связи с некоторыми крупными представителями казахского батырства. Используя данные топонимики, Левшин полагает, что избрание Абулхаира произошло на пути наступления ополчения у горы Орда-Басы («Глава орды», «Главная ставка»), распо-

[1] ЦГАДА. «Киргиз-кайсацкие дела», 1726, д. без №, лл. 2—3.
[2] Степная речка западнее среднего течения Сыр-Дарьи.

ложенной на запад от Чимкента. Наклонные террасы рек Арыс и Бадам, ограниченные горами Кара-Тау и Ала-Тау, невысокие хребты, переходящие в холмистую степь, представляли собой удобные прикрытия для многочисленного войска.[1]

К сожалению, мы не имеем данных в наших архивных материалах по вопросу о том, как развивались военные действия казахов с ойротами на этом этапе борьбы.

В народных преданиях казахов сохранились воспоминания об Ангкрайской победе, место которой устанавливается на юго-восток от озера Балхаш, при озере Ит-Ичмес. Некоторые данные топонимики местности, называемой Ангкрай («место стонов и рыданий врага»), говорят об участии в Ангкрайской битве Абулхаира (на юг от залива Ала-Куль гора носит название Абулхаир). В том же районе имеется гора Хан-Тау, где расположены урочища Улькен-орда конган и Киш-орда конган (места стоянки старшего и младшего ханов).[2] Судя по тому, что в названиях местности, где произошла эта битва, сохранилось имя Абулхаира (лог Абыл-Каир и др.),[3] можно полагать, что он был одним из тех, кто решил успех военного предприятия. Но в нем участвовали также султаны Абулмамбет, Барак и батыры, имена которых неизвестны.

Дата Ангкрайской битвы точно не установлена. Повидимому, она произошла весной 1730 года.

Казахи нанесли ойротам крупное поражение, в результате чего началось поспешное отступление ойротов на восток по реке Или. Но и после этого поражения ойроты удержали за собой власть над владениями Старшего жуза и, кроме того, не устранена была угроза нового нападения.

Некоторые факты, связанные с историей Ангкрайской битвы, говорят о расколе, происшедшем между Абулхаиром и султанами, в частности, Абулмамбетом — одним из военачальников в борьбе с Джунгарией. Известно, что Абулмамбет вскоре после Ангкрайской победы откочевал к Туркестану. В свою очередь Абулхаир спешно отступил к русской границе. А в июле 1730 года он отправил посольство в Уфу с просьбой о принятии в российское подданство.

Источники не дают прямых указаний о том, что послужило причиной такой несогласованности в поведении военачальников Ангкрая. Повидимому, здесь имело место обострение того соперничества в рядах «белой кости», которое определилось с того момента, как Абулхаир был избран в вожди общенародного казахского ополчения. Ближайшим

---

[1] Левшин, указ. соч., ч. II, стр. 76.

[2] Сбор., посв. В. В. Бартольду. Ташкент. 1927. (Статья «Ак-табан-шубрынды», стр. 64).

[3] Лог Абыл-Каир расположен против станций Акыр-тюбе и Подгорное.

поводом обострения этого соперничества послужило, видимо, то обстоятельство, что Абулхаир, в противовес Абулмамбету и Бараку, сумел завоевать себе популярность в этой борьбе.

Таким образом, Аныракайская битва показала, что социальная база хана не могла быть упрочена ни солидарностью с султанами Среднего жуза, ни связями с широким кругом биев. Абулхаир мог рассчитывать лишь на поддержку некоторой части батыров, которые выдвинулись в борьбе с ойротами как предводители отдельных частей ополчения. Некоторые из них, как например, Букенбай, видимо, приобрели большой авторитет в народных массах. Это обстоятельство имело серьезные последствия в дальнейшем, когда Букенбаю пришлось во время перехода казахов в российское подданство ликвидировать народные волнения в жузах. Однако узкий круг батырской группы не мог обеспечить прочного положения ханской власти в условиях усиливающегося процесса феодальной раздробленности и внешней опасности.

Будучи активным участником борьбы с Джунгарией, Абулхаир мог видеть, что силы противника и после побед над ним не до конца сломлены и что предстоят еще долгие годы борьбы.

Слишком ощутимы были также и тяжелые последствия ее. Годы нашествия джунгарских ойротов вошли в историю казахских жузов как «годы великого бедствия», оставив глубокий след в жизни казахского народа.

Самой крупной потерей Казахского ханства в борьбе с Джунгарией была потеря богатых пастбищ в Семиречье и городов в среднеазиатских владениях. Особенно ощутима была потеря пастбищ. Она ложилась тяжелым бременем на хозяйство широких масс трудящихся казахов. Нарушены были районы и маршруты кочевий, уничтожены очаги земледельческой культуры в районе Сырь-Дарьи и в Семиречье.

Продвижение на запад в поисках новых пастбищ сопряжено было с большими трудностями. Оно осложняло вопрос о кочевьях в районе Урала и Волги. Здесь трудящиеся массы казахов вынуждены были встретиться с притязаниями на них не только калмыцких тайшей. На лучшие кочевья не в меньшей степени претендовали представители казахской знати.

Не менее серьезным фактом был захват ойротами городов в среднеазиатских владениях. Абулхаир в своих разговорах с Тевкелевым неоднократно вспоминал об этом, когда ссылался на трудности внешнеполитической обстановки, побудившие его искать протектората России. Следствием этой потери было то, что Казахское ханство оказалось оторванным от городских ремесленных центров и восточных рынков.

Отсталая техника хозяйства казахов в результате отрыва от городских центров Средней Азии должна была законсер-

зироваться на долгие годы в тесных рамках замкнутого натурального хозяйства.

Борьба с Джунгарией, порвавшая хозяйственно-политические связи Старшего жуза, который и после побед над ойротами не освободился от протектората Джунгарии, и значительно поколебавшая взаимоотношения Младшего и Среднего жузов, усилила процесс феодальной раздробленности и в сильной степени расшатала те начала государственности, которые возникли в годы Тауке.

Обременительны были для Старшего жуза условия джунгарского протектората, которые составили основную линию во взаимоотношениях Джунгарии с покоренными народами. Это было требование дани, которая взыскивалась всеми способами, ярко выражены были в этом государстве рабовладельческие тенденции.

Джунгарское нашествие оставило глубокий след и в социальных отношениях казахов. Опустошение страны увеличило количество джатаков, консов и байгушей, которые, потеряв возможность кочевания за неимением скота, вынуждены были работать в качестве пастухов в аулах скотовладельцев, сохранивших и размноживших свои стада. Многие из них, в поисках средств существования, бежали на запад к русским границам. Но и здесь они вынуждены были батрачить, работая у прилинейных казаков или в состоятельных хозяйствах русских поселенцев на границе.

Годы «великого бедствия» могли завершиться порабощением казахского народа, если бы не найдены были пути преодоления жунгарской опасности.

Перед Абулхаиром стояла сложная задача — обезопасить казахские жузы от внешнего врага и преодолеть усиливающуюся феодальную раздробленность страны.

Необходима была поддержка извне, чтобы упрочить и ханскую власть. Медлить с разрешением этих насущных вопросов было невозможно. С потерей независимости Старшего жуза не устранена была угроза нового опустошительного вторжения Джунгарии и порабощения Младшего и Среднего жузов.

Так созрело намерение искать протектората России, чтобы укрепить с нею экономические и политические связи.

ГЛАВА IV

ПРИСОЕДИНЕНИЕ КАЗАХСТАНА К РОССИИ В 30-Х ГОДАХ XVIII ВЕКА

Присоединение Казахстана к России было подготовлено длительными экономическими и политическими связями, которые развивались между ними с конца XVI столетия. После присоединения к России ханств Казанского в 1552 году и Сибирского в 1582 году устанавливается Камский торговый путь в Сибирь и в казахские степи. В Средней Азии к этому времени сложились два ханства — Бухарское и Хивинское. В степях Казахстана образовалось Казахское ханство. С половины XVI века казахские степи начинают приобретать транзитное значение, так как устанавливаются дипломатические и торговые сношения России с Хивой и Бухарой. В 1557 году появляются в Астрахани «гости» из Юргенича со всякими товарами.[1] В 1558 году начались сношения России с Бухарой. Осенью 1559 года прибыли в Москву два бухарских и четыре хивинских посла «с поминки и любовным челобитьем».[2] Бухарские и хивинские посольства, бывшие в Москве в правление Грозного, ставили своей задачей урегулировать торговые связи с Московским государством и получить право свободной торговли в Астрахани, Казани и других городах (посольство бухарского хана Абдаллаха в 1564 году). В 1573 году было отправлено в Казахское ханство посольство Третьяка Чебукова, которое должно было установить торговые связи. Но это посольство окончилось неудачей. Чебуков был захвачен в плен и убит Маметкулом, одним из родственников сибирского хана Кучума.[3] О существовании торговых связей с Казахским ханством в 70-х годах XVI века, а через него — с Бухарой и Хивой говорит жалованная грамота Строгановым 1574 года, которой разрешается им беспошлинный торг во всех

[1] ПСЛ, т. XIII, (первая половина), стр. 284.

[2] Там же (вторая половина), стр. 313, 318.

[3] «Сибирские летописи». СПб. 1907. (Строгановская летопись). стр. 6 и 53.

освоенных местах, со всеми приходящими туда торговыми людьми: «бухарцами и Казацкие орды и из иных земель с товары».[1]

Сношения Московского государства с Казахским ханством в 90-х годах XVI века имели своей целью использовать его в борьбе с сибирским ханом Кучумом и против союзника Кучума бухарского хана Абдаллаха, поддерживавшего с Кучумом дружественные дипломатические и торговые связи. В 1595 году было отправлено посольство Вельямина Степанова к казахскому хану Тевеккелю с предложением принять русское подданство. В «Памяти» Степанову наказывалось: «Говорити Тевкелю царю, чтоб Тевкель царь и братья его царевичи все были под царскою рукою... и стояли бы они на бухарского и на Кучума царя...»[2] В марте 1595 года была дана жалованная грамота Тевеккелю о принятии его в подданство с обещанием прислать войско из Самары для борьбы с бухарским ханом и Кучумом. После поражения Кучума установился торговый путь через казахские степи, ведущий на Тару, Тюмень и Тобольск. В начале XVII века, в правление Михаила Федоровича предпринимаются меры к тому, чтобы обеспечить безопасный торговый путь на северо-восток.[3] С этой целью московское правительство предписывает пресечь набеги калмыков и построить город на Ишиме.[4]

Сношения Московского государства с Казахским ханством имели также своей целью обеспечить безопасность ясачных волостей от нападения калмыцких тайшей.[5] Отсюда последовало распоряжение тобольских воевод не допускать продвижения кочевий калмыцких тайшей к сибирским городам и вверх по Иртышу для того, чтобы не нарушать ясачного сбора с татар, промышляющих по Тоболу.[6]

С средины XVII века московским правительством принимаются меры к охране от калмыков башкирских вотчин и территории казахских кочевий. В отписке уфимского воеводы И. Желябужского царю Михаилу Федоровичу от 12 янв. 1630 года говорится о принятии в подданство калмыцких тайшей при условии, если они не будут расширять территории своих кочевий в сторону Казахского ханства и башкирских вотчин.[7]

---

[1] Там же, стр. 7, 54.

[2] ЦГАДА. «Киргиз-Кайсацкие дела», 1595, д. без №, л. 33.

[3] Там же, лл. 1—8.

[4] ЦГАДА. «Калмыцкие дела», 1616, д. без №, лл. 9—16. Грамота Михаила Федоровича И. Куракину 25 июня 1616 года.

[5] ЦГАДА. Ф. Сибирского приказа, кн. 6, бб. 93, 98.

[6] ЦГАДА. «Калмыцкие дела», 1626, д., 1, лл. 1—3. (Отписка тобольских воевод М. Годунова и кн. Ф. Волконского ц. Михаилу Федоровичу).

[7] ЦГАДА. «Калмыцкие дела» 1630, д. 1, лл. 75—78.

В конце XVII века было направлено к хану Тауке посольство Ф. Скибина и М. Трошина,[1] которые должны были потребовать прекращения набегов на русские пограничные селения и добиться возврата пленных. На собрании биев, созванном Тауке, выявились разногласия по вопросу о том — «воевать с Россией» или «жить в миру». Послы по требованию биев были задержаны в Туркестане, откуда с трудом выбрались обратно в Россию. Но это посольство имело значение в том отношении, что за ним последовал целый ряд попыток со стороны казахских ханов Тауке, Абулхаира и Каипа укрепить мирные связи с Россией.

Таким образом, уже к началу XVIII века установились дипломатические связи Казахского ханства с Московским государством. Оживление сношений Москвы с среднеазиатскими ханствами с 80-х годов XVI века (восемь бухарских и три хивинских посольства, приезжавших в сопровождении восточных купцов, которые привозили ханскую «бологодеть») имело значение и для развития взаимоотношений с Казахским ханством.

Укрепление связей с Россией стало серьезной задачей в жизни казахских жузов, задачей, особенно назревшей к 30-м годам XVIII века, когда явились более реальные стимулы усиления тяготения к России.

С начала XVIII века в политике Петра I выявились намерения и планы царизма в отношении казахских степей. Петр, по словам Тевкелева, «через многих изволил уведомиться об оной (Казахской — Н. А.) орде, хотя де оная Киргиз-кайсацкая орда степной и легкомысленной народ, токмо де всем азиатским странам и землям оная орда ключ и врата; и той ради причины оная орда потребна под российской протекцыей быть, чтобы только через их и во всех странах комоникацею иметь и к российской стороне полезные, способные меры взять».[2] Таким образом, Петр I определил, прежде всего, транзитное значение казахских степей, как ворот к торговым центрам Средней Азии и к восточным рынкам. С этим были связаны более широкие планы укрепления на Востоке. По словам П. Рычкова, Петр хотел «путь во всю полуденную Азию отворить». В частности, Петр был заинтересован в восстановлении водного пути между Каспийским морем и Индией, что представлялось возможным, если бы удалось возвратить Аму-Дарье ее прежнее русло. Это была одна из задач экспедиции кн. Бековича-Черкасского в 1714—1717 гг. В инструкции от 14 февраля 1716 го-

---

[1] ДАИ, т. X, док. № 80, XIII стр. 375—385.

[2] Разные бумаги ген.-майора Тевкелева об Оренбургском крае и о киргиз-кайсацких ордах. 1762 г. «Временник Московского об-ва истории и древности российских», 1852, кн. 13, стр. 15—19.

да предписывалось: «У прежнего устья Аму-Дарьи... построить крепость на тысячу человек и, если окажется возможным, обратить оную воду в старый ток».[1] Кроме того. Петр хотел освоить районы, богатые золотом, в частности, овладеть Яркендом.[2] Военной экспедиции подполковника Бухгольца (1714—1725 гг.) было приказано с войском в 1500 человек от Ямышевой крепости итти к городу Яркенду и этот город взять, а также разведать, добывают ли на Сыр-Дарье «песочное золото».

В отношении золота интересовало Петра и Хивинское владение. Секретарю Ориентальной комиссии Флорио Беневени инструкцией от 18 июля 1718 года предписывалось разведать не только внешнеполитическую обстановку Бухары, но и о том, имеется ли в Хивинском владении золото, в каком количестве и стоит ли для добычи его выстроить там крепость.

Экспедиции, посланные Петром, встретились с большими трудностями на местах, в столкновениях с хивинцами (экспедиция Бековича) и с калмыками (экспедиция Бухгольца) потерпели большие неудачи, и только частично выполнили задание Петра.[3] Но эти экспедиции имели свои результаты. Бухгольцу удалось на обратном пути заложить крепость при слиянии Оми и Иртыша (1717 г.). В следующем году была заложена крепость Семипалатинская, а в 1719 и 1720 гг. ген.-майор Лихарев, несмотря на сопротивление калмыков, поднялся со своим отрядом по Иртышу к Зайсанскому озеру, причем на обратном пути им была заложена крепость Усть-Каменогорская.[4] С постройкой этих и других крепостей по Иртышу вверх от Омска[5] было положено начало так называемой Иртышской линии, которая позднее вместе с линией Оренбургской составила одну непрерывную линию кре-

---

[1] Могутов. Редкое и достопамятное известие о бывшей из России в великую Татарию экспедиции. СПб. 1777. Попов П. Сношения России с Хивою и Бухарою при Петре Великом. «Записки ИРГО». 1853 год, кн. 9, стр. 237—424.

[2] Яркенд (в источниках Еркеть, Иркеть) — город в Восточном Туркестане, который ошибочно помещали на Сыр-Дарье.

[3] Бековичу не удалось довести до конца переговоры с хивинским ханом. Отряд его был вырезан хивинцами, а сам он был убит. Военному отряду подполк. Бухгольца, намеревавшемуся построить крепость у Ямышева озера и овладеть Яркендом, пришлось, не дойдя до джунгарских владений, выдержать крупное столкновение с калмыками и, не выполнив всех задач, повернуть обратно. Посольство Беневени также не имело успеха.

[4] Красовский, указ. соч., т. I, стр. 54.

[5] В 1716—1720 гг. было построено семь крепостей (Омская, Железинская, Ямышевская, Долонская, Семипалатинская, Убинская и Усть-Каменогорская) и семь форпостов. Несколько раньше, с постройкой крепостей в верховьях Енисея (Минусинск — 1707 г.) и в верховьях Оби (Бийск — 1709 г.), была укреплена Сибирская линия.

ностей от устья Урала (Яика) до Усть-Каменогорска, протяжением около 3,5 тысячи верст.[1]

Укрепление Сибирской и Иртышской линий было крупным фактом в политическом наступлении России на Среднюю Азию. Таким образом, русские укрепления на восточных границах с одной стороны подошли к владениям джунгарского хун-тайджи, с другой — к владениям казахов, нападения которых на сибирские селения и пограничные слободы усилились в конце XVII и в начале XVIII вв.[2]

В казахские владения были направлены посольства для переговоров с ханом о прекращении нападений, как например посольство Скибина и Трошина, явившееся к хану Тауке в связи с набегами казахских отрядов в 1680—1682 гг. на Тарханский острог Тобольского уезда и на селения у Ямышева озера,[3] а также — указы о мерах предосторожности против этих набегов, например, указ от 19 сентября 1722 года о запрещении крестьянам отправляться в степь на промыслы, ввиду опасности «попасть в плен в Казачью орду»[4] или указ от 24 августа 1723 года «об осторожности от нападения Казачьей орды или башкирцев.»[5] Принимались и агрессивные меры, когда по указу совершался поход на виновников нападения.[6]

Заселенная сибирскими казаками и охраняемая отрядами регулярных войск, укрепленная Иртышская линия должна была обеспечить безопасность от всякого рода набегов на русские города и селения. Ее крепости должны были служить также опорными пунктами и в расширении торговых связей.

Воеводские отписки и доношения представителей царской администрации давали некоторые сведения, дополнявшие смутные представления о состоянии края. Познавательное значение имели также посольства и вышеуказанные экспедиции, отправляемые Петром. Вернувшиеся участники их сообщали сведения о дальних краях, которыми в ту пору очень интересовались. В частности, такое значение имело посольство капитана И. Унковского, отправленное в 1722 го-

[1] О военном и торговом значении их сообщаются сведения в «Записках путешествия» И. Фалька. «Полное собрание ученых путешествий по России», т. VI. СПБ. 1824.

[2] ДАИ, т. X, док. № 80; «Памятники Сибирской истории XVII в.», т. II, стр. 420—422.

[3] ДАИ, т. X, док. № 80.

[4] «Памятники Сибирской истории XVIII в.», т. II, стр. 409—411.

[5] Там же, док. № 97, стр. 420 и 422.

[6] Указ о походе на киргизов, алатырцев и тубинцев для наказания их за набеги и разорения, 1701 года. «Памятники Сибирской истории XVIII в.», т. 1. док. № 26, стр. 109—114. Отписка томского воеводы о походах служилых людей против киргизов, 1701 года. (Там же, док. № 25, стр. 107).

ду к джунгарскому хун-тайджи Цеван-Рабтану для переговоров о постройке крепости близ слияния Синего и Черного Иртыша. «Журнал» Унковского содержит ряд сведений о Джунгарии.[1]

Снабжая своих послов инструкциями Петр наказывал им собирать сведения о естественных богатствах посещаемых ими стран, о состоянии городов и селений, об их жителях и т. д. Так, например, инструкция секретарю Ориентальной комиссии Флорио Беневени от 13 июля 1718 года предписывала «замечать на пути все города, селения, крепости и пристани, какие реки впадают в Каспийское море, сколько у бухарского хана войск, оружия и пр.»

О большой заинтересованности Петра в сведениях о естественных богатствах среднеазиатских владений говорит и его намерение отправить в Бухару знатока Востока, переводчика Алексея Ивановича Тевкелева,[2] которому поручалось «разведать о золоте». Но эта поездка не состоялась ввиду неудачного исхода экспедиции князя Бековича-Черкасского.

Петр пытался также укрепить политическое влияние России в Средней Азии путем приведения последней в российское подданство. Одна из задач Бековича-Черкасского, посланного в Хивинское владение, заключалось в том, чтобы хана хивинского склонить к подданству. Кроме того; Петр наказывал Бековичу: во время пребывания у хивинского хана, разведать о бухарском, нельзя ли и его, если не в подданство, то «в дружбу привести».[3]

После персидского похода Петр намерен был послать Тевкелева, как старшего переводчика секретных дел, в казахские владения, чтобы привести казахов в подданство. При этом Петр высказал следующие соображения: «Буде оная (Казахская — Н. А.) орда в точное подданство не пожелает, то стараться... хотя бы до мелиона держать, но токмо, чтоб только одним листом под протекциею Российской империи быть обязались».[4] Таким образом намерение Петра отпра-

---

[1] В кн.: Посольство к зюнгорскому хун-тайджи Цеван-Рабтану капитана И. Унковского. СПб. 1887.

[2] Из краткой биографии А. И. Тевкелева (Кутлу Мухаммед Маметева) известно, что он происходил из рода мурз Тевкелевых, причем один из его предков Ураз-Мамет принял российское подданство (дата неизвестна). Ханыков Я. Сведения о роде Тевкелевых. «Временник Москов. об-ва истории и древностей российских». 1852, кн. 13, стр. 19—26. В 1719 году Тевкелев направлялся в калмыцкие улусы для обучения калмыцкому языку, а затем был послан к хану Аюке.

[3] Могутов, указ. соч. Переговоры с ханом хивинским не были доведены до конца, но со стороны хана после убийства Бековича два раза была сделана попытка договориться о торговых сношениях с Россией.

[4] Разные бумаги ген.-майора Тевкелева, 1762 г. «Временник Москов. об-ва истории и древностей российских», 1852, кн. 13, стр. 19—21.

вить Тевкелева в казахские степи связано с попыткой укрепить хозяйственные и политические отношения с Средней Азией.

Оценивая политику Петра на Востоке, В. Бартольд писал: «С царствованием Петра Великого начинается новая эпоха в истории отношений России не только к Дальнему Востоку, но и к мусульманскому миру. Политические и коммерческие задачи, унаследованные от XVII века, были поставлены при нем с большой определенностью и широтой».[1]

Задачи расширения торговых связей России с восточными рынками и укрепления политического влияния России в Средней Азии имели место и в политике преемников Петра, в частности, в политике имп. Анны Иоанновны, а также в политике таких деятелей, как Тевкелев, Кириллов, Татищев и Урусов. Здесь на первый план выступила конкретная задача в отношении казахских владений и среднеазиатских ханств (Хивинского и Бухарского) — приведения их в российское подданство на таких условиях, которые могли бы обеспечить расширение торговых связей и закрепить политическое влияние России в Средней Азии.

Правительство Анны Иоанновны рассчитывало также на то, что подданство казахов поможет царскому правительству завершить военное окружение Башкирии. Полагая, что с переходом казахов в российское подданство можно будет построить крепости на границе с казахской степью по реке Урал, царское правительство рассчитывало благодаря этим крепостям успешнее подавлять национальное движение башкир. Вместе с тем представлялись возможности распространения на Казахстан колониального господства царизма.

Таким образом, к началу 30-х годов XVIII века более четко определились экономические и политические основы заинтересованности России в освоении казахских степей.

В то же время с начала XVIII века, как показывают источники, в связи с большими осложнениями внешнеполитической обстановки предпринимаются шаги со стороны казахских ханов (Тауке, Каипа и Абулхаира) укрепить мирные взаимоотношения с Россией.

В половине сентября 1716 года с предложением помириться «вечным миром» с Россией были отправлены послы в Тобольск.[2] Неоднократными заверениями двух послов, явившихся 11 сентября 1716 года к сибирскому губ-ру Гагарину, в том, что они присланы в Тобольск «с ведома хана

---

[1] В. Бартольд. История изучения Востока в Европе и России. Л. 1925, изд. 2, стр. 203.

[2] В документе нет прямых указаний, от кого исходила инициатива этого посольства. Повидимому, она исходила на этот раз от Тауке. В документе подчеркивается: «с ведома хана и от всей Казачьей орды».

от всей Казачьей орды»,[1] хан, видимо, хотел показать действительность своих намерений укрепить мирные взаимоотношения с Россией. В ответ казахским послам Гагарин заявил: «Из губернии Сибирской войны на Казачью орду посылать не буду и людям Сибирской губернии велю с ними жить в миру». Кроме того, Гагарин обещал разрешить «торг повольной» и «пошлин не брать с торговли бухарцев и казахов».

О желании быть в миру с Россией заявили и послы Каипа голове тобольских служилых татар Сабанаку Кулмаметеву: «Хаип хан с царским величеством желает быть в вечном миру. . ., а с контайшей у него, Хаип хана, ссора из давных лет». Каип выражал готовность воевать с Джунгарией рассчитывая на помощь русского войска.[2]

Поскольку обострение взаимоотношений России с Джунгарией могло быть серьезным препятствием в реализации царского указа о постройке крепостей по Иртышу и на озере Зайсан с целью освоения этих мест для приисков серебряной, медной и золотой руды, Гагарину было указано не «чинить контайше и людям его никакой обиды». Но притязания хунтайджи, несомненно, простиралось значительно шире того, чтобы сохранить за собою богатые пастбища в верховьях Иртыша.

Высказанная в распросных речах казахских послов готовность хана «воевать контайшу» с 20 или 30-тысячным войском, говорит о серьезности создавшегося положения во внешнополитической обстановке Казахского ханства и, прежде всего, на северо-восточных границах его.

Однако, намерения казахских ханов установить мирные взаимоотношения с Россией, как показывает дальнейший ход событий, оказались на первых порах нереальными. В 1717 году Абулхаир совершил набег на русские границы, дошел до Новошенкинска Казанской губ., захватив большое количество пленных».[3]

Но вскоре после этого Абулхаир, быть может, из опасения репрессий со стороны царских военных отрядов, делает попытку восстановить мирные взаимоотношения с Россией. 5 мая 1718 года он заявил присланному в его кочевья русскому послу Брянцеву: «По указу его царского величества и Хаип хана калмыков воевать готов, також и торги всякие с людьми его царского величества иметь будет». Кроме того, Абулхаир обещал присланный с Брянцевым «лист» переправить в Бухару и в Ташкент, «чтоб никто их владения

---

[1] ЦГАДА. «Киргиз-кайсацкие дела». 1716, д. без №. лл. 1—2.

[2] «Памятники Сибирской истории XVIII в.», т. II, док. № 41, стр. 152—156.

[3] П. Рычков. История Оренбургская. Оренбург. 1896, стр. 3.

с людьми его ц. в. нигде ссоры никакие не имели». Хан намерен был также отпустить всех пленных.[1]

Свое желание «в миру быть с Россией» и «воевать калмыков» Абулхаир выразил и в письме к царю от 27 октября 1718 года: «Абулхаир хан челом бью... А здесь Хаип хан здоров... А здесь в крайних улусах мы здоровы. А ловить бы нам коз и зверей и воевать бы нам калмыков. А пеленышные ребята возрастут, и мы покамест живы, будем не воеватца, и в миру быть, худо бы покинуть».[2]

О желании мира было заявлено также приехавшим 5 марта 1718 года к Брянцеву братом Абулхаира султаном Мамаем. В отписке Брянцева неоднократно сообщалось и о желании всего казахского народа быть в миру с Россией. «Казачьего народа все люди говорят, что с людьми российского народа быть в миру всегда они желают. И говорят, что при вершинах Ишима... живет Казачьей орды человек и при нем юрт с 30 других, которые им не в послушании. И хотят ехать воровать в сибирские остроги. И будет придут, чтоб их рубить всех».[3] Это сообщение, прежде всего, интересно, как редкий в источниках материал, указывающий на настроения народных масс, желавших быть в миру с Россией и бороться с теми, кто нарушает этот мир.

Характерен в этом отношении еще один факт. Посланец Бекбулат, отправленный к хану Каипу по причине задержки в Туркестане царских послов, выяснил следующее: «И буде задержаны по злобе, то нас казачьего народа люди к Каип хану пропустить не хотят, дабы задержанием нас не быть им с людьми российского народа в ссоре, понеже они говорят: буде Каип хан хочет ссоритца, мы с людьми его царского величества ссоритца никогда не будем и Каип хана в том не слушаем».[4]

В дальнейшем, когда представилась реальная возможность военной помощи и поддержки России в борьбе против Джунгарии, делаются попытки со стороны ханской власти и казахской знати закрепить отношения с Россией. Так, в начале 1726 года хан Абулхаир по совету царского посла Максюты Юнусова, встретившего хана в кочевьях каракалпаков и обещавшего ему помощь царского правительства в борьбе против Джунгарии, отправляет в Петербург своего посла Кайбагара Кобякова. Доношение Кайбагара в Колл. ин. дел (от 1726 года), составленное от имени казахских старшин и владельцев Младшего жуза, выражает желание

---

[1] «Памятники Сибирской истории XVIII в.», т. II, док. № 41, стр. 161, 165. Отписка Б. Брянцева сибирскому губ-ру Гагарину, март—май 1718 года.

[2] Там же, т. II, док. 41, стр. 159—163.

[3] Там же, т. II, док. № 41, стр. 159.

[4] Там же, т. II, док. № 41, стр. 162.

их «быть под протекциею» России по примеру волжских калмыков владений хана Аюки и содержит просьбу о том, чтобы разрешено было им кочевать в степях, на прежних их кочевьях, между владениями башкир и рекой Урал, чтобы им был обеспечен свободный проезд в Россию, безопасность от яицких казаков и башкир, а также разрешено было произвести размен пленных в Уфе.[1]

Состоявшееся решение Колл. ин. дел гласило: «Пользы, чтоб под протекцыею ее и. в. быть, не приходится». В этом решении было учтено то обстоятельство, что принятие в подданство казахов, сильно отодвинувшихся на юг к пределам среднеазиатских ханств, не представляло существенных выгод для России. Кроме того, оно повлекло бы за собой в этих условиях серьезные осложнения во взаимоотношениях с Джунгарией. Поэтому посол Кайбагар был отпущен из Петербурга, не получив никакого ответа.

На этом попытки Абулхаира укрепить связи с Россией не закончились. В 1730 году собрание старшин решило обратиться к царскому правительству с предложением заключить военный союз против Джунгарии и предложило Абулхаиру осуществить это решение. Состоявшееся решение старшич было вызвано тем, что, несмотря на военные успехи в 1729 году, опасность нового нападения джунгар на казахские владения еще не миновала. Абулхаир превысил данные ему полномочия на собрании старшин. В начале сентября 1730 года в письме своем к канцлеру Г. Головкину он писал, что просьба его о подданстве является желанием всех подвластных ему казахов, в количестве 40 тысяч.

Вопрос об условиях подданства Абулхаир обошел на этот раз, подчеркивая лишь свои намерения урегулировать взаимоотношения с башкирами. Послы его Кутлумбет-бей и Сеит-кул-батыр, сообщая в «сказке» своей от 21 октября 1730 года о заинтересованности казахских ханов в подданстве и что «касацких кочевых народов числом 40 тысяч кибиток», выражали надежды, что с принятием российского подданства «обид и разорения никакого не будет и от нападения от других народов могут охранены быть протекциею ее и. в.». В «сказке» своей и в доношении послы Абулхаира определенно указывали, что они отправлены с согласия всех ханов. Кроме того, они просили разрешить вопрос об обмене пленных и обеспечить безопасность от внешних нападений.[2]

В свою очередь и башкиры, прибывшие в Москву вместе с казахскими послами, в своей «сказке» подтвердили в Колл.

---

[1] ЦГАДА. «Киргиз-кайсацкие дела», 1727, д. без №, л. 39.
[2] Там же, 1730, д. без №, лл. 68—69.

ин. дел, что казахские ханы отправили своих послов в Россию «с общего согласия» и заверяли в том, что России будет великая слава, что такие народы пришли в подданство своею волею.[1]

Официальным ответом на просьбу Абулхаира о принятии в подданство была жалованная грамота им. Анны Иоанновны хану от 19 февраля 1731 года, которой разрешалось принять Младший жуз в подданство, причем подчеркивалась обязательность подчинения как в выполнении различных нарядов, так и в обеспечении безопасности подданных — башкир и калмык, а также русских купеческих караванов, проходящих через казахские степи.[2]

Колл. ин. дел в своей выписке из доклада 1731 года суммировала сведения казахских послов, отметив те стороны их сообщений, которые представляли непосредственный интерес, в частности, тот факт, что послы были отправлены с согласия всех ханов и что «все ханы.., послушны главному Абулхаир хану». Выразив согласие принять казахов в подданство, Колл. ин. дел высказала такое соображение: «Что же они обещают давать ясак, то рассуждается брать с них то, ежели они что сами добровольно давать станут, а неволей ничего не требовать».

В то же время в этом докладе были четко сформулированы условия, на основании которых царское правительство считало возможным принять казахов в свое подданство. Вот два первых пункта этих условий: 1) чтоб они (казахи — Н. А.) содержали себя всегда в постоянной верности ея и. в.; 2) когда им будет по указам ея и. в. наряд куда на службу с другими подданными, с башкирцы, и с калмыки, то бы они в определенные места ходили без всякого ослушания. Из этих условий видно, что царское правительство намерено было осуществить это подданство, прежде всего, как вассальное подчинение. В числе условий подданства Кол. ин. дел была предусмотрена также необходимость обеспечения безопасности русских купеческих караванов, отправлявшихся из Астрахани и других мест и проходящих через казахские степи. Последнее стояло в тесной связи с общим направлением политики царизма в отношении казахских степей, которые в процессе развивающегося обмена с восточными рынками приобретали транзитное значение.

В феврале 1731 года была дана инструкция переводчику Колл. ин. дел А. И. Тевкелеву,[3] который направлялся в

[1] Там же, лл. 49—50.
[2] «Красный Архив», 1936. № 5 (78).
[3] Там же, стр. 190—193. Инструкция Тевкелеву была составлена госуд. канцлером Головкиным и членом Верховного тайного Совета Остерманом.

Младший жуз. Он должен был доставить царскую грамоту ханам Абулхаиру и Семеке и привести их к присяге на подданство России.

При этом требовалось, чтобы Абулхаиром были подписаны основные пункты, утвержденные царской грамотой. В то же время разрешалось Тевкелеву внесение дополнительных пунктов в случае настойчивых требований хана. Вскоре после этого, 20 марта 1731 года была утверждена «образцовая присяга» Абулхаира и других ханов на подданство России, согласно которой должны были выполняться пять пунктов условий подданства.[1] Эта присяга вместе с царской грамотой от 30 апреля 1731 года о принятии в подданство Абулхаира и старшин была послана с Тевкелевым, отправившимся 30 апреля 1731 года в Младший жуз, в ставку хана.

Официальным документом, говорящим о том, чего хотел и ждал Абулхаир от российского подданства, являются те условия, которые были предложены им в грамоте, отправленной с послами к царскому двору, и закреплены так называемой «образцовой присягой хана».[2]

В своих условиях подданства Абулхаир дал краткую наметку того правового положения Казахского ханства, которое он хотел осуществить. Это были условия вассалитета.

Так, например, в этих условиях было сказано: «Когда по указу ея и. в. будет нам, кайсацкому войску, наряд куда на службу з другими подданными российскими, з башкирцы и с калмыки, тогда нам в определенные места ходить охотно».

Заинтересованный в укреплении связей с среднеазиатскими рынками, хан выражал также готовность провожать русские купеческие караваны в Хиву и в Бухару и обещал обеспечить их безопасность в пути.

Кроме того, хан обещал платить ежегодный ясак со своего владения в размере 4000 лисиц и давать аманатов из числа своих сыновей.

В стремлении упрочить свое положение Абулхаир намерен был также отправить к царскому двору в качестве посла своего сына, султана Эралы, и внучатого брата, султана Нияза, а также выразил желание ежегодно посылать в Россию одного из своих сыновей.

Более того, Абулхаир в знак своей верной вассальной службы предлагал себя в роли аманата в том случае, если ему будет дана возможность жить «со всем своим домом»

---

[1] ЦГАДА. «Киргиз-кайсацкие дела», 1731, д. без №, лл. 94—95.
[2] Там же, 1732, д. 2, лл. 55—56.

во вновь построенной крепости в устье Ори.[1] Это условие Абулхаира было продиктовано, отчасти, желанием обезопасить свое существование в обстановке, небезопасной для жизни хана. Абулхаир был также заинтересован в освоении кочевий в низовьях Урала, где открывался путь к заманчивым пастбищам по его правобережью и были широкие возможности расширения связей с русскими рынками. Устройство крепости в устье реки Ори в представлении Абулхаира было одним из средств усиления авторитета ханской власти и усмирения всех подвластных и непокорных ему. В этом плане он писал имп. Анне Иоанновне в 1734 году: «В нынешния времена всех касаков безумных усмирить я не могу, которые приезжим послам и купцам всякие обиды показывают... И как скоро город построен будет, тогда я их усмирить могу».[2]

Крепость в устье Ори могла стать и реальным пунктом связей хана с царской администрацией, так как здесь эти связи могли быть более доступными и безопасными. Насколько заинтересован был Абулхаир в закреплении связей с царским двором, видно из письма Тевкелеву, где он, сообщая об отправлении султана Эралы к царскому двору, напоминает Тевкелеву о союзе побратимства. «И ты, Мамет мурза, мне учинился братом меньшим, а я к тебе назвался братом большим... дети твои мои, а мои дети твои».

Мы попытаемся показать, с какой стороны и в какой мере заинтересованы были в укреплении связей с Россией султаны и старшины и какую роль сыграла в этом вопросе ханская партия.

Султаны и старшины, которые должны были стать опорой царизма в деле приведения в российское подданство казахов, с своей стороны могли рассчитывать на то, чтобы поднять и упрочить свое положение путем использования новых источников доходов — государева жалования и царских подарков.

Султанам и старшинам открывались и другие пути обогащения: возможность участия в караванной транзитной торговле России с Средней Азией в роли вожаков караванов, расширение торговли на русских рынках, в частности, на Яике.

Очень показательны в этом отношении некоторые поздние

---

[1] «Журнал» Тевкелева, л. 118. ЦГАДА. «Киргиз-кайсацкие дела», 1732, д. 1, лл. 118—123. Об этом писал в 1732 году в Колл. ин. дел башкир Кидряс, один из близких людей хана: «Ежели ея и. в. на реке Ори, впадающей в Яик, город построить повелит, то пришед он (Абулхаир — Н. А.) в том городе с беками и батырами своими ея и. в. и сам в атаманах жить обещает и повсягодно и с того города надлежащий
8 ясак свой к ея и. в. с посланцами своими присылать будет».

[2] ЦГАДА. «Киргиз-кайсацкие дела», 1734, д. 4, лл. 103—104.

данные, из которых видно, какое значение имел этот вопрос в хозяйственных расчетах тех султанов, которые были в рядах враждебной группировки и позднее приняли российское подданство. Мы имеем в виду здесь Батыра и Абулмамбета.

Выше отмечена большая заинтересованность Батыра в том, чтобы через его улусы проходили караваны азиатских купцов. Но ему не удалось осуществить свои хозяйственные планы. Оренбургский губернатор Неплюев ориентировался в этом вопросе на улусы Нуралы, который не менее, чем Батыр, был заинтересован в торговых пошлинах.

О том, какую роль играл этот момент в хозяйственных расчетах хана Абулмамбета и султана Аблая в связи с их присягой на подданство, говорит «Журнал» начальника Оренбургской экспедиции Урусова. Одно из основных условий подданства Абулмамбета, предъявленное Урусову Абулмамбетом, заключалось в том, «чтобы купцов на руки владельцам отдавать». В своем договоре с Урусовым по этому вопросу Абулмамбет рассуждал таким образом: «Я возьму одного или несколько, брат мой Аблай и прочие по тому ж. И отправлять их от себя, придав им в провожание из знатных родов лучших людей и таким образом караваны безопасны будут».[1]

По случаю разграбления ташкентского каравана Урусов намерен был во время свидания с султанами и старшинами в Оренбурге разрешить вопрос о том, «каким образом утвердить безопасность, чтобы караваны впредь безпрепятственно ходить могли», и выставил хану Абулмамбету свои условия, которые заключались в следующем: 1) чтобы провожатыми были люди знатные из всех улусов; 2) чтобы они больше договорной цены за провожание ни под каким видом не требовали; 3) чтобы те, которые будут вожаками караванов, оставляли оренбургским купцам в качестве заложников детей своих и братьев до возвращения каравана.[2] Такие же условия были предложены и султанам Младшего жуза и Эралы. Приняв их, Абулмамбет заявил, что обо всем он будет советоваться с старшинами.

Не меньшую заинтересованность в этом вопросе проявили и старшины. На приеме у Урусова батыр Джаныбек говорил о том, чтобы ташкентский караван «отдать на руки знатным старшинам». Но с его предложением Урусов не согласился, указав, что купцы этим будут недовольны. Несколько раньше Джаныбек просил разрешить казахам Среднего жуза прикочевать для торга в урочище Черный Яр и получил разрешение на это. «И с этого бы места,—гово-

---

[1] «Журнал» Урусова, л. 64.
[2] Там же, л. 39.

рится в доношении Урусова, — ездить им для торгу с товарами в Яицкой городок и покупать бы там русские товары».[1]

Большой заинтересованностью в доходах от посредничества в караванной торговле объясняется и готовность таких батыров, как Джаныбек, принять срочные меры к розыску ограбленного ташкентского каравана.

Торгом в Оренбурге вместе с тарханом Джаныбеком был занят и Букенбай. Узнав о том, что в Оренбург собралось много купцов с товарами и что они и впредь будут приезжать, Букенбай заявил, что на торг в Оренбург съедется и большое количество казахов.

Но особенно были заинтересованы в том, чтобы русские караваны ходили к среднеазиатским рынкам, старшины, которые жили в Туркестане, как например, батыр Нияз, сумевший завоевать себе положение «не ниже хана». Об этом своем желании он не преминул заявить Урусову.

Торговые интересы султанов и старшин усиливались по мере того, как в процессе реализации подданства и с появлением таких рынков, как Оренбург и Троицкая крепость, развивался обмен со степью, в котором активно участвовали крупные скотовладельцы. Но некоторые из них пытались найти и более близкие к своим кочевьям рынки сбыта. Указывая на удаленность своих кочевий от торга в Оренбурге, Абулмамбет и Аблай просили Урусова разрешить им ездить с товарами и в сибирские города.[2]

В такой же степени султаны и старшины были заинтересованы в возврате пленных, задержанных в России. Это объясняется развивающимися потребностями в рабочей силе, так как значительное количество рабов продавалось на рынках в Хиве и в Бухаре, а домашние рабы, повидимому, не могли полностью обслужить хозяйство крупного скотовладельца. Поэтому вопрос о «полонениках» имел такое серьезное значение в посольстве Тевкелева и на приемах Урусова султанов и старшин в Оренбурге, причем в этом вопросе представители царской администрации были не менее заинтересованы.

И, наконец, крупным владельцам скота, вынужденным под напором джунгар расстаться с богатыми пастбищами в районе Семиречья, нужно было обеспечить кормовую базу для своих растущих стад. Пастбища в районе Урала и Волги были особенно притягательны, тем более, что к освоению их стремились не только казахские феодалы, но и крупные калмыцкие владельцы. Заверяя Тевкелева в своем верноподданстве, Букенбай справлялся у него о том, будет ли ему разрешено кочевать у Яика. А в другой раз он выразил еще

[1] ЦГАДА. «Киргиз-кайсацкие дела», 1739, д. 2, л. 7. Доношение Урусова в Колл. ин. дел 22 окт. 1739 года.

[2] «Журнал» Урусова, л. 68.

более определенно свое желание «быть под рукою ея и. в. и кочевать вольно по Яику».[1] На этот раз он имел в виду и желания своих родственников — батыра Есета и Худай-Назара мурзы.

Кочевья по реке Урал интересовали не только ближайших советчиков хана. Просьба посла Кобякова, приехавшего в Петербург с прошением о размене «полоненников», говорит о желании старшин Младшего жуза Сугура, Единбая, Хаджибая и др. быть в российском подданстве. При этом Кобяков сообщает: «Которых владельцов будет с 40 тыс. улусов...» А людей «100 тыс. человек, все люди военные. А кочевать бы им в степях, где и ныне кочуют, между башкир и Яику, по горе Малой Яр, в расстоянии от Уфы 7, а от Яику 6 дней езды конной».[2]

Заявление Кобякова определенно указывает, в каких кочевьях заинтересован был Младший жуз. Но, как показывает дальнейшая история борьбы за кочевья, развернувшаяся во второй половине XVIII века, особенно остро стоял вопрос о зимних кочевьях с тех пор, как лучшие зимние стоянки были потеряны в борьбе с Джунгарией. Об этом говорят «перелазы» через Яик и целый ряд походов на улусы калмыцких тайшей, освоивших кочевья в низовьях Волги и Урала еще с половины XVII века.[3]

В расширении районов кочевий были заинтересованы и широкие трудящиеся массы казахов и, прежде всего, те, которые вынуждены были пользоваться скудными пастбищами.

В источниках первой половины XVIII века имеются указания на то, что казахские народные массы хотели жить в миру с Россией.[4] Эти настроения могли только усилиться после тяжелых потерь в «годы великого бедствия», когда пришлось покинуть привычные кочевья и, лишившись скота, отправиться в поиски сколько-нибудь безопасного существования.

Тяготение к России, усилившееся к 30-м годам, вызвано, прежде всего, насущной потребностью безопасности от новых нападений Джунгарии, угроза которых не миновала и после победы над нею. В этой борьбе теряли те, кто имел в своем распоряжении лучшие пастбища, так как к этим пастбищам было главное тяготение джунгар и на них были направлены их основные удары. Еще в большей степени страшны были эти удары для широких масс казахов-общинников. Последние

---

[1] «Журнал» Тевкелева, л. 54.

[2] ЦГАДА. «Киргиз-кайсацкие дела», 1727, д. без №, л. 39.

[3] С половины XVII века усилилось тяготение торгоутских тайшей в район Урала и Волги. В начале 40-х годов перекочевали к Волге Хо-Урлюк с 50 тыс. кибиток и другие тайши.

[4] «Памятники Сибирской истории XVIII века», т. II, док. № 41.

освоение удобных пастбищ, ибо эти пастбища привлекали прежде всего представителей феодальной верхушки, в руках которых было право распоряжения кочевьями. Борьба за кочевья еще осложнялась и тем, что феодалы группы Абулхаира стремились оттеснить феодалов старшей линии Жадига в сторону Джунгарии и, таким образом, владения последних могли оказаться под непосредственной угрозой джунгар.

Кроме того, продвижение кочевий Младшего жуза к 30-м годам к Уралу и Волге естественным образом усилило его тяготение к России, и вопрос закрепления связей с нею в сложной обстановке внешней опасности и феодальной борьбы стал назревшим вопросом, от разрешения которого зависела дальнейшая судьба казахского народа.

Вопрос принятия российского подданства встал, в первую очередь, для тех, в ком и царская политика искала опоры для осуществления своих хозяйственных планов в отношении казахских степей. Это была так называемая ханская партия. В доношении Тевкелева от 5 янв. 1732 года сообщается о том, что получившие от него подарки 30 старшин «стали держать Абулхаир хана партию и Букенбая батыра».[1] Это сообщение любопытно в том отношении, что оно определенно говорит о партии хана и Букенбая. Но, наряду с нею, существовала так называемая «противная партия». Показывая острую борьбу их и враждебные выступления против хана и царского посла, «Журнал» Тевкелева говорит о том, в какой обстановке оказалось посольство Тевкелева и какую резкую оппозицию встретил он в Младшем жузе со стороны «противной партии».

В связи с этим встает вопрос, что представлял собой личный состав этих партий в социальном отношении, и каким образом принятие российского подданства явилось серьезным основанием для разногласий и борьбы в то время, когда экономические и политические условия требовали присоединения Казахстана к России.

«Журнал» Тевкелева дает яркий материал, показывающий историю посольства Тевкелева в сложной обстановке борьбы султанских и старшинских группировок ханской и враждебной партий и рассказывает о том, как в этих условиях было положено начало подданства казахов Российской империи.

Не осуществившееся при Петре, посольство Тевкелева должно было состояться в 1731 году в связи с просьбой Абулхаира о принятии его в подданство. В случае согласия хана, Тевкелев должен был привести его к присяге на основании тех условий подданства, которые были изложены

---

[1] «Красный Архив», 1936, № 5 (78), стр. 200.

О взыскании ясака в инструкции была следующая оговорка: Если хан Абулхаир «к платежу ясака и в даче на Уфу аманатов будет не склонен... усильно о том не домогатца». Кроме того, предлагалось Тевкелеву и других «ханов обнадежить... и приличное жалованье дать, разведав о каждом из них, кто чего достоин». Тевкелев должен был также потребовать освобождения всех русских пленных и добиться того, чтобы они был собраны и отданы ему, причем содействие хана в этом деле рассматривалось как подданическая верность и служба».[1] Выполняя предписания инструкции, Тевкелев, должен был поступать как лицо, облеченное доверием царского правительства. Царской грамотой предлагалось русскому послу «верить и по тому выполнять». В другой царской грамоте от 30 апреля 1731 года излагались условия подданства.[2] Вместе с этой грамотой поручалось Тевкелеву вручить хану царские подарки: саблю, шубу из соболей и шапку с чернолисьим околышем. Кроме того, Тевкелев вез с собой подарки для султанов и старшин. Были отпущены также деньги на различные расходы в сумме 3584 руб.[3] и так называемые прогонные деньги.[4] С Тевкелевым направлялись два геодезиста А. Писарев и М. Зиновьев, «для описания мест». Предполагалось, что проезжая через Уфу, Тевкелев получит от воеводы Бутурлина конвой и подводы.[5]

Так организовано было посольство Тевкелева, который выехал из Петербурга 30 апреля 1731 года.

Вскоре по прибытии в Уфу Тевкелев получил сведения от ходжи Махомета, одного из близких людей Абулхаира, о том, что последний со своими кочевьями расположился в районе рек Тургай и Иргиз, и что «другие ханы кочуют при нем». Ходжа Махомет подтвердил также желание Абулхаира быть в российском подданстве. На другой день Абулхаир приказал встретить Тевкелева и проводить его в приготовленную для него кабитку, расположенную неподалеку от кибитки хана. Старшины, чтобы предупредить возможность встречи хана с царским послом до того, пока они не услышат царской грамоты, приставили к их кибиткам тайный караул. Тевкелев не сообщает никаких подробностей об этих старшинах. Надо полагать, что они были из числа тех,

---

[1] Там же, 190—193. Инструкция Тевкелеву, февр. 1731 года.

[2] ЦГАДА. «Киргиз-кайсацкие дела». 1730—1731 гг., д. без № лл. 161—162.

[3] Там же, 1734 г., д. 9, лл. 1—16. Ведомость из расходных книг Колл. ин. дел. об отпуске денег на посольство Тевкелева.

[4] Там же, 1731 г., д. без №. Указ имп. Анны Иоанновны 24 февр. 1731 года.

[5] П. Рычков. История Оренбургская. Оренбург. 1896, стр. 7.

которые с самого начала подозрительно отнеслись к прибытию Тевкелева в ханскую ставку.

Уже при первой встрече с Тевкелевым Абулхаир пытался дать ему ряд советов о том, как нужно приводить к присяге, и наметил линию поведения Тевкелева в отношении старшин. Так, например, хан советовал Тевкелеву, чтобы он «не вдруг их принуждал к присяге и чтобы в первом понуждении не показалось им противно».[1] Кроме того, Абулхаир подчеркнул, что надо «знатных старшин довольствовать подарками». Тевкелев, однако, напомнил Абулхаиру, что послы хана в Москве заявили о желании хана быть в подданстве с согласия всех ханов и всего войска и упрекнул Абулхаира: «А ныне то стало ложь, токмо один ты собою оное учинил». В ответ на этот упрек Абулхаир признался Тевкелеву, что это заявление послов было сделано по приказу его, хана, так как в противном случае он не мог бы рассчитывать на прибытие к нему Тевкелева.[2]

Ночное свидание хана с Тевкелевым закончилось однако не совсем благополучно. На обратном пути тайным караулом старшин был схвачен сопровождавший Тевкелева башкир Кидряс, которого старшины с побоями два раза допрашивали о том, не свел ли он Тевкелева с ханом. Но старшинам так и не удалось получить ответа и они вынуждены были отправить его на ночь под караул, а затем вернуть Тевкелеву.

Абулхаир, учитывая трудности сложившейся для него обстановки и явную оппозицию некоторой части старшин (инцидент с Кидрясом), все же рассчитывал использовать прибытие в Младший жуз Тевкелева. Продолжая на другой день конспиративные сношения с ним, он послал к Тевкелеву своего верного человека с просьбой немедленно прислать сукна и другие товары для подарков старшинам. Но Тевкелев на этот раз заявил его послу: «Пока он, хан, присягу не учинит, он, переводчик Тевкелев, ея и. в. жалование и милостивные знаки не отдаст».[3] Неудовлетворенный отказом, Абулхаир вторично прислал к нему своего человека с настойчивым требованием товаров для старшин, после чего Тевкелев вынужден был обещать вместе с царской грамотой доставить их хану.

7 октября состоялось второе ночное свидание Тевкелева с ханом. На этот раз Тевкелев явился к Абулхаиру в сопровождении двух геодезистов и семи башкирских старшин, и при встрече с ханом, прежде всего, передал ему царскую

---

[1] «Журнал» Тевкелева, лл. 3.

[2] «Журнал» Тевкелева, л. 25. Доношение Тевкелева 5 янв. 1732 года. «Красный Архив», 1936, № 5. (87), стр. 198.

[3] «Журнал» Тевкелева, л. 15.

грамоту о принятии его в подданство. При этом осторожный Тевкелев счел нужным на этот раз умолчать о другой царской грамоте, в которой излагались самые условия подданства, предусматривая возможность несогласия с ними хана. Абулхаир, выслушав Тевкелева, воздержался от ответа, предложив ему удалиться в свою кибитку. Хан, видимо, и на этот раз учел возможность резких выпадов по адресу Тевкелева со стороны несогласной части старшин. Из того, что произошло в ханской кибитке после ухода Тевкелева видно, как была уже накалена к этому времени атмосфера недовольства прибытием в ханскую ставку Тевкелева и во что грозила вылиться оппозиция раздраженных его появлением старшин. Так, один из верных башкир Тевкелева, ставший невольным свидетелем случившегося, донес ему, что после ухода Тевкелева из ханской кибитки оставшиеся старшины начали делить между собой преподнесенные им подарки «с великим криком и дракою, и бились плетьми и саблями до крови. И от того времяни, — рассказал башкир, — начали думать злое, чтобы Тевкелева убить до смерти, а пожиток ево себе пограбить и людей разобрать по себе».[1] Это сообщение, видимо, серьезно взволновало Тевкелева, судя по тому, что он спешно собрал своих башкир — Алдарбая, Таймаса и других и передал им дошедшее до него известие, спрашивая, как предотвратить готовящееся на него покушение. Последние советовали привлечь подарками таких старшин, как Букенбай, Есет и Худай-Назар мурза. Это были, по их словам, «лучшие и сильные люди».

Обратиться за помощью к Букенбаю рекомендовал Тевкелеву и сам хан, когда Тевкелев просил его унять старшин. При этом Абулхаир сознался в своем бессилии противодействовать враждебным старшинам. Посланный к Букенбаю Таймас привел его к Тевкелеву. Таким образом состоялась первая встреча Тевкелева с Букенбаем, одним из крупных представителей казахского батырства, который сыграл большую роль в посольстве Тевкелева и в принятии подданства. При первой встрече с Букенбаем Тевкелев сообщил ему о готовящемся на него покушении старшин и подчеркнул свою роль, как официального посла, отправленного по царскому указу и по прошению хана. Тевкелев также старался убедить Букенбая, что он послан не для того, чтобы казахов «неволею в подданство привести». В то же время Тевкелев дал понять Букенбаю, какие осложнения могут быть, если старшины осуществят свой преступный замысел, и что казахов ожидают не только гнев императрицы, но и реальная опасность как со стороны регулярных русских войск, так и со стороны военных отрядов из русских подданных — кал-

[1] Там же, л. 18.

мыков и башкир. Рассчитывая на активную помощь Букенбая, Тевкелев счел необходимым в залог успешности своего дела так воздействовать на него, чтобы он присягнул на подданство, и обещал Букенбаю подарить товаров на 500 рублей. Но дальновидный Букенбай предпочел заранее отказаться принять подарок, обещав Тевкелеву, «что он будет услуги показывать и без того». Тевкелеву, хорошо знавшему по личному опыту ненасытные аппетиты старшин, такое благородство Букенбая показалось на первых порах подозрительным, и он склонен был думать, не скрывается ли в отказе Букенбая какого-либо обмана, а потому «обходился с ним политикою». Учитывая сложность создавшейся обстановки и опасаясь новых обострений во взаимоотношениях с старшинами, которых раздражало появление царского посольства с многочисленным конвоем, Тевкелев отправил часть конвоя в Уфу.

При содействии уфимского воеводы Колл. ин. дел послала тысячу рублей, которые, по определению Коллегии, должны были израсходоваться на покупку товаров, предназначенных для выкупа Тевкелева.

Все это говорит о серьезности создавшегося положения. Это положение еще более осложнилось в дальнейшем, когда начались активные выступления старшин, и Тевкелев оказался в роли ответчика и обвиняемого на одном из старшинских собраний.

Собрание старшин, состоявшееся 10 октября 1731 года, чрезвычайно показательно для характеристики настроений в старшинской среде и для положения Абулхаира, вынужденного держать ответ перед старшинами, которые допрашивали его «с великою яростью и гневом, зачем он, Тевкелев, к ним в Киргиз-кайсацкую орду приехал». В ответ на этот вопрос Тевкелев должен был объяснить официальные задачи своего посольства, напомнив и о прошении Абулхаира принять его в подданство.

Недостаточно осведомленный о резком конфликте Абулхаира с старшинами, Тевкелев не учел того обстоятельства, что такое напоминание может вызвать резкий выпад старшин против хана. Старшины немедленно потребовали и от Тевкелева ответа: «Для какой причины просил он, хан, подданства российского один без согласия их... старшин, и приводит их в неволю». В поведении Абулхаира старшины усматривали, прежде всего, нарушение исконного обычая, согласно которому «ханы без совета старшин ничего неповинны чинить».

Они упрекали Абулхаира в нарушении этого обычая, и угрожали ему смертью. Абулхаир в своем ответе заявил им, «что то учинил для того, что он, хан, только имя носит ханское, а воли над подданными никакой не имеет», а поэтому

решил он «иметь подданство великого монарха».[1] Старшины, еще больше раздраженные таким ответом, заявили Тевкелеву, что они «в подданстве быть не желают». Таким образом, здесь более четко выявилось направление оппозиции враждебно настроенной части старшин, которые рассматривали подданство как неволю.

Заподозрив Тевкелева в роли царского шпиона, с отъездом которого может совершиться военное нападение царских войск, старшины заявили, что не выпустят его живым в Россию. Тевкелев в своем ответе объяснил, что Российская империя от казахов никакой опасности не имеет, а им, казахам, от подданных Российской империи, калмыков, башкир и от яицких казаков «великая опасность есть». Убеждая последовать примеру других ханов, принявших подданство, Тевкелев в то же время заявил, что «если они в подданстве быть не желают, то он приводить домогатца не будет». А когда Тевкелев потребовал своего отпуска в Россию, выступивший на собрании Букенбай заявил, что «он, Букенбай, с Абулхаир ханом в подданстве российском быть желает и в том будет присягать». Вслед за ханом присягали Букенбай, Есет, Худай-Назар-мурза и 27 знатных старшин, получивших от Тевкелева богатые подарки. Так Букенбай показал свой авторитет и влияние на хана. Однако ему не удалось сломить враждебные настроения значительный части старшин.

Тевкелев отметил в своем «Журнале», что «большая часть старшин не присягали, стали быть противны» и что «противная партия стала умножатца и на каждый день грозила ево, Тевкелева, убить до смерти».[1]

Очевидно этим обстоятельством было вызвано то, что вскоре после собрания Абулхаир снова направил своего посла к Тевкелеву с просьбой прислать товары для подарков старшинам враждебной партии. Запрос Абулхаира, потребовавшего более 100 арш. сукна, 20 бобров, 40 выдр, 20 юфтей красных кож и пр. уже превышал возможности Тевкелева, который неоднократно дарил старшин, и он отказал хану в выполнении его просьбы. Неудовлетворенный отказом, хан вторично прислал своего посланца к Тевкелеву с требованием немедленно удовлетворить его просьбу, угрожая в противном случае насильно отнять у него товары. На этот раз Тевкелев удовлетворил просьбу хана из опасения потерять в нем и Букенбае опору в обстановке, с каждым днем для него осложняющейся. Тевкелев писал в своем «Журнале», что каждую ночь из его подвод угонялось по 6—8 лошадей, причем хану удалось захватить двух казахов, участников

[1] «Журнал» Тевкелева, лл. 23—25.

этого «воровства», которых он «бил и мучил и скованных держал».[1]

Букенбай, поддерживал постоянную связь с Тевкелевым, продолжая конспирантивные встречи с ним, обещая ему помощь и поддержку в его опасном положении.

Тевкелев, в свою очередь, при встречах с Букенбаем старался показать ему, что он «угроз киргис-кайсацких народов... не боитца» и, что «императрица... неповинную ево, Тевкелева, кровь им, киргис-кайсакам, так упустить не соизволит». Набеги на табуны Тевкелева еще более участились, особенно с тех пор, как Букенбай 18 октября откочевал в свои улусы.

Тевкелев при всяком удобном случае напоминал Букенбаю, что не следует раздражать старшин. В том же духе он старался воздействовать и на Абулхаира. Когда хан, неуверенный в своем успехе в осуществлении подданства и обеспокоенный грозящей ему опасностью от враждебных старшин, однажды спросил Тевкелев, будет ли дано царское войско, если ему придется «неволею в подданство российское привести», Тевкелев поспешил его заверить, что и в этом случае, «он, Абулхаир хан, протекциею ее и. в. охранен будет». Тевкелев, очевидно, достаточно учел то положение, что обострение его взаимоотношений с ханом и с такими представителями ханской партии, как Букенбай, Есет и Худай-Назар-мурза, грозило срывом всего дела его посольства и увеличило бы непосредственную опасность, грозящую его жизни. Тевкелев, прибыв в ханскую ставку Абулхаира со всем своим обозом, держался около кочевий хана, который со своей стороны, тоже поддерживал непрерывную связь с ним.

К осени 1731 года, когда кочевья Абулхаира продвинулись к Аральскому морю, к владениям каракалпаков, туда перекочевал и Тевкелев со своим обозом. Расположившись в дальних кочевьях, Абулхаир и Тевкелев чувствовали себя здесь более безопасными от покушений на них. Это обстоятельство дало возможность Тевкелеву укрепить решимость хана, который обещал ему, в знак своей верности, каждый год посылать в Москву своего сына и подготовить почву для присяги на подданство каракалпакского хана.

В повседневном быту связи Тевкелева с Абулхаиром выражались не только в официальных встречах в присутствии старшин, а также во время званых обедов как у хана, так и у Тевкелева. Из его «Журнала» видно, что Абулхаир тайно по ночам в сопровождении немногих людей своих или один неоднократно посещал Тевкелева и вел с ним различные переговоры. Но в их взаимоотношениях вскоре возникли поводы

[1] Там же, л. 29.

ды к взаимным недовольствам. Тевкелев однажды был чрезвычайно встревожен тем, что хан прислал к нему людей своих с требованием выдать ему личное имущество Тевкелева. Заподозрив хана в обмане, Тевкелев решил, «что и он, Абулхаир хан, в одном согласии с противною партиею». Но когда башкиры из конвоя Тевкелева посоветовали ему «пожитки» хану не отдавать, а в случае применения насилия «поступить по неприятельски, дратца до смерти». Тевкелев и на этот раз не изменил своей политики в отношениях с ханом, заявив башкирам, что «с ханом по неприятельски поступать не надобно» и что лучше выждать прибытия Букенбая. Но все же посланцам было сказано, «что хан поступает... недобрым порядком, и пожитку он, Тевкелев, ему, хану, не даст». И только когда Абулхаир вторично прислал своих людей с требованием имущества Тевкелева, заявив «что он прежде всего желает, как ни есть противную старшину успокоить», Тевкелев, как осторожный политик и дипломат, выполнил это требование Абулхаира. В своем «Журнале» Тевкелев откровенно признался в том, что иначе он не мог поступить, так как «противная партия» его в «куски бы разорвала».

Однако забота хана о Тевкелеве была фактически лишь видимостью. По существу Абулхаир, заверяя Тевкелева в своих верноподданических чувствах и обещая привести в покорность несогласных старшин, не имел ни власти, ни авторитета для того, чтобы пресечь активные выступления против царского посла.

Такова была обстановка, в которой очутился Тевкелев уже в первые месяцы своего посольства, прибыв в кочевья хана у реки Иргиз. Положение его не изменилось и тогда, когда он вместе с ханом перекочевал к Аральскому морю.

Так, во время охоты с Абулхаиром на Тевкелева напал со своими людьми старшина Сырлыбай, один из главарей враждебной партии, который намеревался, по словам Тевкелева, «убить до смерти или живым поймать, да измучить ево тирански и хотел кровь стачить Тевкелева иглами».[1]

Тевкелев с большими трудностями добрался до своего обоза. За ним была организована погоня, и его конвою пришлось отбиваться от многолюдной шайки Сырлыбая. Во время этой стычки был захвачен один из ближайших помощников Тевкелева башкирский старшина Таймас Шаимов.

Сырлыбай был одним из главарей «противной партии». Присягнувшие на подданство старшины назвали его главным злодеем и обещали Тевкелеву выручить Таймаса. Отмечая верную службу своего конвоя, Тевкелев подчеркивает особенную преданность ему Таймаса, который «от противных

[1] Там же, л. 33.

кайсаков был и бит» и все же не изменил ему. П. Рычков в своей «Истории Оренбургской» отметил, что успехам Тевкелева много содействовал батыр Таймас, известный своей храбростью.

Не случайно Тевкелев был крайне встревожен пленением Таймаса. Не менее обеспокоен был его судьбой и Букенбай, который немедленно отправил Худай-Назар-мурзу выручать Таймаса. Послу Букенбая удалось благополучно выполнить это поручение. Вместе с Таймасом был доставлен к Тевкелеву и Сырлыбай. Учитывая роль последнего как одного из главарей «противной партии», Тевкелев решил подарить ему товаров на 50 рублей. Однако Сырлыбай остался недоволен таким подарком и потребовал большего. Это заставило Тевкелева второй раз задаривать его.

Выручая Таймаса, Тевкелев получил сведения о том, что «противная партия умножается», что враги готовы убить его, людей его взять в плен, а имущество разграбить. Кроме того, посланец Тевкелева султан Нияз сообщил ему, что «противная партия» намерена совершить набег на башкир Уфимского уезда.

Когда несколько позднее Сырлыбай оказался в ряду новоприсяжных старшин, выяснилось, что ближайшей причиной его озлобления был личный момент — то обстоятельство, что башкиры убили его родного брата. «Надлежало было, — заявил Сырлыбай, — вместо оного убить ево, Таймаса».

Надо полагать, что кроме личных мотивов были и другие причины, которые укрепляли враждебные настроения некоторой части старшин против Тевкелева и его дела. С этой точки зрения небезинтересно установить, в какой мере выступление Сырлыбая против Тевкелева могло быть связано со всем поведением старшин враждебной партии. Судя по тому, что Сырлыбай, по рассказу Тевкелева, напал на него «многолюдством», можно предположить, что он выступал против Тевкелева не только по своей личной инициативе. Озлобление Сырлыбая могло быть использовано, как удобный психологический момент в активных действиях против Тевкелева.

Но наряду с резкой оппозицией непримиримых и крайне озлобленных элементов во враждебной партии была и менее устойчивая группа старшин, которая сама присягнула на подданство, обещая воздействовать на Сырлыбая.

Изменения в поведении некоторых представителей враждебной партии в отношении Тевкелева имели место и в дальнейшем.

В его «Журнале» рассказывается о том, что в начале февраля 1732 года приехали к хану и Тевкелеву Акча

Бабибеев с товарищами, которые заявили, что они и приславшие их старшины «от злого намерения отстали».[1]

Эти колебания в настроениях несогласных старшин объясняются в значительной степени той линией поведения, которую определил для себя Букенбай и согласно которой действовали его ближайшие помощники в реализации дела Тевкелева.

В дальнейшей истории посольства Тевкелева можно отметить, с одной стороны, растущую оппозицию старшин «противной партии» при активном участии калмыцких тайшей, агитировавших против российского подданства; с другой — не менее активное противодействие этой оппозиции крупных представителей казахского батырства, в первую очередь, Букенбая и его круга, при деятельной помощи башкирских и каракалпакских старшин.[1]

Выступления старшин против Тевкелева, как царского посла, имели место в конце 1731 и в начале 1732 года. Эти выступления носили характер набегов на обозы Тевкелева или же выливались в резкую оппозицию на старшинских собраниях. 26 декабря 1731 года Тевкелев был вызван вторично на собрание старшин к хану. Старшины потребовали ответа у Тевкелева на вопрос о том, чем была вызвана задержка в Тобольске посла Бекбулата. Кроме того, они предъявили резкое обвинение Тевкелеву, заявив, что «российские люди злословят Киргис кайсацкую орду», распространяя слухи о том, что, якобы, царские послы подвергаются ограблениям и содержатся в неволе. Категорически опровергая это обвинение, Тевкелев объяснил старшинам, что задержка посла в Тобольске вызвана недавно совершившимися набегами казахов, во время которых было захвачено много ясыря и скота и обещал свое содействие в отпуске посла.[2]

Наряду с собраниями старшин при участии хана и Тевкелева созывались и конспиративные собрания, где старшины враждебной партии еще более резко поднимали свой голос, причем наиболее активно вели себя старшины «мелкой статьи».

Однако на этих собраниях не было единогласия в вопросе о судьбе Тевкелева, и выступления старшин «мелкой статьи» не встретили сочувствия со стороны других старшин враждебной партии.

Такое собрание состоялось 4 февраля 1732 года, на котором более осторожные старшины «противной партии» указывали на нецелесообразность убийства Тевкелева. Старшины «мелкой статьи» категорически заявили, что они не вы-

---

[1] «Журнал» Тевкелева, л. 65.
[2] Там же, л. 58.

пустят Тевкелева живым в Россию и намерены напасть на него, когда он будет переезжать залив Аральского моря.[1]

Это собрание очень показательно, так как на нем определился раскол среди старшин враждебной партии по такому острому вопросу, как отношение к царскому послу. К сожалению, Тевкелев в своем «Журнале» не показывает социальное лицо старшин «мелкой статьи». Повидимому, это были старшины, не имеющие солидной материальной базы и, кроме того, менее знатные. На старшинских собраниях они категорически заявляли о своем отрицательном отношении к Тевкелеву. При этом голос их среди других оппозиционно настроенных старшин звучал достаточно смело, судя по тому, что и в дальнейшем они продолжали требовать убийства Тевкелева. В конце августа 1732 года состоялось собрание старшин, на котором было решено «Тевкелева и людей ево, всех до смерти побить».[2] Это решение явилось выражением мнения тех, которые стояли на позиции крайне непримиримого отношения к Тевкелеву и к его делу. Не будь на этом собрании Букенбая, пытавшегося разубедить старшин и посоветовавшего затем Тевкелеву уехать в Россию, неизвестно, как удалось бы Тевкелеву избегнуть грозящей ему опасности.

Тевкелев мог выбраться в Уфу только через несколько месяцев, в начале января 1733 года. А до этого времени он подвергался неоднократным нападениям.

С начала февраля 1732 года взаимоотношения Тевкелева с враждебной партией осложнились еще тем обстоятельством, что выведенные Букенбаем из каракалпакских владений башкиры, соединились с обозом Тевкелева. Это, с одной стороны, значительно усилило конвой Тевкелева (до 300 человек), а с другой — осложнило вопрос о его содержании. Вскоре прибавились и новые заботы о башкирах.

В конце февраля доставленный ханом к Тевкелеву казах Илька Бакбавов, присланный из Среднего жуза от старшин ханской партии, рассказал о том, что еще в декабре 1731 года некоторые «воры» из Среднего жуза совершали набеги на башкир и отгоняли у них лошадей и намерены в дальнейшем продолжать свои набеги. Посланец сообщил также, что попытка старшин пресечь это не привела ни к чему. Отправив письма башкирским старшинам Ногайской и Сибирской дорог с предупреждением о возможных нападениях, Тевкелев приказал ловить воров и направлять их в Уфу, но в то же время не советовал чинить набегов на улусы казахов. Наказ Тевкелева башкирским старшинам интересен как штрих в его политике урегулирования межплеменных взаимоотно-

---

[1] Там же, л. 65.
[2] Там же, лл. 100—101.

шений. Тевкелев считал, как в данном случае, более целесообразным не допускать кровопролития и не обострять лишний раз взаимоотношений там, где этого можно было избежать.

Следует заметить, что и хан не оставался безучастным к набегам на башкир, отправив своего посланца к уфимскому воеводе Кошелеву с предупреждением, «чтоб от набегов воровских киргис кайсаков на башкирцев иметь твердую осторожность».

Таким образом, мы видим, в какой обстановке оказался Тевкелев, посланный для осуществления подданства казахов.

Отдавая должную дань известной объективности «Журнала», в котором Тевкелев повествует о себе в третьем лице, не подчеркивая своей ответственной политической роли, мы все же должны отметить некоторую тенденциозность в его повествовании. Последняя наложила определенный отпечаток на его понимание борьбы ханской и «противной партии».

Нет сомнения в том, что вопрос принятия российского подданства был в казахских жузах одним из острых, волнующих вопросов. Он сделался злобой дня с прибытием в ханскую ставку Тевкелева. Столкнувшись с резкой враждой значительной части старшин, принявших его за царского шпиона, и с нежеланием их принять подданство, Тевкелев подчеркнул борьбу двух враждебных партий и не показал корней этой борьбы.

Если источником вражды Батыра к Абулхаиру были, главным образом, его властолюбивые замыслы, то у старшин «противной партии» были свои счеты с ханом. Отрицательное отношение к принятию российского подданства, которое в представлении некоторой части старшин грозило им неволей, было вызвано тем, что хан в разрешении этого вопроса превысил свою власть. В этом поступке хана многие старшины усматривали не только нарушение исконного обычая, но и посягательство на ту политическую роль, которую они завоевали себе.

Главарями «противной партии», как это показано в «Журнале» Тевкелева, были такие старшины, как Баймурат, Сырлыбай, Бахтыбай, Бабибей, и ряд других, имена которых фигурируют в записях Тевкелева, рассказывающих о различных моментах их активных выступлений против него и хана. Повидимому, партия эта была значительной, судя по тому, что одному Худай-Назар-мурзе удалось привести с собой 30 старшин, которые согласились принять подданство. Надо полагать, что эти старшины располагали и большим количеством подвластных людей, которые по их замыслам должны были осуществлять набеги на обозы Тевкелева и на ханские кочевья. Старшина Баймурат, по словам Тевкелева,

намерен был с «великим собранием» напасть на хана и на Тевкелева. 6 марта 1732 года батыр Баямбеть сообщил Тевкелеву, что «идут противные старшины со многими кайсаками», а именно: Бабибей, Тумамбей и др. Неоднократно в «Журнале» подчеркивается что «противная партия умножается».

Судя по тому, что в своих набегах на обозы Тевкелева враждебные старшины располагали большим количеством людей, можно думать, что это были крупные феодалы. Используя всевозможные формы феодальной эксплоатации, главари «противной партии» могли завербовать в свои ряды подвластных себе людей, которые вынуждены были участвовать в предприятиях своих владельцев. Но при первом удобном случае эти зависимые могли быть и врагами их. Многолюдные набеги, возглавляемые такими главарями, как Сырлыбай, Баймурат и другие, не являются показательными для характеристики отношений народных масс к российскому подданству.

В дальнейшем мы увидим, что вопрос о подданстве стоял гораздо сложнее и что помимо внутрифеодального гнета были посторонние силы, оказавшие не менее сильное давление на массы. Здесь мы имеем в виду активное воздействие агитации, исходившей от калмыцких тайшей. Но эта тема требует особого рассмотрения.

В «Журнале» Тевкелева указывается, что «многие ево (Батыра — Н. А.) сторону держат». Как один из упорных врагов Абулхаира, Батыр имел сторонников и в своих притязаниях на ханство. Позднее в его избрании участвовали бии и батыры влиятельных родов Младшего жуза.[1] Это был результат авторитета, завоеванного Батыром среди представителей родовой знати, которые поддерживали его честолюбивые замыслы своей открытой враждой к Абулхаиру.

К сожалению, по журнальным записям Тевкелева нельзя установить, кто из них ближайшим образом был связан с Батыром в осуществлении его замыслов и в какой мере проявлялась инициатива Батыра в реализации выступлений враждебной партии.

Интересна запись Тевкелева от 30 ноября 1731 года, которая свидетельствует о намерении Букенбая привести в подданство Батыра и таким образом противодействовать его связям с враждебной партией. Букенбай говорил Тевкелеву, что Батыр «не гораздо склонен к российской стороне» и что

---

[1] «Сказка» казачьего атамана Смаила и муллы Абдрезякова в Оренбургской губ. канцелярии 20 ноября 1748 года. Абдрезяков, перечисляя участников избрания на ханство Батыра, называет знатных биев и батыров родов Младшего жуза — Шомекей, Шекты, Торткара и Карасакал, которые «октября 15 (1748 года — Н.А.) Батыръ салтана, подняв на кочме, у себя ханом учинили».

нужно привести его к присяге, «чтоб не приставал к противной партии».[1]

Зная о вражде последнего к Абулхаиру, предвидя еще большее усиление «противной партии», если Батыр окажется в числе главарей ее, Букенбай не без основания боялся связей Батыра с нею.

В декабре 1731 года состоялась присяга Батыра, согласно которой он обещал платить ежегодный ясак в размере 1000 лисиц.[2] Однако вскоре после этого события Тевкелев уже получил известие от хана и Букенбая об ограблении каравана полковника Гарбера, отправленного через Астрахань в Хиву и Бухару. Старшины ханской партии, узнав, что Гарбер лишился половины своего каравана (250 верблюдов с товарами), не без основания заподозрили в этом ограблении Батыра и не поверили ему, когда он пытался отрицать это. Опасаясь, что «злое слово осталось на него», Батыр неоднократно просил Тевкелева помочь оправдаться перед императрицей и засвидетельствовать в Колл. ин. дел о его непричастности к ограблению каравана Гарбера, заверяя, что «он, Батыр салтан, того не чинил, а учинили кайсаки, не слушая его самовольством».[3] Букенбай, не желая обострять этого вопроса, советовал Тевкелеву взыскать с грабителей похищенное после того, как удастся укрепить их в подданстве.[4]

Как показывают источники, Батыр позднее настаивал на признании подданства казахов Джунгарии и на отделении их от России и в этом отношении был единомышленником Абулмамбета и Барака.

Интересны, в связи с этим некоторые другие, записанные в «Журнале» эпизоды, дающие новые штрихи для характеристики Батыра, в частности, его поход на хивинских туркмен с войском около двух тысяч человек, при участии одного из старшин «противной партии» Бахтыбая. Этот эпизод говорит, с одной стороны, о связях Батыра с старшинами «противной партии», а с другой, показывает неустойчивость этих связей. Во время этого похода старшина Бахтыбай, отделившись от войска Батыра с партией в 160 человек, отправился грабить волжских калмыков. Несмотря на попытку Батыра вернуть его, Бахтыбай к войску Батыра не вернулся, откочевав в другое место. Тот же Бахтыбай, между прочим, участвовал

[1] «Журнал» Тевкелева, л. 43.

[2] Там же, л. 44.

[3] «Книга Азиатского департамента», № 21, л. 21. «Красный Архив», 1938, № 2 (87), стр. 135.

[4] «Красный Архив», 1936, № 5 (78), стр. 205. Доношение Тевкелева 20 июня 1732 года.

в ограблении каравана Гарбера, продержав его в осаде без воды 12 дней.[1]

Батыр имел сторонников и в других владениях, прежде всего в Хиве, в лице хивинских старшин, отрицательно настроенных к подданству Абулхаира России. С этой точки зрения интересно краткое сообщение Тевкелева в его ранних записях о том, что 24 ноября 1731 года один из его знатных башкир Кошак Рахманкулов, посланный к Батыру, видел у последнего хивинского посланца, о котором узнал, что «делает в народе киргис кайсацком великие интриги и возмущал Тевкелева убить до смерти и от подданства отвращал».[2] Это указание говорит о вмешательстве в вопрос подданства казахов Российской империи враждебно настроенных элементов Хивинского владения, пытавшихся разжигать волнения в народных массах. Противниками политики Абулхаира в отношении России, видимо, были те хивинские старшины, которые не хотели признавать его власть в Хиве.

В «Журнале» Тевкелева имеется материал, говорящий о попытке Абулхаира склонить в российское подданство хивинского хана Ильбарса. Еще 17 декабря 1731 года Абулхаир сообщил Тевкелеву о своем намерении послать султана Нуралы в Хиву, где последний должен был убедить хана хивинского принять подданство России и договориться с ним о торговле так, чтобы русские купцы со своими караванами ходили беспрепятственно через казахские степи в Бухару, а бухарские купцы — в Россию. Но планы Абулхаира встретили серьезное возражение со стороны Тевкелева. Последний заявил хану: «Через Киргис кайсацкую орду комерции быть невозможно, понеже киргис-кайсаки страху от ханов не имеют». Поэтому не может быть обеспечен безопасный проезд русских купеческих караванов через казахские степи.

Тевкелев допускал возможность использования казахских степей как транзитных путей в торговле с Хивой лишь в том случае, если будет построена крепость в устье Ори, причем он намерен был держать в этой крепости «погодных судей»,[3] избираемых ежегодно по одному от каждого рода из числа казахских старшин.

Абулхаир, заинтересованный в торговых связях с Хивой, не изменил своего намерения послать в Хиву Нуралы в середине декабря 1731 года.

А в начале марта следующего года Тевкелев уже выслушивал сообщение вернувшегося из Хивы вместе с султаном Нуралы ханского служителя Байбека Аглука о том, как реа-

---

[1] Там же, л. 77.

[2] Там же, л. 41.

[3] Тевкелев называл «погодных судей» аманатами, которые должны были обеспечить регулярный сбор ясака.

гировали хивинские старшины на предложение Нуралы принять российское подданство. Услышав, что Абулхаир принял подданство и что хивинцам предлагают последовать его примеру, хивинские старшины, по словам Аглука, «пришли в великую злобу» и заявили, что «в Хиве слушать ево, Абулхаир хана, никто не будет и он... затеил безделицу. И отъехал сын Абулхаир хана, — заканчивает свой рассказ Аглук, — и с Хивы со озлоблением, без всякого довольствия».[1]

Но этим не закончились переговоры Абулхаира с Хивой по вопросу о подданстве России. Несколько позднее хан напомнил хивинцам о недоброжелательном приеме в Хиве его сына Нуралы. Ярким документом, свидетельствующим о том, как заинтересован был Абулхаир в сохранении престижа своей власти в Хиве, является его письмо, отправленное в Хиву 19 апреля 1732 года. В этом письме Абулхаир упрекал хивинцев не столько в том, что они отказались принять подданство Российской империи, сколько за «обиды», причиненные его сыну. Хан напоминал хивинским старшинам, что он много сделал для сохранения безопасности Хивы, не отказав в трудный момент в военной помощи против аральского хана. Абулхаир с обидой писал: «А когда пришел было вам последней конец от аральского хана, то я вас освободил, всякое вспоможение чинил, в чем вы обещали мне и присягали тако, пока я жив, слушать мои указы и своего хана почитать, яко намесником моим. А ныне то все позабыли и стали делать мне всякие противности». Кроме того, хан заявил, что он намерен воевать с Хивой и с этой целью отправил своего сына к аральскому хану, который должен стать его союзником в этой войне.[2]

Эти факты говорят о том, что в Хивинском владении сложилась крайне неблагоприятная обстановка для приведения к российскому подданству хивинцев, и что здесь определялась враждебная позиция хивинских старшин как в отношении Абулхаира, так и в отношении России. Отсюда становится понятным и поведение хивинского посла, прибывшего в ноябре 1731 года к Батыру с тем, чтобы укрепить вражду к хану, а также посеять «возмущение» против подданства в народных массах Младшего жуза.

Батыр имел своих сторонников не только в Младшем жузе и в Хивинском владении. В письме имп. Елизавете Петровне от 4 марта 1742 года, где говорилось, в частности, о враждебных действиях против России султанской группировки, Абулхаир называет султана Батыра единомышленником Абулмамбета и Барака, которые, по словам Абулхаира, говорили: «Мы, подобно Абулхаир хану, отдав русским своих сыновей и поко-

[1] «Журнал» Тевкелева, л. 71.
[2] Там же лл. 80—81.

рившись им, не можем превратиться в русских», а также заявляли: «Лучше отдать калмыкам своих сыновей..., и возбудили находящийся по Тоболу народ».[1]

В письме Абулхаира говорится, что Абулмамбет побудил своего старшего брата султана Джангира и батыра Нияза ограбить имущество направлявшихся в Ташкент купеческих караванов.

В 40-х годах определилась и джунгарская ориентация Абулмамбета, который в октябре 1742 года намеревался послать к джунгарскому хун-тайджи своего сына. Оренбургский губернатор Неплюев в своем доношении в Сенат в 1745 году, пытаясь объяснить причину тяготения Абулмамбета к Джунгарии, писал, что «он туда привлечен был зюнгорскими интригами, которые ласкали и обнадеживали ево Туркестанским владением и еще некоторыми тамошними городами, кои в давних годах у предков ево, Абулмамбетовых, во владении бывали».

Таким образом Батыр был связан с султанской группировкой Среднего жуза, в рядах которой был такой враг Абулхаира, как Барак, совершивший убийство хана в 1748 году, и Абулмамбет с его джунгарской ориентацией, предпринявший ряд активных враждебных действий против России. Отсюда становится понятным, какой крупной фигурой был Батыр в рядах «противной партии» и почему так велика была ненависть к нему Абулхаира.

Агитация против российского подданства исходила не только от Хивинского владения.

11 мая 1732 года приехали к Абулхаиру послы от калмыцких тайшей Дорджи Назарова и его сына Лобжи, причем тюленгут султана Нуралы тайно сообщил Тевкелеву о том, что эти послы намерены возмущать, «...чтобы он, Абулхаир хан, вся Киргис-кайсацкая орда... стали воевать российские городы».[2]

На следующий день хан срочно вызвал к себе Тевкелева и передал ему письмо от калмыцких тайшей, доставленное послами.

Ссылаясь на сообщение послов, Абулхаир рассказал, что Дорджа Назаров и Лобжа в ссоре с сыном калмыцкого хана Черендондуком, во время военного столкновения с которым Дорджа Назаров побил значительное количество его войска и захватил много пленных. Послы рассказали также хану о том, что Лобжа во время этой схватки одержал победу и над русским войском, посланным на помощь Черендондуку в количестве 20 тыс. человек. В то же время послы со-

[1] ЦГАДА. «Киргиз-кайсацкие дела», 1742, д. 4, л. 15.

[2] «Журнал» Тевкелева, л. 84 и доношение уфимского воеводы П. Кошелева в Колл. ин. дел от 6 июля 1732 года. ЦГАДА, «Киргиз-кайсацкие дела», 1732, д. 3, л. 127.

общили и о намерении Дорджи Назарова «жить с Абулхаир ханом мирно», с тем, «чтобы русские города воевать вместе».

Услышав это сообщение, Тевкелев стал убеждать хана, что письмо Дорджи Назарова и Лобжи и слова послов их не имеют значения», «понеже, — заявил Тевкелев хану, — Калмыцкая орда перед Российскою империю так, как перед морем капля дождевой воды». Опровергая достоверность сообщения о том, что Лобжа в военной схватке с Черендондуком разбил русское войско, Тевкелев заявил, что 20-тысячному регулярному войску не могут «обиду зделать и 100 тыс. калмык», ибо «Российская империя непоколебимой столп, а Калмыцкая орда, как ветер», и кочует она «от Волги до Яика, ездою только 10 дней, а Российская империя имеет кругом 6 лет езды.[1] При этом Тевкелев выразил свою уверенность в том, что ни Черендондук, ни Дорджа Назаров не позволят себе изменить России и что изменил лишь Лобжа.

Но в своем доношении от 20 июня 1732 года Тевкелев высказывался более резко по адресу Дорджи Назарова: «А оные плуты и изменники, Дорджа Назаров с сыном Лобжою, яко ветры... себе основания не имеют»,[2] причем измену их он противопоставлял верноподданству наместника Калмыцкого ханства Черендондука. Тевкелев убеждал Абулхаира не следовать примеру Дорджи Назарова и Лобжи и ни при каких обстоятельствах не нарушать своей верности. Поэтому Тевкелев посоветовал ему немедленно отправить калмыцких послов в Уфу. Абулхаир выразил готовность итти войной на Дорджу Назарова и Лобжу, обещая, что он русских городов воевать не будет.[3] Но вскоре агитация калмыцких тайшей возобновилась, и на этот раз в улусах Среднего жуза. 21 мая 1732 года Чакчак Букенбай батыр, присланный к Тевкелеву с приглашением приехать в Средний жуз, сообщил, что во владения этого жуза явились послы от Дорджи Назарова и Лобжи, которые стали «возмущать» против России и российского подданства. Кроме того они потребовали войско для похода на русские города.

Подчеркнув военную силу русского государства, Тевкелев заявил Чакчаку, что казахам следует быть в подданстве только Российской империи и что яицкие казаки всегда готовы справиться с изменниками России, если императрица этого потребует. Категорическое заявление Тевкелева, видимо, было убедительным для Чакчака, который отправил в Средний жуз одного из прибывших с ним казахов с наказом, «чтоб калмыцкого посланца возмутительным словам не верили и с ним бы не сообщались».[4]

---

1 «Журнал Тевкелева», л. 85.
2 «Красный Архив», 1936, № 5 (78), стр. 207.
3 «Журнал» Тевкелева, лл. 84—86.
4 Там же, л. 88.

Калмыцкие тайши пытались, с одной стороны, солидаризироваться с старшинами, настроенными против подданства Абулхаира России, а с другой — внушить враждебное отношение к России представителям ханской партии. В том же духе их посланцы старались воздействовать и на широкие народные массы, о чем сообщается в обстоятельном доношении Тевкелева от 20 июня 1732 года.[1]

Эта агитация, видимо, имела успех в первую очередь среди враждебной и колеблющейся части старшин, что отмечено в том же доношении Тевкелева, который пишет: «многие кайсацкие старшины на возмутительные слова посланцев обратились».

Характерно, что хан в образовании двух враждебных партий видел прежде всего непосредственное воздействие агитации калмыцких тайшей, о чем он писал в одном из своих писем к императрице в 1733 году: «Народ наш подобно диким зверям, и к тому же калмыцкой владелец Лобжа их, касаков, весьма возмущал. И для того оной киргис касацкой народ на 2 партии разделились. А я, нижайший раб, с своею партией от них отделился».[2] Калмыцкие тайши намеревались совершать набеги на русские пограничные города в районе Волги. Для осуществления этих замыслов Дорджа Назаров пытался завербовать в свое войско казахов и каракалпаков.[3]

Однако предложение Дорджи Назарова хану — соединиться с ним для похода на русские города вызвало категорический отказ последнего. Хан поспешил заверить Тевкелева в своих верноподданических чувствах и выразил желание отправить своих послов к императрице с письмами калмыцких тайшей, в которых раскрывались их намерения.

Между тем Дорджа Назаров не оставил и позднее своих стремлений использовать помощь казахского войска. По словам Тевкелева, присланный Дорджи Баюк «многими непотребными словами их (казахов — Н. А.) возмущал, чтобы они не шли в подданство российское, и многим противным старшинам обещал подарки». Агитация Баюка, видимо, имела успех среди старшин враждебной партии. «Киргис кайсацкие противные старшины, — пишет Тевкелев, — все возмутились и с оными калмыцкими посланцами соединились и стали возмущать всю Киргис кайсацкую орду, и востали на Абулхаир хана и на Букенбая батыря и на Есет батыря и на протчих доброжелательных старшин. И Абулхаир хан от страху не знал, что делать. И объявили ему, Абулхаир хану, противные

[1] «Красный Архив», 1936, № 5 (78), стр. 206—208.
[2] ЦГАДА. «Киргиз-кайсацкие дела», 1733, д. 1, лл. 138—139.
[3] ЦГАДА «Киргиз-кайсацкие дела», 1732, д. 1, л. 243. Доношение казанского губ-ра П. Мусина-Пушкина 14 декабря 1732 года.

кайсаки: ежели он, Абулхаир хан, упустит Тевкелева, то его убьют до смерти».[1]

Но эта агитация не имела никакого успеха среди старшин ханской партии. Букенбай, Есет и их сторонники, являясь противниками агрессивных действий против России, не присоединились к «возмутителям», убеждая старшин, «чтобы они калмыцких владельцев не слушали и с ними не соединялись». Однако им не удалось пресечь еще более усилившейся после этого агрессии враждебных старшин. Последие, как отмечает Тевкелев, начали собирать войско в Младшем и Среднем жузах в количестве 20 тыс. человек. Это войско, соединившись с Лобжей, должно было «воевать тех, кто ему (Лобже — Н. А.) будет неприятель». Есет и Букенбай также не могли противодействовать тому, что Тевкелев оказался под караулом своих врагов, лишенный всякой возможности писать кому-либо.

Калмыцкие тайши настойчиво продолжали действовать таким образом, чтобы окончательно дискредитировать Тевкелева в глазах хана. С этой целью, как сообщил об этом приехавший к Тевкелеву хан, был прислан к нему посланец от Лобжи с письмом, который стал убеждать хана, «чтобы он обманным и прелестным словам Тевкелева не верил». Тевкелев, выслушав хана, не замедлил ответить таким образом: «Плут, плутовские слова и говорит, понеже Российское государство содержитца не обманом, а обширною славою». Букенбай, с своей стороны, предложил посланцу, чтобы улусы Лобжи немедленно откочевали за Яик, угрожая в противном случае разорять их. Не удалось «возмутителю» смутить Букенбая и после того, как он сообщил ему, якобы, племянник Букенбая казнен в Москве.

Судя по тому, что улусы Лобжи в районе Эмбы подвергались в это время крупным набегам казахов, во время которых они отогнали около 3 тыс. лошадей,[2] можно думать, что этот представитель калмыцких тайшей был ненавистен и широким народным массам казахов, особенно в тех районах, где решался насущный жизненный вопрос о кочевьях и где улусы этого тайши были серьезным препятствием к продвижению на запад, к пастбищам в районе Урала и Волги.

Но агитация калмыцких «возмутителей» достигла и других результатов. Первого ноября Тевкелев получил известие от присланного к нему уфимским воеводой Кошелевым башкира Коума Годарова об ограблении казахами в урочище Барсуках приехавших с ним для торговли башкир. Во время грабежа каравана вожаков его хотели убить, но подоспевшие к ним на помощь старшины из ханской партии

[1] «Журнал» Тевкелева, л. 109.
[2] Там же, л. 111.

освободили их от грабителей. Хан, получив от Тевкелева сообщение об ограблении башкирского каравана, жаловался Тевкелеву на то, что он «от таких пакостных дел их (казахов — Н. А.) унять не может. А дурная слава происходит на нево, Абулхаир хана», и обещал немедленно отправить Тевкелева в Россию. Кроме того, хан просил донести императрице о том, что «он знает гору золотую, где... без дальнего затруднения золото достать можно» и укажет ее местонахождение, когда будет в безопасности от врагов своих.

Этим Абулхаир хотел доказать свою непричастность к совершившемуся факту нарушения подданства и еще раз заверить Тевкелева в своих доброжелательных намерениях в отношении России. К сожалению, в записи Тевкелева об этом факте остается много неясного. Если учесть, что во владениях Среднего жуза «возмутители» достаточно подготовили почву для усиления враждебного отношения к России и ее подданным, то можно допустить, что самый факт ограбления башкирского каравана не обошелся без участия некоторых главарей враждебной партии. Известно, что Батыру удалось привлечь на свою сторону старшин Среднего жуза, возмущенных нападениями на их аулы башкир, ставших российскими подданными. Этот момент был использован и калмыцкими «возмутителями», которые старались посеять межплеменную рознь и сделать Средний жуз очагом враждебных выступлений против Абулхаира и подданства России.

Показательна «ведомость» количества пленных и отогнанных лошадей во время нападений на русские пограничные слободы с начала февраля 1729 года по 18 апреля 1732 года. Она подтверждает, что эти нападения совершались, главным образом, на северо-восточной границе в Ялуторовском и Ишимском районах, а также в районе Тары, Семипалатинской, Усть-Каменогорской и Ямышевской крепостей. В некоторых набегах активная роль принадлежала калмыцким тайшам, как например, в районе Семипалатинской крепости. В записи от 29 мая 1729 года значится: «отогнали лошадей казенных 45». В том же году 10 марта из-под Усть-Каменогорской крепости были угнаны лошади у «промышленных людей», а под Ямышевой крепостью были убиты «служилые люди»[1] и пр.

Более ярко содержание агитации против подданства России выступает в сообщении башкира Кочаша Рахманкулова.

Кочаш рассказал Тевкелеву о распространении слухов неизвестным казахом, который повсюду говорил о том, что Тевкелев прислан для того, «чтобы разведать, как можно российским войскам всю орду разорить». Кроме того, «возму-

[1] ЦГАДА. «Киргиз-кайсацкие дела», 1732, д. 3, лл. 15—18.

титель» убеждал, что Тевкелева и хана надо убить, а людей Тевкелева «разобрать по рукам и продать в дальние места». В случае же, если Тевкелев уедет в Россию, «всей Киргис кайсацкой орде надлежит бежать за рубеж и за Бадахшан», так как ближе этих мест казахи не найдут себе безопасных кочевий. «Возмутитель» призвал убить хана, убеждая не слушать Букенбая и не присягать на подданство России. Кочаш сообщил также, что «интриган» многих казахских старшин «привел в свою партию».[1]

Тевкелев, выслушав Кочаша, не замедлил встретиться с ханом и Букенбаем, которые тотчас же приехали к нему, чтобы противодействовать этой агитации. Последний отправил посланца к старшинам ханской партии с наказом, этого «возмутителя» не слушать. Этот «возмутитель» был проводником враждебной агитации, исходившей из Хивинского владения. Призывая убить Тевкелева и не слушать Букенбая, он убеждал не принимать российское подданство на том основании, что «в Хиве князя Бековича убили, и за то Россия, что могла над Хивою учинить?».

Повидимому, он говорил и действовал по указу хивинских старшин, которые в связи с обострением взаимоотношений с Младшим жузом намерены были поставить его кочевья под угрозу Джунгарии.

Враждебная позиция Дорджи Назарова и Лобжи в отношении России была непосредственным следствием измены Дорджи. Отложившись от российского подданства, он стал врагом тех тайшей, которые во главе с наместником Калмыцкого ханства Черендондуком хотели быть верными России.

По случаю измены Дорджи указано было яицким казакам его за реку Яик не пропускать.[2] Последнее усилило враждебное отношение Дорджи к России и к тем, кто намеревался связать себя с нею узами мира.

Изменение политической ориентации Дорджи Назарова и Лобжи связано также с феодальной борьбой среди калмыцких тайшей. «Калмыцкие дела» дают богатый материал, показывающий, что это было соперничество за обладание пастбищами и кочевьями.

Наряду с изменой Дорджи Назарова и его сообщников «Журнал» Тевкелева отмечает и другую линию взаимоотношений калмыцких тайшей с Россией. Это предложение мира Абулхаиру Черендондуком, получившим от царского правительства утверждение в своем ханском достинстве.[3] Так

---

[1] «Журнал» Тевкелева, л. 70.
[2] Там же, л. 106.
[3] Там же, л. 115.

Черендондук хотел укрепить свои связи с ханом, ориентация которого на Россию была достаточно определенной. Черендондук пытался также ослабить воздействие агитации Дорджи против России в казахских жузах.

Еще в конце ноября 1731 года прибывший в Средний жуз посол Черендондука заявил хану Семеке, что он прислан к нему для переговоров о мире и об обмене пленными. Кроме того, посол одобрил поведение тех, которые приняли российское подданство. Неизвестно, как послу удалось воздействовать на противников России. Надо полагать, однако, что верноподданство Черендондука могло укрепить позицию ханской партии и сделать более активным противодействие агитации калмыцких тайшей, отколовшихся от Черендондука.

Попытаемся ссуммировать аргументы против подданства, определившиеся во время пребывания Тевкелева в Младшем жузе.

Самые серьезные из них, как мы видели, исходили из лагеря калмыцких тайшей и хивинских «возмутителей». Наиболее определенно выступают они в агитации того неизвестного «возмутителя», который старался внушить казахам, что им угрожает военное наступление России.

Другим аргументом против подданства был так называемый «обман» Тевкелева, в чем были уверены «противные старшины» и в чем поддерживали их калмыцкие «возмутители». Агитация последних укрепила то подозрительное отношение к Тевкелеву, кторое определилось с самого начала его прибытия в ханскую ставку. Подозревая в Тевкелеве царского шпиона, многие старшины были уверены, что царский посол больше всего интересуется обеспечением в дальнейшем успеха военного наступления.

Острота оппозиции была усилена двумя моментами: 1) уверенностью значительной части старшин в том, что хан решил принять подданство без их согласия и 2) появлением в ханской ставке Тевкелева. Показательно то, что в подробном описании собрания старшин, состоявшегося 10-го октября 1731 года, не сказано, что на этом собрании были выступления против самого подданства. Обвинение хана в нарушении исконного обычая говорит о том, как устойчивы были пережитки патриархально-родового быта в политических тенденциях представителей родовой знати и как не хотели расстаться они со своей политической ролью. Отсюда обострение конфликта Абулхаира с бийством.

Обвиняя хана в нарушении исконного обычая, старшины напомнили ему, что «ханы без совета старшин ничего не повинны чинить». Преступление Абулхаира в глазах раздраженных старшин заключалось и в том, что он отступил от традиции, укрепившейся в правление Тауке.

Таким образом, вопрос о принятии российского подданства сделался острой злобой дня, особенно с того времени, когда в ханскую ставку прибыл Тевкелев.

Враждебные хану феодально-родовые группировки пытались использовать вопрос о подданстве в своей борьбе против хана. Султаны и старшины «противной партии» отстаивали свои классовые интересы, не рассчитывая улучшить своё положение с переходом в подданство России и не желая расстаться с своей политической ролью, которую приобрели они с усилением феодальной раздробленности.

Как уже отмечалось выше, самая резкая оппозиция исходила от старшин «мелкой статьи», которые считали, что принятие подданства усиливает позицию Абулхаира и его сторонников и ослабляет их влияние.

У каждой партии были свои преимущества и свои слабые стороны. Батыр, ставший центром султанской группировки, был крупным владельцем рода Шекты, располагая обширными кочевьями в районе Сыр-Дарьи. Он был силен и своей генеалогией, связями с султанами Среднего жуза, среди которых был и Барак, будущий убийца Абулхаира, и Абулмамбет, с его определившимся в дальнейшем враждебным отношением к России. Батыр в своих династических притязаниях мог располагать значительным количеством войска из подвластных ему.

Слабым местом Батыра были его неустойчивые связи с старшинами. Судя по тому, как многие из «противных» оказались в рядах ханской партии, согласившись принять подданство, можно думать, что влияние Батыра было не так значительно.

Очевидно, и в сознании противников подданства были основания тяготения к нему. Это были заманчивые перспективы освоить удобные кочевья и наладить торг у Яика. Были расчеты и на новые источники доходов.

Активность враждебной партии была в значительной степени усилена появлением в Младшем жузе Тевкелева. Это обстоятельство вызвало нападения на обозы Тевкелева и ряд выступлений старшин на собраниях, где они требовали расправы с царским послом.

Что представлял собой ближайший круг людей Абулхаира, составивший ядро ханской партии?

В «Журнале» Тевкелева наряду с «противными старшинами» фигурируют «лучшие люди», «знатные люди», «люди доброго состояния». Так назывались те, которые составляли ближайший круг хана. Это были батыр Букенбай и его родственники — батыр Есет и Худай-Назар-мурза. Несколько позднее, к началу 40-х годов начинает играть крупную роль и батыр Джаныбек. Таким образом, основным ядром ханской партии являлась батырская группа немногочисленная

по своему составу, но прочно связанная с ханом. Наиболее видной фигурой в ней в 30-х годах стал Букенбай, несколько позднее — Джаныбек.

В источниках нет прямых указаний о том, как сложились ранние связи Абулхаира с батырами. Видимо, для Букенбая и его круга генеалогия Абулхаира, как представителя Осека, не имела решающего значения. Букенбай считал Абулхаира старшим ханом и определенно говорил об этом царскому послу. Букенбая с ханом связывали общие интересы борьбы с Джунгарией в 20-х годах XVIII века. Позднее, в борьбе с волжскими калмыками Абулхаир снова выступает в окружении Букенбая, Есета и других батыров. Эти связи окрепли в 30-х годах, когда определились непримиримые отношения Абулхаира с Батыром и с широким кругом старшин.

Здесь мы позволим себе остановиться на вопросе о том, какую роль сыграли связи Абулхаира с батырами во взаимоотношениях с Россией и в принятии подданства.

Букенбай и Джаныбек были батырами Среднего жуза, причем Букенбай был представителем рода Керей, а Джаныбек — рода Аргын. Тевкелев называет Букенбая внучатым братом Абулхаира. Таким образом, Букенбай был родственно связан не только с Есетом и Худай-Назар-мурзой, но и с самим ханом, что является важным моментом, определяющим солидарность группы хана в противодействии «противной партии».

Букенбай сумел занять положение «не ниже хана». При шатком положении ханской власти ему неоднократно представлялись случаи использовать свое положение и показать себя сильнее хана. Авторитетный голос Букенбая выступает там, где нужно разрядить атмосферу вражды, которая накалилась вокруг хана и царского посла. Очень показательно в этом отношении собрание старшин, состоявшееся 10 октября 1731 года, где Букенбай открыто заявил старшинам о своем желании принять российское подданство. Это выступление Букенбая имело положительные результаты. На том же собрании присягнули на подданство России хан и ближайшие сторонники Букенбая.[1]

Будучи советчиком Абулхаира и Тевкелева во всех трудных обстоятельствах, Букенбай в то же время не хотел оказывать давления на хана, заявив, что «ежели Абулхаир хан захочет ехать к противным кайсакам, он его не унимает», допуская, таким образом, возможность отклонения хана в сторону «противной партии». Это заявление продиктовано осторожностью дальновидного советчика хана, сумевшего учесть трудности его положения и показать царскому послу свою выдержку.

[1] «Журнал» Тевкелева, л. 25.

Заслуживает внимания тактика Букенбая в его взаимоотношениях с враждебными старшинами и роль его в противодействии агитации калмыцких тайшей.

И хан и Букенбай хорошо понимали, что задаривание старшин — одно из самых верных средств воздействия на них. Рассказывая о своем пребывании в Младшем жузе, Тевкелев сообщает о том, что хан и Букенбай, приехав к нему, советовали, чтобы он «знатных старшин удовольствовал подарками». Некоторые старшины проявили в этом отношении особенную настойчивость, не подавая Тевкелеву никакой надежды на то, что они намерены принять подданство.

Букенбай, отказавшись от подарков Тевкелева, показал себя более дальновидным, заверив, таким образом, царского посла в бескорыстности своих намерений. Кроме того, Букенбай полагал, что уговоры старшин могут привести к положительным результатам, о чем он неоднократно говорил Тевкелеву. Эта линия поведения Букенбая вполне совпадала с той, которой держался и Тевкелев.

Букенбай, однако, допускал и другие меры воздействия на старшин. «А ежели добрым порядком привести невозможно, то можно с ними поступать иначе». В другой раз он заверял Тевкелева в том, что если казахи нарушат подданство, то он, Букенбай и батыр Есет, обещают «Киргиз кайсацкую орду в подданство российское в два года привести саблею».[1] Букенбай подчеркнул на этот раз свои реальные возможности, сообщив Тевкелеву, что «владения у них, Букенбай батыря с братом и с зятем ево, будет 7000 кибиток».

Букенбай считал невозможным изменить свою позицию и заверил Тевкелева, что если будут нарушения подданства, тогда «он, Букенбай батырь, и зять ево Есет батырь и брат ево Худай-Назар-мурза от них, киргис кайсаков, отстанут и желают быть под рукою ея и. в.»[2]

В другой раз он высказался еще более решительно: «Ежели киргис касайки по присяге верны не будут, то он от них отстанет и будет жить под рукою ея и. в.»[3]

Такая позиция Букенбая продиктована не только намерением его выиграть в глазах царского посла, но и реальным расчетом присягой на подданство осуществить свое желание кочевать по Яику.

Кроме того, Букенбай и Джаныбек были заинтересованы в торговле на Яике и вели там позднее свою меновую тор-

---

[1] «Журнал» Тевкелева, л. 54.

[2] «Красный архив», 1936, № 5 (78), стр. 202. Доношение Тевкелева 5 янв. 1732 года.

[3] «Журнал» Тевкелева, л. 54.

говлю. Это были конкретные хозяйственные расчеты ядра ханской партии.

Букенбай жаловался Тевкелеву, что он «от непостоянного киргис кайсацкого житья себе имеет великое беспокойство, понеже при всяких военных случаях, в первых огнях и выездах бывает он, Букенбай». При этом он имел в виду не только реальную опасность для своей жизни. Букенбай не хотел беспокойства от «воровских» набегов, возможность которых была не исключена и после его присяги на подданство.

Следует отметить еще один существенный момент во взаимоотношениях Букенбая с враждебной партией. Уже в первые месяцы посольства Тевкелева Букенбай настойчиво советовал ему привести к присяге Батыра, который, по его мнению, не был склонен принимать российское подданство. Но Букенбай был уверен в том, что «без владельцов с одним подлым народом от противной партии управлятца трудно».[1]

Возможно, что в такой формулировке отношения к народу есть значительная доля как самого Тевкелева, так и обычной терминологии документов, исходивших из рук представителей царской администрации. Но по существу Букенбай стоял на той же позиции, как один из крупнейших феодалов, когда сетовал Тевкелеву на «непостоянных киргис кайсаков» и серьезно беспокоился о том, будет ли он охранен от их нападений. Не рассчитывая на верноподданство Батыра, Букенбай полагал, что можно ослабить его связи с враждебной партией. Это было особенно важно, так как Букенбай, несомненно, учитывал его роль как представителя той феодальной линии, которая имела основания претендовать на политическое господство.

Букенбай знал также о том, какие неприятные осложнения возникают от постороннего вмешательства так называемых возмутителей. В противодействие им и их агитации Букенбай, как мы видели, сыграл активную роль, неоднократно предпринимая меры к тому, чтобы подорвать всякое доверие к ним, а также пресечь их попытки возмущать народные массы.

Роль Букенбая и хана в противодействии агитации калмыцким владельцам получила положительную оценку в материалах Тевкелева, который отметил, что «многия касацкая старшина на возмутительные слова калмыцких посланцев обратилися было, однако, трудами Абулхаир хана и Букенбай батыря вся орда утишилася и до такой злой причины не допустили».[2]

---

[1] «Журнал» Тевкелева, л. 42.

[2] «Красный архив», 1936, № 5 (78), стр. 208. Доношение Тевкелева 20 июня 1732 года.

В связи с этим заслуживают внимания и некоторые стороны взаимоотношений Букенбая с Тевкелевым. Уже после первой встречи у Букенбая установилась постоянная и прочная связь с послом, прерываемая лишь временными отъездами Букенбая. Но он считал нужным по вызову Тевкелева или хана всякий раз являться к нему и в трудных обстоятельствах давал свои советы. В тех случаях, когда требовалась активная защита самого Тевкелева, Букенбай выступал смело и решительно. Когда жизни Тевкелева угрожала непосредственная опасность, Букенбай поспешил послать ему на выручку Худай-Назар-мурзу, который должен был своевременно предупредить Тевкелева.

Оценивая роль Букенбая, Тевкелев заявляет: «Токмо спаслись (Тевкелев и хан — Н. А.) охранением Букенбай батыря» [1]

Но прежде чем установились взаимоотношения Букенбая с Тевкелевым, были такие моменты, когда Букенбай должен был доказывать на деле еще сомневающемуся в нем Тевкелеву свое доброжелательное отношение к России.

Усумнившись однажды в намерении Букенбая быть на предстоящем собрании старшин, где он обещал послу свою активную помощь, Тевкелев потребовал, чтобы Букенбай в знак своей верности учинил присягу на подданство тайно, в присутствии Тевкелева. Букенбай не замедлил выполнить и это требование.

Поэтому, оценивая роль Букенбая, Тевкелев отметил: «Киргис-кайсацкая орда склонилась в подданство российское через доброжелательное старание ево, Букенбай батыря». Но в этой оценке не следует забывать того, что Тевкелев как посол, стоявший на страже интересов империи, держался твердо основной линии царской политики во взаимоотношениях с феодальной верхушкой. Это было стремление найти опору в лице самых знатных и влиятельных представителей ее, ставших сильнее хана. Тевкелев рассчитывал на влияние и авторитет прежде всего батырской группы. Поэтому Букенбай оказался в газах Тевкелева самым надежным орудием в реализации задач его посольства. Но это не значит, что линия Букенбая и его круга разрешила всю проблему подданства, которая была гораздо сложнее, когда этот вопрос вставал в широких народных массах.

Букенбай в своих взаимоотношениях с враждебной партией действовал вместе со своими родственниками, батыром Есетом и Худай-Назар-мурзой, роль которых также довольно значительна. По данным Тевкелева, этим представителям родовой знати вместе с Букенбаем были подвластны

---

[1] «Красный архив», 1936, 5 (78). Доношение Тевкелева 5 янв. 1732 года.

7000 кибиток,[1] т. е. примерно 1/6 часть владений Младшего жуза. Есет, возглавлявший одно из поколений Младшего жуза, Жегы-руу, по сведениям Урусова, был владельцем 4000 кибиток. О батыре Есете, получившем тарханство, русские источники в 40-х годах писали: «Меньшей орды славный и единственно в своем владении семь родов имеющий старшина».

С Букенбаем зять его Есет был связан не только родственными отношениями. Есет был участником одного из крупных столкновений с волжскими калмыками в начале 30-х годов, во время которого он вместе с Букенбаем был взят в качестве аманата калмыцкими тайшами при замирении их с Абулхаиром и Семеке.[2]

Башкиры из конвоя Тевкелева посоветовали ему обратиться за помощью к Есету, как представителю влиятельных старшин, от которого «Тевкелеву польза будет». Рассчитывая на влияние Есета, Букенбай поручает ему охранять Тевкелева, и Есет располагается неподалеку от стоянки посла.

В дальнейшем при выполнении поручений Тевкелева имя Есета неоднократно фигурирует вместе с именами Букенбая и Худай-Назар-мурзы. По просьбе посла, Букенбай вместе с Есетом и Худай-Назар-мурзой отправляется в каракалпакские владения для освобождения задержанных там башкир, которых Тевкелев, по их настойчивой просьбе, решил отправить на родину. Есет присутствует при встречах Букенбая с ханом, когда последнему требуется совет или активная помощь во взаимоотношениях с враждебной партией. Есет участвует и в переговорах с калмыцкими тайшами. По словам Тевкелева, Есет был одним из тех старшин, «которые и слышать не хотят того, чтобы Батыра вместо него избрать в ханы».

Другим помощником Букенбая был брат его Худай-Назар-мурза. Он выполнял поручения Тевкелева в сношениях с ханом Среднего жуза Семеке. Он отправляется в каракалпакские владения, чтобы заставить Каипа отпустить башкир, задержанных в его владениях. Ему удалось склонить в подданство 30 старшин и привести их к Тевкелеву.

В числе помощников Букенбая выступает и батыр Тюлебай, улусы которого располагались во владениях Среднего жуза. Тюлебай использовался Букенбаем для охраны конвоя Тевкелева.

В архивных источниках упоминаются и другие имена из круга ханской партии. Среди них, например, Таймас Шаимов,

---

[1] «Красный архив», 1936, № 5 (78), стр. 202. Доношение Тевкелева 5 янв. 1732 года.

[2] ЦГАДА. «Киргиз-кайсацкие дела», 1630—1736 гг., д. 1 «Описание калмыцких народов» Бакунина, л. 36.

о котором Тевкелев говорит, что он «у башкирцов человек знатный и у них в великом кредите».[1] Таймас был в дружбе с Букенбаем, очевидно, с того времени, как он в качестве посла был отправлен башкирами в казахские владения. Оказавшись в конвое Тевкелева, Таймас посоветовал ему обратиться за помощью к Букенбаю, как к одному из сильных людей, на которого можно положиться в трудные моменты. Букенбай в свою очередь был заинтересован в возвращении Таймаса, когда последний попал в плен во время одного из нападений на обозы Тевкелева.

Таймас, вместе с другим знатным башкиром Кидрясом, пользовался большим доверием у хана. Он выполняет различные поручения хана в его конспиративных сношениях с Тевкелевым уже в первые месяцы пребывания посла в ханской ставке.[2] Таймас защищал Тевкелева от резких выпадов раздраженных старшин. Особенно сильное раздражение вызвало заявление Таймаса о том, что Тевкелева нужно отпустить в Россию.

Следует отметить, что башкирские старшины не случайно участвуют в конвое Тевкелева. Они нужны были ему в остром башкирском вопросе, встающем всякий раз, когда возникали новые факты межплеменных столкновений.

Некоторые батыры (Машкар, Моинак) используются Тевкелевым и ханом в качестве шпионов, которым поручается разведать о настроениях «противной партии».

Ханская партия была значительно шире той узкой группы, которую составляли Букенбай и его родственники. Среди старшин ее — целый ряд имен батыров Младшего и Среднего жузов: Баямбет, Балтабек, Алчак, Чакчак и др. Позднее среди старшин ханской партии крупную роль начинает играть батыр Джаныбек, получивший с принятием подданства звание первого тархана. Этот круг ханской партии расширялся по мере того, как присягали на подданство другие старшины.

Главную роль в принятии российского подданства сыграла небольшая, но стойкая батырская группа во главе с Букенбаем, составлявшая ядро ханской партии. Букенбаю, как постоянному советчику Абулхаира, вероятно, были известны более чем кому-либо его намерения в отношении России.

Судя по тому, как активно проявил себя Букенбай в осуществлении подданства, можно предположить, что

---

[1] «Красный архив», 1936, № 5 (78). Доношение Тевкелева 5 янв. 1732 года. Таймасу Шаимову, управлявшему Каратабынско-Баратынской волостью, был поручен сбор ясака с принявших подданство башкир. Позднее за верную службу Таймас был пожалован в тарханы. (П. Рычков. История Оренбургская. Оренбург. 1896, стр. 6).

[2] «Журнал» Тевкелева, л. 12.

у Абулхаира была договоренность с ним по этому вопросу при отправлении посольства в Россию в 1730 году. Батыры могли рассчитывать на свой авторитет в старшинской среде и на силу внеэкономического воздействия на своих подвластных. Кроме того, они могли надеяться на поддержку царского правительства, которое видело в них крепкую опору в реализации своих планов освоения казахских степей.

В ближайшем окружении хана были также султаны — его сыновья, которые выполняли различные дипломатические поручения: Нуралы — во взаимоотношениях с Хивинским владением, Эралы и Коз-Ахмет использовались в качестве аманатов после принятия российского подданства.

В числе сторонников Абулхаира были и другие имена. Сообщая о враждебных действиях против России хана Абулмамбета и примыкающих к нему султанов, Абулхаир писал имп. Елизавете в 1742 году:[1] «Сами мы, Абулхаир хан, Нуралы хан, Эралы султан, Айчувак султан, Адил султан, Жеткуз султан, старший наш брат Нияз султан[2] и сыновья: Карабас султан, Дур Мухамбет султан и Орус султан пребываем всегда на стороне государыни».

Мы позволим себе привести здесь некоторые поздние факты, характеризующие взаимоотношения султанов-сыновей Абулхаира с враждебной султанской группировкой и с Россией.

Источники говорят о враждебных отношениях Нуралы с султаном Батыром. «Батырь салтан, отец Хаиб хана (хана Каипа — Н. А.) хивинского, который в Меньшой орде особливые свои улусы имеет и с Абулхаиром ханом, так и с Нуралы ханом почти всегда был в несогласии».[2] В отношениях Батыра и Нуралы ярко сказывается стремление Батыра отстранить от ханства Нуралы. Несмотря на состоявшиеся выборы Нуралы в ханы, Батыр упорно добивался своего избрания, рассчитывая, видимо, на поддержку тех, которые не участвовали в избрании Нуралы. Сделавшись ханом, Нуралы проявил себя преданным вассалом царского правительства, активно участвуя в подавлении башкирского восстания в 1755 году и в разгроме бежавших из России в 1771 году

---

[1] ЦГАДА., «Киргиз-кайсацкие дела», 1742, д. 4, л. 15.

Султан Нияз, двоюродный брат Абулхаира был использован Тевкелевым в качестве разведчика. Архивные материалы называют и других султанов. Некоторые из них выполнили дипломатические поручения после принятия подданства (племянник хана султан Клыч Мухаммед был отправлен в 1736 году в качестве посла к царскому двору), другие участвовали в военных походах Абулхаира (с султаном Ишимом Абулхаир совершил поход на улусы калмыцких тайшей в 1746 году). Но сообщения об этих султанах лаконичны и не дают представления о том, какую роль сыграли они в принятии российского подданства.

[2] П. Рычков. История Оренбургская. СПб. 1896, стр. 92.

волжских калмыков. Но уже в 80-х годах Нуралы своими злоупотреблениями и «обидами» старшин, с которыми он не хотел делиться доходами, вызывает нарекания их[1] и недовольство царской администрации.[2] О. Игельстром, упрекая Нуралы в слабости, обвинял его в том, что он допустил волнения в жузах.[3] Таковы краткие сведения об одном из представителей ханской партии, оказавшемся соперником Батыра в борьбе за власть.

Второй сын Абулхаира султан Эралы был одним из влиятельных султанов, которого хан обещал отправить в качестве посла к царскому двору. В докладной записке Гладышева имеется краткое сообщение о том, что в 1740 году Эралы, уехав тайно из Оренбурга, без воли отца своего, приехал в Средний жуз, где состоялось его избрание в ханы.[4] Это сообщение подчеркивает, с одной стороны, непрочность связей Эралы и Абулхаира, а с другой, неустойчивость Эралы по отношению к России. Об этом говорят и другие более поздние данные о действиях Эралы. В 80-х годах Эралы возглавлял движение против России в связи со ссылкой хана Нуралы в Уфу и задержкой султана Айчувака в Уральске.[5]

Третий сын Абулхаира — султан Коз-Ахмет был послан им в 1738 году в аманаты в Россию, причем Абулхаир писал государственному канцлеру А. Остерману: «А за киргис-кайсаков я ручаюся, что в потребных случаях служить готовы, и всегда ко двору вашего величества людей своих посылать буду».[6] Реестр жалованных и покупных товаров у содержавшегося в аманатах султана Коз-Ахмета показывает, как царское правительство было заинтересовано в заложниках.

Позднее Абулхаир настойчиво добивался возврата своего сына, задержавшегося в аманатах. Серьезно обеспокоенный

---

[1] «Представление собрания старшин имп. Екатерине II о насилиях хана Нуралы и его братьев. — «Материалы по истории Казахской ССР», т. IV, Л. 1940, стр. 62—65.

[2] Игельстром указывает, что из 25 родов, управляемых ханом Нуралы, под «Представлением» об устранении его от ханства подписалось 20 родов. Несколько ранее под прошением старшин имп. Екатерина II о готовности повиноваться при условии устранения от ханства детей Абулхаира подписалось 22 рода. Среди них — сильные роды владения Нуралы и Эралы: алчинцы и байулинцы. Эти факты говорят о том, как велико было к этому времени движение против Нуралы, которого обвиняли в «обидах» и предательстве не только казахского народа, но и России.

[3] Там же, стр. 60—62. Письмо О. Игельстрома хану Нуралы, 12 марта 1785 года.

[4] ЦГАДА. «Киргиз-кайсацкие дела», 1742, д. 4, л. 10.

[5] «Материалы по истории Казахской ССР», т. IV, Л. 1940, стр. 480, прим. 4.

[6] ЦГАДА. «Киргиз-кайсацкие дела», 1739, д. 1, лл. 30—31.

судьбой Коз-Ахмета, о котором хан узнал, что он содержится в Казани «в неволе», Абулхаир в 1746 году писал ему: «Коли ж приезжающие посланцы тамо удерживаются, то сюда приезжающие, удерживаны будут». Султан Коз-Ахмет, видимо, не играл крупной политической роли в своих владениях по молодости лет своих и по причине того, что у него не было прочных связей с влиятельными родами. В силу этого он вряд ли мог активно проявить себя в борьбе с враждебной султанской группировкой.

Еще меньшую роль в этой борьбе мог сыграть четвертый сын Абулхаира — султан Айчувак, родившийся в 1720 году. При хане Нуралы он был владельцем слабых родов Семиреченского поколения: Табын, Тама и др.[1] По сведениям Нуралы, в эти годы его можно заподозрить в нападениях на русские слободы, поскольку в этих набегах участвовали казахи Табынского рода, кочевавшего в его владениях. Султан Айчувак, со своей стороны, писал табынцам о том, что хан Нуралы, «соединясь с русскими, скот ево, Айчуваков, да и самого ево захватить, а сына ево убить, да и весь его улус разрабить, неприятельствуя ему, Айчуваку, попустил И чтоб табынский народ с россиянами не сообщался, а откочевал бы вдаль».[2]

Таким образом, из более поздних данных следует, что султаны, сыновья Абулхаира, не были прочно связаны между собой ни единством политических интересов, ни хозяйственными связями, в силу чего обнаруживались их не только центробежные тенденции (выборы на ханство Эралы в Среднем жузе), но в дальнейшем и враждебные действия против России (Айчувак) и в отношениях между собой (Айчувак и Нуралы).

Причины этих явлений лежали, с одной стороны, в самом процессе феодализации, в ходе которого росли и усиливались центробежные стремления, а с другой — в тех осложнениях, которые выступали в положении каждого султана, когда он, приобретая власть, становился управителем родов, влиятельных или слабых, нередко враждующих между собой. В таком случае его положение, как владельца, осложнялось еще неизжитыми и очень устойчивыми отношениями, где доминировали старые родовые связи. Последние в значительной степени обусловливали его авторитет, как владельца, среди других подобных ему и в то же время были ближайшим поводом к раздорам.

---

[1] «Материалы по истории Казахской ССР», т. IV, Л. 1940, док. № 6. II, стр. 58.

[2] «Материалы по истории Казахской ССР», т. IV, док. № 2. стр. 47—49.

И если в 30-х годах сутаны — сыновья Абулхаира были более прочно связаны с ханом, то здесь, возможно, играло роль то обстоятельство, что эти годы были одним из острых периодов феодальной борьбы, когда оппозиция против хана выступала не только в спорах на старшинских собраниях, но и покушалась на жизнь его.

Ханская партия была более жизненной, а потому и более сильной, чем враждебная ей партия. Жизненным в ней было тяготение к России, которое хан и крепко спаянная с ним батырская группа намерены были закрепить принятием российского подданства.

В своем объяснении с Тевкелевым, который потребовал от хана ответа на вопрос о том: «Чего ради он (хан) один, без согласия других ханов и салтанов и знатных старшин то (принятие российского подданства — Н. А.) учинил — » Абулхаир заявил Тевкелеву: «Учинилась у нево, Абулхаир хана, война с хонтайшою многие годы, и не мог с ним управиться... И не довольствуяся тем, стали воевать с волскими (волжскими — Н. А.) калмыками и оральскими башкирцами и з Бухарами и с Хивою. И с четырех сторон стали ему, Абулхаир хану, все неприятели».[1]

Таковы были трудности внешнеполитической обстановки, которые Абулхаир намерен был разрешить под протекторатом Российской империи. Наиболее сложно попрежнему стоял вопрос борьбы с Джунгарией, угроза которой не миновала. Опасность эта была не так велика лишь для Младшего жуза, так как его кочевья значительно отошли от джунгарских владений. Более напряженным было положение во владениях Среднего жуза.

Но заинтересованность Абулхаира в протекторате России была вызвана не только трудностями внешнеполитической обстановки. Были определенные хозяйственные расчеты, которые побуждали хана искать укрепления отношений с Россией. Это перспективы освоения удобных кочевий в районе Урала и Волги и возможности расширения связей с ремесленными центрами посредством участия в караванной торговле.

Наконец, внутриполитическая обстановка в Младшем и Среднем жузах к началу 30-х годов сложилась таким образом, что она могла только укрепить намерения Абулхаира принять подданство Российской империи. Мы уже отметили выше, как сложились его взаимоотношения с Каипом и с султанами Среднего жуза. В условиях феодальной раздробленности, где власть старшего хана не распространялась даже на все владения Младшего жуза, Абулхаиру трудно было рассчитывать на то, чтобы он мог укрепить свои взаимоотноше-

---

[1] «Красный Архив», 1936, № 5 (78), стр. 197. Доношение Тевкелева 5 янв. 1733 года.

ния с султанами и преодолеть тот разброд в султанской среде, который имел пагубные последствия в борьбе с Джунгарией. Тевкелев, как видно из его «Журнала», понял таким образом намерения хана: «А он, Абулхаир хан, человек достаточного ума и не без лукавства человек, хотя (желая — Н. А.) оную Орду в наибольшую власть свою взять, просил и протекции ея и. в., чрез которую намерен был в той Киргис кайсацкой орде себя одного ханом учинить и по себе наследников рода своего на оном ханстве учинить».[1]

Таким образом, тяготение Абулхаира к России определялось теми задачами, которые выдвинуты были исторической обстановкой. Это были хозяйственные расчеты, задачи борьбы с врагом и укрепления ханской власти. Абулхаир намерен был упрочить свою власть путем приведения в подданство и Среднего жуза. Для этого нужно было покончить с притязаниями Батыра на ханство и укрепить политические связи с жузами.

Следует отметить также некоторые моменты дипломатической деятельности Абулхаира, из которых видно, каким путем осуществлял хан свои хозяйственно-политические задачи в отношении России.

Некоторыми исследователями подчеркнуты изворотливость и димпломатическое искусство Абулхаира.[2] Послы, отправленные Абулхаиром к царскому двору в 1730 году, по наказу хана заявили о желании всех ханов и султанов принять подданство. А когда Тевкелев, услышав на собрании старшин обвинение, предъявленное хану, упрекнул его в обмане, последний в оправдание свое поспешил сказать, что «ежели его посланцы объявили бы в Москве токмо об одном Абулхаир хане, а о другом не объявили бы, то б может быть ея и. в. тебя (Тевкелева — Н. А.) отправить на соизволила».[3]

Мы уже видели, как сложились отношения Абулхаира с Тевкелевым. Абулхаир подвергал себя большой опасности со стороны враждебных старшин, поддерживая связи с царским послом.

В одном из своих разговоров с Тевкелевым Букенбай отметил неустойчивость хана, допуская возможность его отклонения в сторону «противной партии». Но это предположение Букенбая, видимо, не имело оснований. Тяготение Абулхаира к протекторату России было достаточно определенным. Абулхаир не хотел участвовать в агрессивных действиях калмыцких тайшей против России.

Серьезным противодействием Дордже был категорический

---

[1] «Красный Архив», 1936, № 5 (78). Доношение Тевкелева 5 янв. 1732 года.

[2] А. Добросмыслов. Тургайская область. Тверь 1902.

[3] «Журнал» Тевкелева, л. 15.

отказ Абулхаира в военной помощи для похода на русские города и для набегов на улусы не изменившего подданству России Черендондука. По сведениям начальника Оренбургской экспедиции Кириллова, Абулхаир отправил войско на улусы Дорджи, расположенные в районе Урала и Эмбы.

Кириллов, оценивая роль Абулхаира во взаимоотношениях с нарушителями подданства, поставил в заслуги хану тот факт, что он своевременно предупредил об опасности, грозившей башкирам Уфимского уезда, когда нарушивший подданство хан Среднего жуза Семеке с 10-тысячным войском собрался совершить нападение на Уфимский уезд. В поход против Семеке был отправлен Таймас, который успешно справился со своей задачей.[1]

Как показывают источники, Абулхаир в дальнейшем неоднократно нарушал условия подданства,[2] в силу чего потребовалась вторичная присяга хана. Однако во время посольства Тевкелева Абулхаир вместе с верной ему батырской группой стал опорой царского правительства в реализации подданства не только Младшего жуза, но и других владений. Царское правительство максимально использовало хана по линии укрепления и распространения подданства.

Одной из ближайших задач в реализации подданства было осуществление его в Среднем жузе, где ханская партия имела своих сторонников, где могло сказаться воздействие Букенбая. Букенбай проявлял активную заинтересованность в событиях Среднего жуза, отлучаясь по разным делам в свои улусы, отправляя своих послов в Средний жуз, активно участвуя в собраниях старшин. Это имело свои результаты. Тевкелев рассказывает о прибытии из Среднего жуза батыра Алчака с старшинами для принятия присяги на подданство. В конце августа 1732 года прибыли к Тевкелеву послы хана Семеке, которые просили Тевкелева приехать в Средний жуз для того, чтобы привести его в подданство.

25 декабря 1731 года Абулхаиром, Букенбаем и Тевкелевым были посланы в Средний жуз Худай-Назар-мурза и Таймас, которые должны были вручить подарки хану Семеке и вести переговоры о подданстве. Вернувшись от хана, посланцы рассказали Тевкелеву о приеме их и о результатах своих переговоров. Одним из любопытных моментов этого рассказа является объяснение Семеке, почему он сам не приехал в Млад-

[1] Там же, 1734, д. 4, лл. 6—7.

[2] В одном из своих писем к имп. Анне Иоанновне в 1734 году Абулхаир обращался с просьбой отпустить «вины» казахам, ограбившим русский купеческий караван, обещая: «Когда указ вашего и в. нам, Касацкой орде, будет итти на службу с российскими подданными, башкирцы и калмыками вместе, в то число, в повеленные места... пойдем». Там же, 1734 г., д. 8, лл. 1—2. Другие нарушения шли по линии взаимоотношений казахов с волжскими калмыками и башкирами.

ший жуз для свидания с Тевкелевым. Семеке заявил, что «он, хан, на нево гневу не имеет, понеже он, Тевкелев, к ним в Киргис кайсацкую орду приехал от такого славного империя посланником». И что «он хан, затем не приехал, что сердце имеет на Абулхаир хана, чего для он без согласия их, ханов, и старшин подданство принял». Семеке заявил также, что он «желает быть в подданстве российском не по совету Абулхаир хана, но сам своим желанием».[1]

Послы сообщили Тевкелеву о состоявшейся присяге хана и передали его письмо, в котором хан обещал платить ежегодный ясак — 2 тыс. лисиц и 1 тыс. корсаков, но отказался дать аманатов.

Судя по тому, что Батыр намерен был разрешить вопрос о подданстве с согласия Семеке, можно думать, что изменение ориентации последнего должно было оказать свое воздействие на настроения «противной партии» и ослабить ее влияние в Среднем жузе.

Таким образом была приведена в подданство часть Среднего жуза. Но оставалась другая часть его, подвластная султанам Бараку и Абулмамбету.

Несмотря, однако, на состоявшуюся присягу Семеке и Батыра, как показывают более поздние записи Тевкелева, во владения Среднего жуза 11 мая 1732 года прибыли послы с письмами от калмыцких тайшей Дорджи Назарова и Лобжи. Последние надеялись найти здесь благодарную почву для тех настроений, которые были направлены против России, поскольку во владениях Среднего жуза не было непосредственного влияния Тевкелева и постоянного воздействия авторитетного Букенбая, занятого разными поручениями Абулхаира и Тевкелева в Младшем жузе. Активное вмешательство Букенбая пресекло выступления «возмутителей».

Осуществление подданства Среднего жуза имело большое значение. Таким образом царское правительство намерено было расширить транзитные пути через казахские степи, продвинуть линию укреплений вглубь степи, упрочить подданство башкир и укрепиться на Сыр-Дарье. Не менее заинтересована была в подданстве Среднего жуза ханская партия и в первую очередь сам Абулхаир, который рассчитывал с присягой на подданство Семеке укрепить свою власть и ослабить влияние Батыра.

Абулхаир и Тевкелев,будучи в Аральском владении, подготовили почву для приведения в подданство и каракалпаков. 9 декабря 1731 года явилось посольство к Тевкелеву для перегоров о подданстве. Хан и шейх писали: «Понеже мы, каракалпацкой Гаиб хан (хан Каип — Н. А.) и главнейший духовной Мурад шейх уведомились, что киргис касац-

---

[1] «Журнал» Тевкелева, л. 56.

кие ханы и старшины приняли подданство всероссийское, также и мы желаем быть в поддастве ея. и. в.»[1] После переговоров с Тевкелевым послы согласились присягнуть на подданство, но без обязательства платить ясак. Кроме того, они отказались дать аманатов и возвратить русских пленных. Таким образом подданство каракалпаков было лишь формальным. Тевкелев согласился и на эти условия.

Абулхаир пытался привести в подданство и Хивинское владение, намереваясь таким образом урегулировать отношения с Хивой и упрочить торговые связи с среднеазиатскими рынками.

Не менее заинтересован был Абулхаир и в подданстве Аральского владения.

В одном из своих писем к хану в 1734 году Тевкелев напоминал ему: «А о аральском хане изволили писать через старшин ваших, что он своим народом желает быть в подданстве ея и. в.» Выражая свое удовлетворение по поводу намерения хана в отношении Аральского владения, Тевкелев обещал ему щедрые награды царского правительства и просил заверить аральского хана в том, что он будет принят в подданство.[2] А в своем «Журнале» Тевкелев писал о том, что 4 марта 1732 года вернулся посланный в Аральское владение каракалпакский старшина Оразак, который рассказал, что ему удалось склонить в подданство хана Шатемира.

С Аральским владением, где династические смуты в 30-х годах приводили к частой смене ханов, Абулхаир был связан по линии ханского дома. Здесь после смерти Ширгазы, убитого в 1728 году, хивинцы избрали в ханы двоюродного брата Абулхаира султана Мамая.

Нуралы было поручено выдать замуж за Аральского хана племянницу Абулхаира.

Этим браком Абулхаир рассчитывал закрепить связи с аральским ханом и завербовать его в свои союзники в войне

---

[1] Там же, л. 46.

[2] О большой заинтересованности Российской империи в подданстве каракалпаков говорят некоторые соображения, высказанные начальником Оренбургской экспедиции Кирилловым, политика которого отображает официальную точку зрения царского правительства в этом вопросе. Указывая на экономические выгоды этого подданства для России, Кириллов подчеркивает значение земледелия и ремесла в хозяйстве каракалпаков и возможность устройства пристани на Сыр-Дарье: «Родится у них (каракалпаков — Н. А.) довольно пшеницы, пшена, просы, ячмени, которой хлеб у них киргис кайсаки на бараны и другой скот меняют. Также обращаются в рукоделье и купечестве. А польза от них может быть такая, что живут они близь Аральского озера по реке Сырь, где пристани быть надлежит для российских купеческих караванов, кои имеют ходить от нового города до Бухар и до Водокшана (Бадахшана) и в Индию». Надо заметить, что царское правительство имело преувеличенное представление о богатствах Бадахшана, горной страны в верховьях Аму-Дарьи.

с Хивой. В письме к Тевкелеву в 1733 году Абулхаир сообщил, что принял подданство аральский хан Шатемир, и что с ним в дружеском согласии находится бухарский хан Абулфеиз.

Так распространялось подданство в казахских жузах и в других владениях.

Осуществляя подданство, Тевкелев явился проводником той политики царизма в отношении казахских степей, основы которой были сформулированы Петром и конкретизированы его преемниками.

В материалах Тевкелева отчетливо выступает его позиция, как посла, облеченного доверием царского правительства. Тевкелев требовал, чтобы хан и Букенбай не нарушали подданства, «понеже Российская империя в свете славное государство, яко непоколебимой столп». Отсюда и категорический ответ Тевкелева старшинам, отказавшимся принять подданство: «Российская империя от вас никакого опасения не имеет... А вам от подданных российских великая опасность— первое от калмык, второе — от башкирцов, третье — от яицких казаков, четвертое — от сибирских городов... И ежели вы не пожелаете быть в подданстве Всероссийской империи. и я с вами мирнова договору чинить не буду и такова бесславия Российской империи не принесу».[1]

П. Рычков, оценивая деятельность Тевкелева в Младшем жузе, говорит о том, что он «так добро против всех... угроз поступил и не опасаясь ничего, умел им (враждебным старшинам — Н. А.) говорить, что они и сами со страхом, а иногда со многим удивлением от него разъезжались и считали его за такого человека, который больше человеческого разум имеет».[2]

Преувеличенная оценка Тевкелева нашла свое отражение и в работах некоторых исследователей конца XIX века (Добросмыслов, Лобысевич и др.), результатом чего и явились некоторые фактические ошибки в истории посольства Тевкелева. Отсюда, например, не соответствующее данным первоисточников освещение обстановки собрания старшин 10 октября 1731 года и роли Тевкелева в нем. Утверждение Лобысевича,[3] что Тевкелев на этом собрании «добился у всех присутствующих присяги на подданство России», не соответствует рассказу самого Тевкелева. Разрядить атмосферу вражды удалось не Тевкелеву, а Букенбаю, который, выступив на этом собрании, сам присягал и склонил к присяге

---

[1] «Красный Архив», 1936, № 5 (78), стр. 200. Доношение Тевкелева 5 янв. 1732 года.

[2] П. Рычков. История Оренбургская. Оренбург. 1896. стр. 9.

[3] Ф. Лобысевич. Поступательное движение в Среднюю Азию. СПб. 1900, стр. 38.

на подданство хана, батыра Есета, Худай-Назар-мурзу и многих старшин.

Не подтверждается источниками и утверждение Добросмыслова о том, что на этом собрании присутствовал хан Семеке, который, якобы, вместе с Абулхаиром принял присягу. Как показывает «Журнал» Тевкелева, Семеке не явился в Младший жуз, будучи в обиде на Абулхаира. Подчеркивая красноречие Тевкелева и большой успех его, Добросмыслов говорит о том, что ему удалось вместе с Абулхаиром при помощи Букенбая склонить «съезд» на принятие казахским народом подданства России.[1] Собрание 10-го октября 1731 года, куда были вызваны Тевкелев и хан, было лишь широким собранием старшин, но отнюдь не объединенным съездом Младшего и Среднего жузов.

Подводя позднее итоги своей деятельности в Младшем жузе, вспоминая о «смертельных опасностях», о своем «голодном терпении» и «неустанных трудах», Тевкелев писал, что он, «не щадя живота, единственно желал отечеству своему верную услугу оказать, ведая их (казахов — Н. А.) обычай и нравы, к тому же все возможные способы употреблял, всю Орду склонил таким сщастливым успехом и в такое вечное подданство привел».[2] Надо заметить, что на этот раз Тевкелев значительно переоценил результаты своего посольства. Известно, что после принятия присяги Младшим жузом в 1731 году последовал целый ряд нарушений ее, вследствие чего потребовалась вторичная присяга Абулхаира в 1738 году. С другой стороны, в оценке своей деятельности Тевкелев совершенно отчетливо выявил свою точку зрения, которая определенно выступает и в политике царского правительства конца XVIII и начала XIX вв., когда «мирное завоевание» степи должно было осуществиться в форме «вечного подданства».

Осуществляя условия подданства, Тевкелев старался доказать хану, султанам и старшинам те выгоды, которые они могут извлечь от постройки нового города в устье Ори и прежде всего их «пользы в торгу». Но в записке 1762 года Тевкелев откровенно пишет, что город в устье реки Орь должен быть построен, «чтобы положить на них (казахов — Н. , узду, чтобы они впредь всегда непоколебимо в верности и послушании были».[3] Здесь говорится о подданстве, как реальном подчинении. Оно может осуществиться, по мнению Тевкелева, лишь с продвижением укрепленной линии вглубь степи.

---

[1] А. Добромыслов. Тургайская область. Тверь. 1902.

[2] Разные бумаги ген.-майора Тевкелева. «Временник Москов. об-ва истории и древностей российских», 1852, кн. XIII, смесь, стр. 16.

[3] Там же, стр. 17.

Приписывая заслугу построения Оренбурга не только себе, но и Кириллову, Тевкелев видел в этом мероприятии крупные экономические и политические выгоды для Российской империи. «А по построении города Оренбурга, — писал Тевкелев, — через короткие годы от приезжих изо всей Российской империи азиатских купцов такой произрос плод, что каждый год в Российскую Империю немалое число золота и серебра входит... и через то российские границы от набегов означенных орд (казахских — Н. А.) и прочих народов охранены».[1]

Более поздние данные о деятельности Тевкелева говорят также о том, какую роль сыграл он в колониальной политике царизма. В 1735 году Тевкелев принимал участие в подавлении башкирского восстания и в сожжении башкирских деревень. П. Рычков рассказывает о том, что в 1736 году военной командой, посланной Тевкелевым, было разорено 50 деревень, причем около двух тысяч человек в них было убито.[2]

В расправе с башкирами Тевкелев не отступал от советов своего начальника Кириллова, с которым он, по сведениям Рычкова, имел соглашение в марте 1736 года, когда Кириллов, отправляя Тевкелева, дал ему свои указания, как следует поступать с «бунтовщиками».

За работу в Оренбургской экспедиции Тевкелев был пожалован землями в Уфимской провинции, а в 1742 году за участие в подавлении восстания башкир получил чин бригадира. Злоупотребления Тевкелева в отношении крестьян были причиной их нападений на владения Тевкелева в 1744 году.

В 1755 году Тевкелев был командирован в Уфу для подавления восстания башкир. В том же году Тевкелев получил чин ген.-майора и был направлен в казахские степи для возвращения бежавших башкир. Управляя Оренбургской губернией вместе с П. Рычковым в 1758—59 гг., Тевкелев держался политики соглашения с представителями феодальной верхушки, считая такое соглашение наиболее реальным средством для усиления влияния царизма в казахских жузах. Однако методы колониальной политики, проводимой Тевкелевым, были одной из причин обострения его взаимоотношений с военным губернатором А. Давыдовым и кн. Путятиным, которые проводили еще более крайние меры в осуществлении политики царизма. В 1760 году Тевкелев был удален из Оренбурга. На этом закончилась карьера Тевкелева, который, будучи обижен тем, что его обошли при назначении оренбургского губернатора, отказался в начале 60-х го-

[1] Там же, стр. 17.
[2] П. Рычков. История Оренбургская. Оренбург. 1896, стр. 20.

дов дать свое заключение по делам казахов Колл. ин. дел,
после чего ему уже не давались никакие поручения.

Таким образом, Тевкелев был одним из представителей
колониальной политики царизма, которая имела в лице его
не только хорошего знатока языка и быта казахов, но
и представителя интересов империи в осуществлении того
подданства казахского народа, которое должно было в даль-
нейшем вылиться в реальное подчинение. Нам остается ска-
зать о том, как относились народные массы к принятию Рос-
сийского подданства.

Отдельные отрывочные факты, нашедшие свое отражение
в источниках, не дают возможности осветить эту проблему
в целом.

Историческая обстановка, в которой осуществлялось при-
соединение Казахстана к России, была такова, что она могла
только усилить тяготение к ней широких народных масс
к Российскому подданству. Опасность порабощения Джунга-
рией была опасностью в первую очередь для широких народ-
ных масс, на которые легло бы бремя дани.

Экономика кочевого скотоводческого хозяйства трудя-
щихся казахов была подорвана во время опустошительных
вторжений джунгар. Тяготение широких масс к Уралу
и Волге было вызвано потерей пастбищ и опустошением ко-
чевий в восточных районах. Разорительна была для хозяй-
ства казахов-общинников барымта, борьба между феодаль-
ными группировками.

Продвижение к западу в сторону Урала и Волги, где
были удобные зимние стоянки и летние пастбища, где можно
было рассчитывать на менее продолжительные перeко-
чевки, явилось единственным выходом из создавшегося по-
ложения.

Тяготение к России было, прежде всего, выражением же-
лания безопасного существования. Поэтому широкие народ-
ные массы воспринимали подданство, как своеобразный воен-
ный союз с Россией, который может обеспечить мирное су-
ществование и возвращение на прежние кочевья.

Но настроения народных масс «жить в миру» с Россией
не совпадали с политическими стремлениями и экономиче-
скими интересами представителей казахской феодальной вер-
хушки и калмыцких тайшей. Феодально-зависимое население,
участвуя в набегах на русские селения и слободы, в то же
время выражало недовольство по адресу организаторов этих
набегов. Это свидетельствует о разобщенности интересов их
организаторов и тех, кто участвовал в них на положении
феодально-зависимых.

Выше приведенные факты показывают, что набеги на
обозы Тевкелева совершались по инициативе тех старшин,
которые видели в Тевкелеве царского шпиона и считали, что

казахским жузам угрожает военное наступление России. Используя свое положение, они втягивали в эти набеги и подвластных им.

Имеются краткие указания о волнениях в жузах. К сожалению, данные источников не раскрывают, в какой мере эти волнения были связаны с вопросом подданства казахских жузов России.

В отдельных случаях народные массы выступали вместе с старшинами и султанами враждебной Абулхаиру группировки, когда вопрос о подданстве использовался в борьбе против хана. Поэтому Батыр мог располагать большим количеством войска, а главари враждебной партии Сырлыбай, Бахтыбай и другие старшины могли нападать «многолюдством» на обозы Тевкелева или совершать набеги на принявших подданство башкир, обостряя таким образом межплеменные взаимоотношения.

Несомненно, однако, что в этих отдельных выступлениях против российского подданства сыграли свою роль калмыцкие тайши, которые пытались разжечь враждебное отношение к России. Поэтому очагом выступлений против подданства сделался Средний жуз, где было сильно воздействие калмыцких тайшей на султанскую партию Батыра.

Но было активное противодействие этой агитации со стороны Букенбая и его приверженцев, которым удалось укрепить позицию ханской партии.

Однако, интересы батырской группы, ставшей опорой царизма в принятии российского подданства, были далеки от интересов народных масс, которые не могли рассчитывать на ослабление феодального гнета. На лучшие кочевья в районах Урала и Волги претендовали не только казахские султаны, бии и батыры, но и калмыцкие феодалы. Кроме того, в инструкции, данной начальнику Оренбургской экспедиции Кириллову в 1734 году, предписывалось: «Реку Урал назначить границею и смотреть, чтобы никто из киргизов своевольно на правый берег не переходил».[1] Запрещение перехода на «внутреннюю сторону» в первую очередь касалось тех, кого царское правительство не рассчитывало сделать послушным орудием в реализации своей колониальной политики. Широкие трудящиеся массы казахов не могли ожидать от царской администрации ничего хорошего. Но приближение казахов-общинников к русским границам открывало возможности сближения их с той частью русского населения, которая могла быть солидарной с ними в своих классовых интересах Это были поселившиеся в окрестностях крепостей крестьяне — землепашцы и мелкие ремесленники, у которых можно было получить навыки в сельском хозяйстве и в ремес-

[1] Левшин. указ. соч., ч. II, стр. 113.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Редактор С. Г. Медведев
Технический редактор Н. А. Исаков
Корректор Ф. И. Воробьев

Сдано в набор 3/I-1948 г.
Подписано к печати 14/VIII 1948 г. УГ01770
Печатных листов 16, уч.-авт. 16,25.
Тираж 2000 экз. Бумага $60x92^1/_{16}$

Набор и матрицы изготовлены в типографии № 2
Управления Издательств и полиграфии
Ленгорисполкома

Отпечатано в тип. ЦК КП(б)К гор. Алма-Ата.
Заказ № 160. Цена 16 руб.